

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

П. А. ЧИХАЧЕВ

Великие державы и Восточный вопрос

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

Составитель,
автор предисловия и примечаний
В. В. ЦЫБУЛЬСКИЙ

Перевод с французского и немецкого
под редакцией С. Н. ВОРОБЬЕВА

В сборник включен ряд историко-политических статей русского ученого-востоковеда П. А. Чихачева. Каждая статья освещает тот или иной аспект так называемого Восточного вопроса, т. е. положение Османской империи и борьбу крупных европейских держав — России, Англии, Франции и Австрии за господство в районе Ближнего Востока накануне, во время и после Крымской войны 1853—1856 гг.

1-6-3

67-70

Петр Александрович Чихачев
ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор М. И. Штемпель
Художник А. Г. Кобрин
Технический редактор Н. А. Суворцова
Корректор Г. В. Стругова

Сдано в набор 24/XI 1969 г.	Подписано к печати 25/II 1970 г.	A-01423
Формат 60 × 90 ¹ / ₁₆ .	Бумага № 2.	Печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14,8.
Тираж 2500 экз.	Изд. № 2406.	Зак. № 1343. Цена 89 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука», Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Предлагаемый вниманию читателей сборник «Великие державы и Восточный вопрос» включает лишь небольшую часть литературного наследства талантливого русского ученого-востоковеда Петра Александровича Чихачева, который более 20 лет путешествовал по Османской империи.

Не только в XIX в., но, пожалуй, и во всей истории исследования Османской Турции и особенно Малой Азии трудно найти человека, который столько путешествовал по этой небезопасной тогда для европейского, а тем более русского, ученого стране и внес столь большой вклад в изучение природы, этнографии, географических, социально-экономических и историко-политических проблем этого важного района мира.

П. А. Чихачев родился в 1808 г. в Гатчине в семье военного. Первоначальное домашнее образование получил у лицейских профессоров в Царском Селе, где провел свои детские годы. В 1823 г. он был определен студентом по ведомству Государственной коллегии иностранных дел, а в 1828 г., закончив дипломатическую подготовку, произведен в коллежские регистраторы. Через два года его пожаловали в переводчики и причислили к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. В 1832 г. Чихачев получил придворное звание камер-юнкера, а в апреле 1833 г. — чин титулярного советника.

Одновременно со службой в Министерстве иностранных дел Петр Александрович в течение десяти месяцев (1829—1830 гг.) слушал лекции на юридическом факультете Петербургского университета.

В Азиатском департаменте П. А. Чихачев занимался преимущественно Восточным вопросом и с 1834 по 1836 г. жил в столице Османской империи — Константинополе, работая помощником секретаря при русской миссии.

В 1837 г. Чихачев был командирован в Дрезден. В Германии он встречался с А. Гумбольдтом, Г. Розе и другими

выдающимися в то время учеными. В 1839—1841 гг. по рекомендации А. Гумбольдта он путешествовал по Южной Франции и Италии, пробуя силы в исследовании ряда «загадочных в геологическом и ботаническом отношениях районов Европейского континента».

В итоге этой экспедиции, в 1842 г. в Берлине на французском языке вышел его первый научный труд — «Взгляд на геологическое строение южных провинций Неаполитанского королевства...».

В ноябре 1841 г. П. А. Чихачев переменял службу в Министерстве иностранных дел на работу в Министерстве финансов. В январе 1842 г. штабом корпуса горных инженеров за подписью генерала от инфантерии Канкрин императору Николаю I была направлена просьба о посылке в научную экспедицию в Алтайский горный округ «вновь зачисленного для особых поручений при Министерстве финансов надворного советника камер-юнкера Чихачева, путешествовавшего уже перед сим во многих странах, и о способностях и о знаниях коего свидетельствуют с особою похвалою несколько европейских ученых, а особенно барон Гумбольдт».

Научное путешествие по Алтаю и Северо-Западному Китаю, совершенное в 1842 г., явилось вершиной исследовательской деятельности П. А. Чихачева в первой половине XIX в. Наряду с открытием Кузнецкого каменноугольного бассейна, составлением первой геологической и орографической карты Алтая, исследованием истоков Чуи и Чулышмана и описанием палеонтологических, ботанических и зоологических сокровищ этого края, особое внимание привлекают данные им красочные описания социально-экономической жизни народов Алтая и глубоко поэтические картины природы.

С 1848 по 1863 г. П. А. Чихачев провел восемь научных экспедиций по Малой Азии. «Малая Азия, — писал П. А. Чихачев, — это страна, которая служила то колыбелью, то кладбищем для народов, для науки и для искусства. Она единственная в своем роде по своему гигантскому прошлому, так что можно было даже предположить на одно мгновение, что это прошлое не оставляет больше места ни для настоящего, ни для будущего. Поэтому исследователи и занялись почти исключительно ее гробницами, которые действительно более великолепны, чем современные королевские жилища. Дивные создания человека заставили забыть создания природы и игнорировать, что наряду с красноречивыми развалинами прошлого здесь находятся памятники несравненно более грандиозные, имеющие свой язык и ждущие своих исследователей, чтобы заговорить этим языком».

П. А. Чихачев опубликовал около ста работ о Малой Азии, среди которых особую ценность и мировую славу получил его классический многотомный труд «Малая Азия». Особенно мно-

го П. А. Чихачевым было сделано в области геологического, палеонтологического и ботанического исследования этой страны.

В 1861—1862 гг. П. А. Чихачев вновь путешествовал по Италии. На этот раз его внимание привлекли не палеонтология и физико-географические вопросы, а экономика и социально-политические условия жизни ее населения. Еще до путешествия он издал несколько трудов, посвященных освободительному движению итальянского народа, к которому относился с большим сочувствием.

Последней экспедицией, которую этот неутомимый путешественник и исследователь предпринял уже на закате своего жизненного пути — в 1877—1878 гг., была поездка в Северную Африку, через Испанию. Алжир, Тунис, Марокко, Египет и Ливию Чихачев впервые посетил еще в 1835 г., когда служил при русской миссии в Константинополе. Второй раз он был здесь в 1846 г. Однако тогда французский генерал-губернатор не разрешил ему путешествовать для изучения этих мест, утверждая, как писал Чихачев, что «появление русского, носящего полувосточную одежду (я только что вернулся из Средней Азии) и разговаривающего с арабами запросто на их языке, весьма таинственно и подозрительно». Как после первой, так и после второй поездки специальных работ не появилось. Результатом третьего путешествия стал большой труд «Испания, Алжир и Тунис» («Espagne, Algerie et Tunisie»), опубликованный в Париже в 1880 г. Позднее вышел еще ряд работ Чихачева, где вопросам географии Африки уделялось значительное внимание. В 1888 г. появилась в свет интереснейшая работа этого изумительно разностороннего исследователя, посвященная проблемам нефти. В частности, он высказывал предположения, что большие нефтяные запасы таятся в древних геологических пластах Туркмении и Поволжья.

Литературное наследство П. А. Чихачева, окончившего жизнь в 1890 г., огромно. Важные события общественно-политической жизни Запада и Востока того времени, нарастающие социальные противоречия, острая идеологическая борьба научного материалистического мировоззрения против религиозных вымыслов — все это нашло широкое отражение в его трудах.

Научную ценность его трудов, во многих отношениях не потерявших своего значения до наших дней, трудно переоценить. Уже при жизни его заслуги получили всемирное признание: он был почетным членом Российской Академии наук, Русского географического общества, Московского общества испытателей природы, Петербургского минералогического общества; членом-корреспондентом академий: Парижской, Берлинской, Мюнхенской, Венской, Филадельфийской и др.; чле-

ном географических обществ: Королевского Лондонского, Берлинского, Римского и т. д.

Материалист и гуманист, разносторонне образованный человек, неутомимый путешественник, обладавший выдающимся литературным даром, исследователь П. А. Чихачев по праву заслужил, чтобы его имя стало в ряду тех, кто является национальной гордостью русской науки. Передовые люди России высоко ценили заслуги П. А. Чихачева перед родиной. В. Г. Белинский в статье «Русская литература», касаясь «книг ученых, учебных и вообще дельных... которые должны радовать патристические чувства русского», упоминает и работы П. А. Чихачева. Н. Г. Чернышевский писал: «Важно „Обозрение памятников древностей в Малой Азии“, составленное ученым, нашим путешественником П. А. Чихачевым». Он относит П. А. Чихачева к путешественникам, «трудами которых столь значительно распространены наши географические и этнографические сведения».

Заслуженно высокую оценку деятельности П. А. Чихачева дали и советские ученые — академики И. А. Орбели, В. В. Струве, В. А. Обручев и др. «Один из великих русских натуралистов Петр Александрович Чихачев, — подчеркивал П. М. Жуковский, — принадлежит к тем гигантам, которые навсегда останутся в истории науки».

Имя П. А. Чихачева увековечено в названии одного из хребтов Алтая, где в 1842 г. Петр Александрович проводил свои исследования.

* * *

Непосредственные наблюдения жизни стран Востока, знакомство с философскими и социальными идеями Западной Европы вызвали у П. А. Чихачева глубокий интерес к экономике, государственному и политическому устройству, быту и литературе многих стран и народов. Несколько политических и историко-политических трудов, отражающих это направление его многосторонней деятельности, собрано в настоящем сборнике. Каждая из статей освещает тот или иной аспект так называемого Восточного вопроса, т. е. положение Османской империи и борьбу крупных европейских держав — России, Англии, Франции и Австрии за господство в районе Ближнего Востока накануне, во время и после Крымской войны 1853—1856 гг.

Восточный вопрос неразрывно связан с национально-освободительным движением различных мусульманских и христианских народов, веками испытывавших гнет султанских властей. Он непосредственно касался судеб турок, греков, армян, сербов, болгар, румын, албанцев, молдаван, арабов, курдов и других народов.

А. П. Чихачев
(1808—1890)

Восточный вопрос довольно подробно освещен в русской, советской и зарубежной литературе. Им занимались классики марксизма-ленинизма, историки и дипломаты, социологи и философы, географы и военные специалисты многих стран.

Международные события, связанные с Восточным вопросом, и в наши дни вызывают большой интерес. За последние десятилетия только в нашей стране вышло несколько десятков книг, посвященных той или иной стороне проблемы. Особенно большой интерес вызывает Крымская война — кульминационный момент восточной политики середины XIX в. Некоторые буржуазные историки намеренно извращают международные отношения того периода, стремясь представить причины, породившие Крымскую войну, лишь «захватническими устремлениями русского царизма». Нет сомнения, что царизм, выражая интересы правящих классов России, преследовал захватнические цели. Царское правительство в интересах русского купечества и буржуазии помогало славянам балканских провинций Турции, боровшимся за освобождение от османского гнета, и тем самым старалось усилить свое влияние в этом районе и обеспечить выгодный режим черноморских проливов. В то же время западноевропейские державы не только стремились ущемить интересы России на Балканах, но и сами хотели подчинить себе Турцию. Особенно большую активность проявляла Англия, которая, маскируя свою агрессивную политику желанием якобы сохранить в этом районе статус-кво и противостоять России, рассчитывала захватить проливы и превратить всю территорию Османской империи в колонию. Использование исследователями трудов П. А. Чихачева, очевидца многих событий XIX в., во многом может содействовать дальнейшей разработке спорных проблем этого периода истории.

Конечно, Чихачев — сын своего времени и своего класса. По политическим убеждениям его можно отнести к представителям левого крыла либеральной буржуазии, хотя по ряду вопросов его высказывания отражают взгляды революционных демократов. Все это, естественно, предопределяет толкование П. А. Чихачевым современных ему политических событий. Советский читатель, конечно, легко обнаружит наивность в рассуждениях автора, когда он, как, впрочем, и большинство его современников, основную причину национально-освободительной борьбы балканских народов видел в несовместимости «незыблемых основ христианской и мусульманской религий». Не удовлетворяют современного читателя и выводы, которые делает Чихачев в ряде других случаев. Однако подобные недостатки не могут снизить интереса к его работам, основная ценность которых в том, что это — свидетельства честного и наблюдательного очевидца, размышления умного и высокообразованного русского патриота и гуманиста. Более того,

материалистические взгляды Чихачева, столь ярко представленные в его естественнаучных произведениях, не могли не оказать влияния и на его исторические и социально-политические работы. Особенно ясно это видно, когда он в отличие от многих своих современников пытается искать социально-экономические корни в политике той или иной державы.

Первая политическая брошюра П. А. Чихачева, посвященная Крымской войне, — «Об англо-французской политике в Восточном вопросе»¹ вышла в свет в начале 1854 г. Турция и Россия в это время уже были в состоянии войны. Англо-французский флот вошел в Черное море², хотя Англия и Франция официально в войну еще не вступили. Анализируя внутреннее положение России, Турции, Англии и Франции, Чихачев рассматривает их внешнюю политику в прямой зависимости от социально-экономических условий в этих странах. Он приходит к выводу, что ни Россия, ни Турция, ни даже Франция не нуждались в развязывании Крымской войны³, которая противоречила интересам этих стран.

П. А. Чихачев показывает, что Англия и Франция, выступая в качестве посредников, стремившихся якобы урегулировать русско-турецкие отношения, фактически старались разжечь военные действия. В 1853 г., когда были реальные возможности воспрепятствовать обострению конфликта, «Англия и Франция сделали все, чтобы толкнуть турок на военные действия, дав им понять, что в случае необходимости им будет оказана военная помощь».

Ввод англо-французского флота в Черное море был не чем иным, как демонстрацией против России. Поведение дипломатов Англии и Франции на заседании в Диване⁴ также свидетельствует о том, что эти страны «занимали позицию, которая скорее способствовала возникновению войны между Россией и Турцией, нежели ее предотвращению...».

Последствиям Крымской войны посвящена вторая политическая брошюра П. А. Чихачева — «Прочен ли Парижский мир?» (*La paix de Paris est-elle une paix solide?*), которая вышла в свет через несколько дней после заключения Парижского мирного договора⁵. Чихачев доказывает здесь, что Крымская война и Парижский договор не разрешили Восточного вопроса. Он считает, что мирный договор носит временный характер и Россия, после того как она реорганизует свой социальный строй и восстановит могущество, приступит к исправлению условий договора. Трудно точно предугадать то время, когда произойдет такая развязка, но совершенно очевидно, подчеркивал автор, Россия найдет благоприятный момент, чтобы разрушить непрочное здание, воздвигнутое Парижским конгрессом.

Представляет интерес смелая и реальная оценка П. А. Чихачевым влияния Крымской войны на положение России. «Из

всех государств Европы, — отмечает он, — Россия, несомненно, больше других чувствует последствия восточного кризиса. Эти последствия сказываются не только на ее внешнеполитических отношениях, но также, и даже в большей степени, на ее внутреннем устройстве». П. А. Чихачев вскрывал гнилость и порочность режима Николая I. Он сравнивал Николая I с папой римским и считал, что оба они являются «анахронизмом нашей современной Европы». П. А. Чихачев показывал пренебрежительное отношение Николая I к народу, его неприязнь к просветительской деятельности и развитию личности, вскрывал систему взяточничества и подкупа, которая «разъедала и разрушала, подобно раку, весь социальный организм».

В опубликованной позднее в Брюсселе и Париже политической брошюре «Италия и Турция» («Italie et Turquie») П. А. Чихачев связывал результаты Крымской войны с необходимостью реконструкции внутреннего строя России, намечал пути преобразований и даже пытался предугадать их итоги. Он считал, что в России «нужно почти все перестроить», что Крымская война поставила на повестку дня разрешение ряда проблем, среди которых особое место занимает проблема освобождения крестьян⁶. Еще до проведения крестьянской реформы П. А. Чихачев, анализируя социальный строй России, пришел к выводу, что в итоге осуществления реформы политические права дворянства расширятся, что правительство будет ее претворять в жизнь, не подрывая основы частной собственности. Эта «мирная революция» будет иметь последствием, выражал надежду Чихачев, переход от абсолютной монархии к конституционной.

В 1860 г. вышла еще одна брошюра Чихачева — «Россия и Восточный вопрос» («La Russie et la question d'Orient»), в которой он писал: Крымская война «была для нас тем ударом грома, который потряс до основания дряхлое здание и пробудил его обитателей от глубокой спячки». «Каждым думающим человеком в России владеет лишь одна идея, одна цель, а именно — осуществить внутренние реформы. Все понимают, что мы стоим накануне революции, революции грандиозной...»

Обращает на себя внимание попытка автора проанализировать в этой брошюре отношение к вопросам войны и мира различных слоев населения. Он писал, что если в России и есть люди, выступающие за войну, так это та часть аристократии, которая пытается войной отвлечь широкие массы от внутренних преобразований. Рассмотрев позиции дворянства, купечества, духовенства и военных, П. А. Чихачев обращал особое внимание на отношение к войне широких трудящихся масс. «Остается народ — этот достойный восхищения, трудолюбивый умный народ, который не развратили три столетия

рабства. Народ, в котором зиждется сила и грядущее России. Именно он выплачивает чуть ли не все государственные налоги; благодаря ему существует правительство, живет в роскоши дворянство, а сам он в награду влачит жалкое, полное лишений и нищеты существование. Война для него не имеет иного значения, нежели ненавистный рекрутский набор, который он презирает всеми фибрами души. Кроме того, война означает для народа увеличение налогов, которыми его столь тяжело обременяют. Что касается народных помыслов, то все они связаны с жадой раскрепощения, или, как говорят, свободы, которую народ тщетно ждет целые три года. Не такие ли чувства могут склонить его к войне?.. Русские не склонны до такой степени вдохновляться войной, чтобы ради нее забыть свои собственные дела. Если речь идет о защите родины, они готовы на любые жертвы, но к завоеваниям в общем остаются равнодушными, а теперь еще более, чем прежде».

Особое место в историко-политических работах П. А. Чихачева отводится вопросу о внутреннем положении Османской империи. В своих работах, особенно в «Письмах о Турции» («Lettres sur la Turquie»⁷), он убедительно показал развал Османской империи, который после Крымской войны не только не приостановился, а, наоборот, даже усилился.

П. А. Чихачев четко изобразил картину экономического упадка Османской империи, который наглядно проявлялся в ее финансовой несостоятельности и выражался в быстром росте дефицита бюджета и образовании колоссального государственного долга. Между тем «еще 20 лет назад она была, быть может, единственной страной в мире, которая могла похвастаться полным отсутствием задолженности и наличием в обращении только звонкой монеты».

П. А. Чихачев показал, что в плачевном состоянии находились и другие отрасли турецкой экономики: внутренняя торговля, где дорогостоящие перевозки осуществлялись вьючным транспортом; внешняя торговля, развитие которой тормозилось высокими пошлинами; земледелие, где «работы производятся... варварскими сельскохозяйственными орудиями». Говоря о застое в промышленности, П. А. Чихачев указывает, что «нынешний упадок в национальной турецкой промышленности объясняется отнюдь не неспособностью населения, а скорее преступным нерадением правительства, которое не сумело стимулировать труд в промышленности».

Из материалов П. А. Чихачева, в частности — брошюры «Новый этап Восточного вопроса» («Nouvelle phase de la question d'Orient»), изданной в Париже в 1860 г., видно, что разложение и коррупция охватили буквально все сферы общественной и политической жизни Османской империи. Это особенно проявлялось в провинции, где широкий размах при-

обрили грабежи мирного населения воинственными племенами — курдами, авшарами и другими.

Истории, культуре и быту курдов в работах П. А. Чихачева уделяется много внимания. Правда, рисуя яркие картины жизни курдов — одного из древнейших народов Юго-Западной Азии, показывая их взаимоотношения с турками и другими народами страны, он не обращает внимания на классовые различия среди курдов: феодально-племенная знать, организовавшая набеги на армян и греков, отождествляется им со всем курдским населением. Однако наряду с этим он справедливо указывает на то, что, несмотря на численное превосходство турецких войск в районах, где совершались эти набеги, турецкие власти не только не мешали, а, наоборот, всячески потворствовали им, используя национальную рознь для удержания своего господства.

В брошюре «Новый этап Восточного вопроса», как и в «Письмах о Турции», П. А. Чихачев уделил много внимания реформам, известным под названием: «Танзимат». Он писал: «Проследив в наших „Письмах...“ шаг за шагом жизнь Турецкой империи, начиная с 1838 г., когда мы были атташе при русском императорском посольстве в Константинополе, и по 1858 г., когда в качестве натуралиста совершили последнее научное путешествие в Малую Азию, мы сделали из этого тщательного и добросовестного исследования следующие выводы: если за 20 лет, несмотря на требование самых решающих событий, несмотря на самые торжественные обещания, турецкое правительство не сделало ни единого шага на пути разрешения великих вопросов цивилизации и социального устройства, то это не столько потому, что оно „не хотело“, сколько потому, что оно не „могло“ и никогда не сможет...

...Начиная с 1858 г. мы старались привлечь общественное мнение к угрозе, которой подвергались христианские подданные Турецкой империи. Ее мы поспешили посетить сейчас же после заключения Парижского трактата, чтобы убедиться собственными глазами, до какой степени были обоснованы опасения, которые это соглашение нам внушало. Опасения эти, впрочем, были настолько мотивированы, что даже самый скептический ум не мог бы их отвергнуть, даже не прибегая к проверке, которой мы считали нужным их подвергнуть».

В этой брошюре, так же как и в других своих работах: «Россия и Восточный вопрос» («La Russie et la question d'Orient» — 1860 г.), «Шансы мира и войны» («Chances de paix et de guerre» — 1875 г.), «Берлинский договор»⁸ («Le traité de Berlin» — 1879 г.), П. А. Чихачев постепенно формулирует свои предложения о путях решения Восточного вопроса. Он выступал как против того, чтобы предоставить Османскую империю самой себе, т. е. против принципа сохранения статус-кво, так и против раздела Турции между великими

державами. Решение Восточного вопроса Чихачев видел «в широком и разумном применении национального принципа, т. е. в раскрепощении народов, населяющих Турецкую империю». Однако это раскрепощение должно происходить, по его мнению, «не с оружием в руках», а единомышленным ультиматумом, предъявленным всеми странами на основе «прогресса и цивилизации».

В непосредственной связи с этими предложениями нужно рассматривать и его небольшую брошюру «Турция в изображении Мирэ» («La Turquie — Mirés»), которая вышла в свет в январе 1861 г. в Париже. Брошюра была ответом на появление в декабре 1860 г. в крупных французских газетах серии статей французского коммерсанта М. Мирэ, претендовавшего на звание знатока административного, финансового и политического положения Турции. Вскрывая несостоятельность высказываний М. Мирэ о благополучии в христианских районах Турции, П. А. Чихачев привел весьма любопытный материал по государственному бюджету Османской империи, дал оценку займам, к которым султанат вынужден систематически прибегать. П. А. Чихачев разоблачил М. Мирэ и ему подобных европейских дельцов, извлекавших доходы от сложившейся в Османской империи системы налогообложения.

В брошюре «Берлинский договор», изданной в Париже примерно через год после заключения Берлинского договора, П. А. Чихачев дал характеристику этому международному документу. Он считал, что сам факт создания новых славянских автономных государств — Болгарии, Сербии, Черногории и других, а также возврат России Ардагана, Карса, Батуми и других районов свидетельствуют о том, «что существование Турции в тех границах, которые ей были определены, основано на гарантиях более прочных».

П. А. Чихачев отмечал, что британская дипломатия по Берлинскому договору добилась варварского уродования границ Болгарии, получившей независимость по Сан-Стефанскому договору⁹, «парализовав развитие талантливого народа, перед которым открывалось будущее, и навязав тем самым Берлинскому конгрессу неразумное и непрочное дело».

П. А. Чихачев в этой работе показал также, что Англия под предлогом так называемой «русской угрозы» фактически оккупировала остров Кипр, который имеет для нее важное значение в качестве опорной базы в борьбе против французских притязаний.

В кратком предисловии невозможно пересказать все проблемы, которых касался П. А. Чихачев в своих работах. Однако для того, чтобы оценить широту его интересов, в этом нет необходимости. Достаточно, например, привести перечень вопросов, затрагиваемых в такой брошюре, как «Россия и Восточный вопрос» (экспансия Англии в Индии, Китае и других

странах, национально-освободительное движение в странах Востока, классовая борьба в русской деревне, крестьянская реформа в России, ее связь с социальным устройством и государственным строем и т. д.), чтобы получить представление об огромном диапазоне знаний замечательного ученого.

Выше было показано, как резко обличал П. А. Чихачев гнилость военно-бюрократической абсолютной монархии, сковавшей потенциальные силы русского народа, как он чувствовал обострение классовой борьбы в России, хотя и высказывался при этом против насильственного свержения самодержавия. П. А. Чихачев осознал необходимость прогрессивного развития России, но осуществить это можно было, по его мнению, путем установления в стране конституционной монархии.

Мимо внимания Чихачева не прошел и рост влияния идей социализма в Европе, хотя, как представитель либеральной буржуазии, он, естественно, считал распространение идей социализма «весьма опасной угрозой всему общественному строю». Еще в 1854 г. он писал: «Принципы социализма и право на труд начали уже завоевывать английский рабочий класс...», «значительная часть французского народа напичкана еще социалистическими принципами, которые тайно распространялись еще при Луи-Филиппе¹⁰ и открыто проповедовались во времена республики».

Важно отметить еще одну политическую проблему, которой занимался П. А. Чихачев, — это национально-освободительная борьба народов Востока против колониализма. П. А. Чихачев клеймил позорную для человечества колониальную систему с позиций гуманиста и предвидел ее неизбежную гибель. Он отмечал, что «состояние глубокого волнения, в котором находятся мусульмане Азии и Африки, так же как и народы других стран, с давних пор подвергающиеся захватам со стороны Европы, — униженный Марокко, покоренный Алжир, все африканское побережье, ожидающее подобной участи, Китай, подвергшийся нападению на его земле, Индия, жаждущая сбросить ненавистное иго, Персия, существование которой находится под постоянной угрозой... Если учитывать брожение среди мусульманских народов, двухсот миллионов индусов и четырехсот пятнадцати миллионов китайцев, то нельзя отрицать, что на Востоке происходит нечто необычное...». Чихачев уверен, что все эти «народы, закабаленные и эксплуатируемые кучкой купцов, в один прекрасный день, вероятно, обретут свободу. Но, учитывая их национальный характер и степень их культурного развития, день их освобождения наступит, может быть не так быстро, как это было с народами английских колоний в Северной Америке; тем не менее такой день наступит неминуемо».

Особо хочется отметить характерное для этого честного

исследователя-гуманиста стремление к объективности. Если в более ранних его произведениях еще ясно прослеживается стремление противопоставить «эгоистичную и агрессивную» политику Англии более симпатичной ему политике Франции (что естественно для тогдашнего русского дипломата, прожившего много времени в Париже), то позднее, после личного знакомства с французским колониализмом, он меняет к нему свое отношение. «Англия, — писал он в 1854 г., — повсюду создавала колонии, захватывала важные военно-стратегические и торгово-экономические центры, подчиняла своим интересам международное право и бесцеремненно вмешивалась во внутренние дела суверенных государств», в то время как политика Франции «по своей природе не агрессивна... ее промышленность и торговля не гонится за монополией и главенством на внешних рынках». В работах того времени он еще возлагал надежды на «гуманизм» французской политики. Однако позднее, особенно после того как Чихачев детально познакомился с положением в Северной Африке, он с нескрываемым негодованием описывал ужасные картины варварства французских колонизаторов во время захвата ими Северной Африки. Так, в работе «Испания, Алжир и Тунис» он, описывая оазис Заджа, когда-то населенный арабами, отмечал: «От деревни Заджа в наши дни остались лишь полуразрушенные стены, памятники героической борьбы между арабами Заджи и французами в 1849 г. Войска последних численностью около 8 тыс. осаждали эту несчастную деревню в течение двух месяцев, бомбардируя из 15 пушек ее жалкие глиняные домишки. Деревню защищали примерно 2 тыс. плохо вооруженных арабов. Правда, число арабов все время пополнялось жителями из соседних оазисов, спешивших на помощь своим доблестным соотечественникам. Неприятель занял Заджу только тогда, когда все ее защитники пали смертью храбрых на поле сражения, когда дома их были совершенно разрушены».

П. А. Чихачев рассказывал о борьбе арабов против французских захватчиков. В частности, он описал поджоги посевов и лесов, которые совершали алжирцы в знак протеста против захвата их земель французами, рисует картины гнета и бесправия, царивших в Алжире после оккупации его французскими колонизаторами. Он отмечал, что французы не считались ни с какими правовыми обязательствами и использовали любой повод для объявления земель арабов своей собственностью. П. А. Чихачев писал, что в 1871 г. французы захватили 370 тыс. га лучшей земли, а восставшие племена обязали уплатить контрибуцию в размере 36 млн. фр. Случалось и так, что племена выкупали у французов свою же землю. «Говоря об арабах как о неукротимых дикарях, слишком часто забывают, — писал П. А. Чихачев, — что дело идет об

одной из самых способных рас земного шара, более чем другие восприимчивых к цивилизации. Уже совсем забыли, что народам Европы потребовалось именно благодатное влияние арабов для того, чтобы вступить на путь цивилизации».

Едва ли не первым из тех, кто писал о Турции, отметил П. А. Чихачев активность в этой стране американцев. В брошюре «Прочен ли Парижский мир?» он писал: «Кто внимательно изучил Восток непосредственно на месте, а не в своей библиотеке, поражается деятельности, которую там развили в течение пяти лет миссионеры „Американского управления по делам иностранных миссий“».

В 1852 г. в 150 городах и селениях мусульманского государства было по одному американскому миссионеру. Имелось также известное число новообращенных в христианство, поведение и принципы терпимости которых настолько хорошо сочетались с требованиями, возлагаемыми на хороших и лояльных подданных султана, что местные власти относились к ним с уважением и искренней симпатией. Американская миссия, посвятившая себя армянам Малой Азии, содержит более или менее крупные заведения в Константинополе, Смирне, Мерсине, Ване, Трапезунде, Айнтабе, Эрзуруме и в других городах и повсеместно имеет множество филиалов для мужчин и женщин во всех населенных пунктах провинций, где расположены эти города. Только в одном маленьком городе Айнтабе, с очень небольшим населением, миссионерам удалось создать церковь, которая в 1852 г. вмещала 700 человек, а к концу года она уже не вмещала всех желающих. Прихожане тут же собрали 5 тыс. фр., к которым миссионеры добавили необходимую сумму для расширения церкви. В Измиде протестантская церковь насчитывает 400 прихожан, а школа — 100 учеников; в этой древней Никомедии в наши дни проживает примерно 4 тыс. человек.

Во всех районах Турции, где обосновались американские миссионеры-протестанты, им помогают их жены, причем проявляют при этом большую активность».

И наконец, для полноты картины следует указать, что и в вопросах политэкономии и влияния экономических факторов на политику П. А. Чихачев придерживался передовых для своего времени взглядов, хотя, конечно, он еще и далек от марксистского понимания этих вопросов. Чихачев довольно четко представлял себе, например, влияние конкуренции на заработную плату трудящихся, кризисы перепроизводства и т. п. Какаясь роста конкуренции на внешних рынках и положения английской промышленности, он писал: «Чтобы выдержать все нарастающую конкуренцию и сохранить свое превосходство, английские промышленники прилагают все усилия к сокращению издержек производства с целью подавить своих соперников дешевизной товаров. А это достигается в ос-

новном только за счет заработной платы рабочих, судьба которых, в связи с ростом цен на предметы первой необходимости, становится все более и более незавидной».

Все эти качества блестящего ученого-востоковеда, и прежде всего то, что его труды всегда опираются на твердое знание фактов и проникнуты идеями широкого комплексного познания природы и общества, позволяют надеяться, что работы П. А. Чихачева не потеряли научного значения и в наше время, что они с интересом будут встречены не только специалистами, но и в широких кругах читателей.

Как показано выше, П. А. Чихачев прожил большую часть жизни за границей и публиковал там свои труды на иностранных языках (главным образом французском). С одной стороны, это позволяло ему более свободно выражать свое мнение (особенно относительно политики царского режима), с другой — это привело к тому, что русскому читателю его работы знакомы сравнительно мало, во всяком случае, меньше, чем они того заслуживают. Все статьи настоящего сборника, за исключением «Писем о Турции», на русском языке публикуются впервые.

Настоящий сборник составитель посвящает 200-летию со дня рождения выдающегося немецкого естествоиспытателя и путешественника А. Гумбольдта (1769—1859).

Об англо-французской политике в Восточном вопросе

Внешняя политика государств определяется многими обстоятельствами. Одни из них постоянные и естественные: географическое положение, наиболее жизненные интересы страны материального и морального порядка, внутреннее политическое и общественное устройство, а также национальный характер. Другие же обстоятельства временные и случайные. В монархических абсолютистских государствах это: политические взгляды или личный характер монарха или же государственных деятелей, которые от его имени руководят внешней политикой; иногда также интриги двора или сильной партии; изменения в порядке престолонаследия и интересы новой династии. В конституционных государствах к временным обстоятельствам можно отнести: состав законодательных собраний, характер и взгляды партий и самих выдающихся личностей, имеющих в них наибольшее влияние.

Взаимовлияние всех этих обстоятельств на внешнюю политику весьма различно. Случайные или временные причины, лишь едва затрагивающие политику, основанную на постоянных интересах, не нарушая ее естественных интересов,— это временное отклонение от традиционной политики. Взаимовлияние это, разумеется, является временным недостатком, последствия которого устранимы. Но когда государство под влиянием случайных причин или по соображениям отдельных лиц начинает проводить политику, идущую вразрез с его жизненными интересами, отказывается от своих естественных союзников ради союзов, отвечающих лишь данному моменту, оно подвергает себя большой опасности, ибо оно уподобляется мореплавателю без компаса, который не в состоянии заранее предугадать, куда его толкнут обстоятельства.

Во все времена в жизни государств бывали критические периоды и критические обстоятельства. В таких случаях правильное применение факторов, определяющих политику, которой нужно придерживаться, чрезвычайно затруднительно.

Даже самые опытные государственные деятели могут допустить серьезные ошибки и пойти по неправильному пути. Во все времена в политике было трудно согласовывать различные интересы и твердо придерживаться одной системы, как бы хорошо продумана она ни была. Но в наши дни политика стала еще более скользким делом, изобилующим безднами и рифами...

Исходя из этих общих положений, мы попытаемся разобраться в нынешней политике Англии и Франции, в тех факторах, которые ее определяют в Восточном вопросе.

Что касается Англии, то мы рассмотрим сперва обстоятельства, неотделимые от ее положения, а именно те, которые мы отнесли к постоянным или естественным факторам и которыми должно руководствоваться всякое государство в своей внешней политике.

На первое место мы должны поставить географическое положение Великобритании. Независимо от тех материальных интересов, которые определяют островное положение страны, это положение наложило на национальный характер некоторую печать своеобразия и эгоизма, что сказывается на внешней политике намного больше, нежели об этом принято думать. Если не считать конфликтов и соперничества, которые могут возникать по тому или иному поводу, в отношениях между континентальными странами существует некоторая общность моральных интересов, отсутствующая у Англии.

Англичанин воспитывается и живет в сфере идей, мнений, привычек и социальных условий, чрезвычайно отличных от тех, которые существуют на континенте. Он обычно рассматривает события в других странах и судит о них с точки зрения своей национальной индивидуальности.

Политические кризисы и социальные потрясения в других странах мало затрагивают политику Англии, поскольку они не касаются ее непосредственно, а часто идут ей на пользу. Англия сама вмешивается в дела континента и делает это даже больше, чем следует, но исходя при этом почти исключительно из своих интересов.

Нам могут возразить, что политика всякого правительства должна исходить из интересов своей страны. Да, конечно, это так. Однако эти интересы по своей природе могут быть в большей или меньшей степени захватническими и враждебными по отношению к другим странам.

Географическое положение Великобритании определило путь, по которому идет развитие ее интересов и ее производительных сил. Это положение превратило Англию в высшей степени меркантильную страну. Торговля оживила и способствовала развитию промышленности, и, наоборот, промышленность питает торговлю. По мере того как Англия расширяла торговые отношения с самыми отдаленными районами,

ей потребовался мощный флот для защиты своих коммуникаций. Таким образом, мощь Англии зиждется в основном на ее силе, торговле, капиталах, на предприимчивости и спекуляции, на механизации и промышленности. Если бы не все эти обстоятельства, обусловленные в большой мере островным положением Англии, будь она континентальной, она, возможно, занимала бы лишь второстепенное место среди великих держав Европы. Мощный флот, который бороздит моря и океаны, и чрезвычайно развитая торговля вынудили Англию соорудить повсюду склады, порты, пристани. Все возрастающее развитие торговли и флота сделало Англию владычицей морей. Она вынуждена постоянно поддерживать это свое превосходство. Оказавшись на этом пути в силу обстоятельств, английская политика стала меркантильной, эгоистичной и агрессивной. Англия ставит интересы своей торговли и своего морского могущества над всеми остальными и часто пренебрегает моральным правом и общепринятыми в международных отношениях нормами. Об этом свидетельствуют многие факты как в современной истории, так и в истории минувших веков. Англия непрерывно расширяет свои владения на всех морях. Она установила свое господство над 110-миллионным населением Индии; она повсюду создает колонии, захватывает (то по праву победителя, по путем переговоров и договоров) самые важные острова, проливы и порты; она сжимает Европу в своих тисках, оккупируя Гибралтар на территории независимой державы; захватив Мальту, а также Ионические острова, она ревниво относится к любой развивающейся морской державе. Сожжение датского флота, обстрел Копенгагена (находясь с Данией в мире), скандальное дело Пасифико¹ — таковы неопровержимые факты, подтверждающие агрессивный и захватнический характер политики, ставящей себя превыше всяких законов и без всякого смущения злоупотребляющей своей материальной силой против слабого государства, не имеющего другой защиты, кроме договоров и международного права, как это было в столь несправедливой и грязной ссоре с Грецией².

Чтобы обеспечить повсеместно превосходство своих торговых интересов, Англия приспособила к ним, на свой лад, международное право. Она присвоила себе право вмешиваться во все конфликты, связанные с английскими подданными или их имуществом, не считаясь с законодательством страны их пребывания. Но она не признает такого права ни за каким другим правительством. Если англичанину или его имуществу нанесен ущерб во время гражданской войны или в случае, если он совершает поступок, противоречащий законам страны, в которой он проживает, Англия не допускает, чтобы к ее подданному были применены законы данной страны. Она требует возмещения ущерба и представляет мелочные счета.

Она принимает такое право в основном к слабым государствам. Однако, когда подобное происходит с иностранцем на ее территории, она высокомерно отвергает любые претензии соответствующего правительства и отсылает истца в английский суд, что в большинстве случаев равносильно отказу. Словом, она всегда требует возмещения ущерба, но почти никогда не соглашается сама возмещать его. Оскорбления, нанесенные в мирное время лондонской чернью личности генерала Гайнау³ и оставшиеся без наказания, — лучшее тому доказательство. Англия подчиняет всех иностранцев своим законам, не признавая тех же прав за другими правительствами по отношению к английским подданным. Весьма удивительно, что это островное чванство англичан распространяется даже на общественные отношения. Англичанин почти никогда не уважает обычаев и правил приличия той страны, в которой он живет, но бывает чрезвычайно шокирован малейшим несоблюдением иностранцами английского этикета и обычаев. Англичанин позволяет себе искажать самым смехотворным образом все языки, но не терпит, когда неправильно говорят на его языке.

Английская политика, не довольствуясь естественным и мирным развитием своей торговли, прибегает при необходимости к оружию и ведет неспровоцированную войну против Китая⁴, чтобы заставить его принять индийскую отраву, ослабляющую народ.

Эта политика предстает человечной и либеральной лишь там, где свободолюбие и филантропия отвечают ее торгашеским интересам. Она выдает себя за поборницу освобождения народов, однако не столько из гуманных побуждений, сколько ради расширения своих торговых связей с другими странами.

Разумные люди из революционной партии весьма хорошо понимают это и умеют при случае использовать столь чувствительную жилку английского либерализма. В свое время один из самых искусных доверенных лиц Кошута⁵ усердно старался представить некоторым лондонцам, известным своими симпатиями ко всем революциям, выгоды, которые бы принесла английской торговле независимость Венгрии.

Английская политика покровительствует, провоцирует и тайно поощряет на континенте всяческие бунты и революции, нещадно подавляя их в подчиненных ей странах. Она кричит о жестокостях и тирании, она возмущается казнями, которые совершались в Австрии после революции и кровавой борьбы, поставивших монархию на волосок от гибели, и в то же время сечет и вешает на площади в Корфу⁶ дюжины людей, замешанных в заговоре, который не стоил Англии ни единого солдата и ни одной гинеи...

С некоторых пор, особенно с момента февральской революции⁷, английская политика продемонстрировала множество

подобных контрастов и скандальных примеров поведения ее агентов за рубежом, удививших весь мир и возмутивших всех людей доброй воли.

Эту политику можно понять, лишь изучив ее самые глубокие корни и побудительные мотивы.

Мы надеемся, что нам удалось доказать, что английская политика по своей сущности является захватнической политикой, поскольку она всегда стремилась к морскому владычеству и беспредельному расширению своей торговли. Эти цели тесно переплетаются с интересами промышленности или, вернее, составляют ее основу. Более глубокое изучение совокупности ее интересов, а также изменений, возникших с некоторых пор в ее внутренней политике и экономике, прольет, возможно, некоторый свет на поведение Англии во все периоды развития революционных идей, и главным образом во время последних кризисов, потрясших социальный порядок на континенте.

Перед Великой французской революцией и до восстановления всеобщего мира английская промышленность, за исключением некоторых отраслей, пользовалась превосходством, которое никто не мог оспаривать. Начиная с этого времени благодаря усовершенствованию механизации и технологии английская промышленность добилась колоссального прогресса и гигантского роста. Так, например, импорт хлопка и добыча железа возросли более чем в десять раз. Экспорт минерального сырья и промышленной продукции, который в 1814 г. достигал, согласно официальным оценкам, всего лишь 34 млн. ф. ст., вырос к 1853 г. до огромной суммы — 196 млн. ф. ст., т. е. около 5 млрд. фр., что почти втрое превышает нынешний бюджет Франции. Правда, объявленная ценность этих товаров не превышает 77 753 тыс. ф. ст.*. Но даже если принимать во внимание только эту оценку, то все же мы получаем сумму около 2 млрд. фр. Сколько же рук должно быть занято, чтобы создать такую огромную стоимость! Если допустить, что только одна треть ее идет на оплату рабочей силы, и считать в среднем по 800 фр. на каждого рабочего, мы получаем 832 тыс. человек с семьями. От их существования зависит процветание тех отраслей промышленности, которые работают на данный сектор внешней торговли. Главные центры этих отраслей сосредоточены в одной части Соединенного королевства Великобритании (Шотландии отведена второстепенная роль, а на Ирландию приходится лишь тысячная доля в общей стоимости экспорта). Если прибавить сюда рабочую силу, занятую в судостроении и торговом флоте — вывозе товаров и ввозе сырья, то можно ска-

* Официальные статистические данные таможенной администрации покоятся на старых ценах, многие из которых значительно упали.

зать, что существование по меньшей мере шестой части английского населения зависит от внешних рынков и сбыта для местной промышленности.

Располагая столь сосредоточенной, огромной и быстро развивающейся промышленностью, уже нельзя довольствоваться существующим сбытом. Нужно открывать и развивать все новые и новые внешние рынки. Это становится жизненной потребностью.

Завоевав многочисленные и огромные по территории колонии, Англия обеспечила себе более 270 млн. потребителей продуктов ее производства. Тем не менее, несмотря на такой огромный опыт развития торговли со многими независимыми государствами по другую сторону Атлантики, на долю Европейского континента приходится более двух пятых английского экспорта.

Поэтому понятно то значение, которое Англия придает сохранению за собой этого сбыта, его расширению всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Она не может безразлично относиться к его возможному сужению или сокращению. А такая возможность налицо.

Одновременно с быстрым ростом английской промышленности развивалась промышленность и на континенте. Она достигла огромных успехов в Германии, Австрии, Франции, России, Швейцарии, Бельгии и становится, таким образом, все более мощным соперником Великобритании по важнейшим видам промышленных изделий не только на внутренних, но и на внешних рынках, вплоть до заокеанских стран.

Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить за развитием текстильной промышленности в Европе. Это одна из наиболее важных для Англии отраслей, в которой она долгое время занимала исключительно привилегированное положение.

Государства Германского таможенного союза⁸, в которых текстильная промышленность 30 лет назад была в зачаточном состоянии, производят теперь более чем на 360 млн. фр. тканей и более чем на 65 млн. фр. вывозят их. Франция производит приблизительно на 600 млн. фр. тканей и вывозит на 65—70 млн. фр. Австрия — приблизительно на 280 млн. фр. и полностью себя удовлетворяет. Россия, где 30 лет назад текстильной промышленности почти не было, недавно произвела тканей свыше чем на 250 млн. фр.

Франция экспортирует готовых изделий на сумму свыше 800 млн. фр., Германия — более чем на 400 млн. фр.

Последняя всемирная выставка в Лондоне показала, что большая часть товаров, производимых Цолльферайном, ни в чем не уступает английской продукции, а по некоторым даже превосходит французские. Когда будет разумно изменена таможенная система Франции, главным образом в обложении

сырья (чего уже давно добиваются сведущие и беспристрастные люди), тогда произойдет небывалый взлет французской промышленности и она сумеет вытеснить с внешних рынков многие английские товары. В настоящее же время Франции трудно с ними соперничать исключительно из-за высоких издержек производства, являющихся следствием порочной системы обложения иностранных товаров. Благодаря совершенству и мощности машиностроения, секрет которого часто скрывался, а также благодаря обилию капиталов Англия в течение долгого времени сохраняла явное превосходство над промышленностью других стран. Однако ныне оно намного упало, так как в силу общего прогресса на континенте всякое новое изобретение легко переходит из одной страны в другую. Кроме того, многие страны, уже имеющие высокоразвитую промышленность, хотя бы частично компенсируют эту разницу дешевизной рабочей силы.

К конкуренции в промышленности европейских стран прибавилась в последнее время конкуренция промышленности Соединенных Штатов Америки. В 1848 г. экспорт американских хлопчатобумажных тканей достигал почти 30 млн. фр., в то время как импорт составлял приблизительно 15 млн. фр.

Чтобы выдержать все нарастающую конкуренцию и сохранить свое превосходство, английские промышленники прилагают все усилия к сокращению издержек производства с целью подавить своих соперников дешевизной товаров. А это достигается в основном только за счет заработной платы рабочих, судьба которых в связи с ростом цен на предметы первой необходимости становится все более незавидной.

Просвещенные государственные деятели давно уже предвидели опасность этого вынужденного положения и сознавали необходимость нового подъема промышленности Великобритании.

С одной стороны, они предлагали стимулировать те отрасли производства, которые находились под чрезмерным покровительством высоких пошлин на ввозимые товары, а с другой — снизить цены на средства существования, чтобы улучшить положение рабочего класса. Именно эту цель преследовала реформа сэра Роберта Пили⁹, осуществление которой было продолжено его преемниками. Она была последним резервным маневром Англии в целях сохранения подорванного превосходства на внешнем рынке. Эта реформа была проведена своевременно и дала весьма удовлетворительные результаты. Она оживила все отрасли промышленности. Положение трудовых слоев населения значительно улучшилось. Однако перед постоянным развитием промышленной мощи других стран благоприятные результаты реформы в английской промышленности могли иметь лишь временный харак-

тер. Опасная ситуация была смягчена на какой-то срок, но не ликвидирована.

Чрезмерное напряжение, возникшее в промышленности благодаря обилию капиталов и биржевой лихорадке, когда оно не сопровождается соответствующим расширением рынков и когда, наоборот, этим рынкам угрожает конкуренция, вызывает серьезные кризисы. Мы помним ряд таких кризисов, которые произошли в результате того, что в Англии называют *over production* *. И сейчас мы видим, что, несмотря на благоприятные результаты реформы сэра Роберта Пия, временное повышение цен на зерно вызвало заметное недовольство среди рабочих, которые бунтуют и бастуют, чтобы добиться повышения заработной платы; однако хозяева не соглашались с этим, так как им необходимо любой ценой сэкономить на стоимости производства в целях сохранения конкурентоспособности на внешних рынках.

Учитывая все это, можно легко понять, насколько Англия должна быть обеспокоена любым значительным прогрессом текстильной промышленности на континенте и сколь ревностно она к нему относится. Этот прогресс — плод более чем тридцатилетнего мира и растущего благополучия. Следовательно, всякое событие, которое нарушает благополучие континента, приостанавливает или отбрасывает этот прогресс, возникающий на пути меркантильных интересов Англии, обращается большей или меньшей выгодой для этой державы. В то же время досадные последствия социальных потрясений не затрагивают Англию ввиду ее изоляции от континента.

Вследствие февральской революции французский импорт сырья, красителей, необработанных металлов и других необходимых промышленности товаров, который постоянно возрастал вместе с прогрессом основных производств, быстро упал с 424 млн. фр. (в 1847 г.) до 279 млн. фр., т. е. на 145 млн. фр., или более чем на одну треть. К этому надо добавить, что социальные волнения, которые предшествовали катастрофе 1848 г., в сочетании с торговым кризисом уже в 1847 г. оказали пагубное влияние на многие отрасли производства. Это повлекло, в свою очередь, сокращение импорта сырья и других товаров на 58 млн. фр. Сравнивая год революции (1848) не с предшествовавшим ему годом, а с 1846 г., когда ввоз этих товаров сильно увеличился, мы увидим, что импорт сократился на 203 млн. фр., т. е. более чем на две пятых.

В Австрии и в других странах Германского таможенного союза события 1848 и 1849 г. привели приблизительно к тем же результатам.

Между тем импорт наиболее важного сырья в Соединенное королевство вырос с 1847 по 1849 г. в следующих разме-

*Перепроизводство (англ.). — *Прим. пер.*

рах: хлопок — на 60%, лен — на 72, пенька — на 31, шерсть — на 23, животное сало — на 32%. Экспорт продуктов земледелия и английских промышленных товаров, который в 1847 г., по официальным оценкам, составлял лишь 126 млн. ф. ст., увеличился в 1849 г. до 164,5 млн., т. е. на 862,5 млн. фр., или приблизительно на одну четверть за два года.

Можно ли после этого удивляться тем симпатиям, которые Англия в последнее время проявляет ко всем бунтам и социальным революциям на континенте, коль скоро очевидно, что эти революции разоряют другие страны и идут на пользу промышленным и торгашеским интересам Великобритании. Однако мы вовсе не считаем, что экономические интересы являются единственной и исключительной причиной тех симпатий и пристрастий, которые Англия проявляет к смутьянам и заговорщикам всех стран. Мы рассматривали до сих пор экономические факторы, характеризующие положение Великобритании и влияющие на ее внешнюю политику. Перейдем теперь к тем моральным причинам, связанным с национальным характером и отчасти являющимся следствием изменений в общественном устройстве и внутренней политике Англии, которые также оказывают известное влияние на ее внешнюю политику.

До сих пор англичане имели все основания гордиться своими институтами и своими *self-government* *, потому что, несмотря на все недостатки, этот несколько искусственный механизм, сочетающийся с большой глубиной политических взглядов, примирял самую широкую свободу личности с устойчивостью правления, социальным порядком, безопасностью государства, с монархическими формами и с внешним проявлением уважения к монарху.

Если политический механизм, который в принципе и на практике покоился на сильной дворянской аристократии, на преобладающем влиянии крупной собственности и на государственной церкви, скреплявшей союз духовной и светской власти, если этот механизм, скажем, сможет удержаться и продолжать действовать столь же четко, как в прошлом, и после того, как реформа подорвет основы старых институтов, а также подточит элементы силы и сопротивления, о которые разбивались волны народных страстей и бушевания демократии, то мы столкнемся с вопросом, от углубленного изучения которого сейчас воздержимся, иначе он может увести нас далеко в сторону от главного предмета нашей статьи.

Достаточно указать на ряд очевидных фактов и симптомов, которые можно считать более или менее непосредственными результатами последних внутривнутриполитических реформ

* Самоуправление (англ.). — *Прим. пер.*

Великобритании и которые оказывают заметное воздействие на ее внешнюю политику.

Гордясь своими институтами, англичане уже давно привыкли смотреть свысока на народы других стран, привыкли почти всегда неправильно о них судить с точки зрения исключительности своей страны, не принимая во внимание историю, нравы и потребности других народов, равно как элементы, на которых зиждется их общественное устройство. Но пока страны континента пребывали в своем естественном состоянии, не подвергаясь явному влиянию принципов Великой французской революции, этот английский подход к европейским делам был чисто пассивным и не оказывал заметного воздействия на внешнюю политику Великобритании.

Во время войн французской революции и вплоть до падения императорской власти, возникшей в результате этих войн, Англия, борющаяся за свое собственное политическое существование, совершенно не имела времени заниматься общественными порядками в других государствах. Когда же наступил мир, революционные идеи, сдерживаемые мощной рукой Наполеона и грохотом сражений, начали возрождаться. Распространяемые печатью и проповедуемые многочисленными апостолами современного либерализма, принципы французской революции все шире овладевали умами европейских народов. Они проникли также и в Англию, где вскоре стали подтачивать основы ее прежних институтов. Первая брешь была пробита реформой избирательной системы, и эта брешь теперь может лишь расширяться*.

Симптомы и результаты этой реформы, а также развитие вызвавших ее идей ощутимы уже сейчас. В этой в высшей степени аристократической стране влияние аристократии и крупных собственников значительно ослабло, власть и авторитет палаты лордов существуют только на бумаге, а знаменитая ассамблея сведена чуть ли не до роли консервативного сената при императоре Наполеоне I. Фактически вся власть перешла к палате общин, которая, правда, еще представляет значительную часть крупных собственников, но все более наводняется демократическими элементами. Прежние партии виги и тори¹⁰, удерживавшие власть в равновесии, были полностью дезорганизованы. Отныне парламент состоит лишь из отдельных политических фракций, группирующихся, разделяющихся и преобразовывающихся в зависимости от злобы дня и вопросов, которые в большей степени разжигают народные страсти. Самые выдающиеся люди утратили понимание своих идей и принципов. Лишенные возможности опираться

* Один видный государственный деятель с полным основанием сказал об этой реформе: «Английская конституция действовала довольно хорошо, пока она была просто фикцией. Она перестанет действовать, как только захотят сделать ее реальностью».

на однородную, компактную и крепко организованную парламентскую партию, они не находятся больше на уровне событий и больше не способны крепко взять в свои руки бразды правления государством, чтобы оказать сопротивление течению господствующих идей, какими бы опасными они ни были. Поэтому неспособность создать совершенно однородный кабинет и коалиционные правительства стали последним прибежищем. Эти кабинеты существуют лишь непродолжительное время, лавируя между всеми партиями и угождая то одной, то другой, в зависимости от требований момента.

При таком положении откровенно демократическая партия становится все более и более сильной, потому что только она одна является последовательной и знает, чего она желает. А государственные деятели, поощряющие злободневные страсти, имеют наибольшие шансы на успех.

Ввиду того что такая трансформация правительственного механизма в Англии происходила в эпоху, когда весь мир был вовлечен в смертельную схватку между принципом сохранения и принципом разрушения социального порядка, это не могло не оказать своего влияния на внешнюю политику Великобритании.

Все более и более свыкаясь с идеями французской революции, влиятельнейшие государственные мужи, вынужденные считаться с народными страстями в стране, где каждый день тысячи органов печати, неистовые речи в клубах и митинги внушают народу, что все монархи континента — тираны, а все правительства — это правительства угнетателей, были некоторым образом вынуждены волей-неволей стать тайными, а иногда и явными сторонниками всяких революций.

Этим объясняется столь враждебное с некоторых пор отношение ко всем правительствам, за исключением тех, в поддержке которых Англия может нуждаться в своей внешней политике в зависимости от обстоятельств.

Наряду с этим английская политика, становясь апостолом представительных форм правления и покровительствуя всем революциям, надеется приобрести таким образом авторитет и влияние в Европе, способствующее интересам ее торговли и промышленности, — цель, которую она никогда не упускает из виду. И у нас была возможность убедиться в том, что революции идут ей на пользу.

Мы не хотим из этого сделать вывод, что Англия ставит своей целью разорить континент и пустить его по миру, так как от торговли с бедняками много не получишь. Мы хотим лишь доказать посредством неоспоримых фактов, что в интересах Англии способствовать всему, что может разорить текстильную промышленность на континенте или по меньшей мере парализовать ее прогресс, ибо это облегчает Англии конкуренцию как в Европе, так и на заокеанских рынках.

Перед нами пример Португалии, которая низведена в некотором роде до положения английской колонии и где царит беспорядок из-за покровительствуемой Англией хартии. Финансы Португалии находятся в плачевном положении, промышленность в зачаточном состоянии, армия деморализована, а власть отдана в распоряжение человека, первого военного начальника, достаточно смелого и предприимчивого, чтобы ее захватить. Таково привычное положение этой несчастной страны. И тем не менее торговля с ней очень выгодна для Англии. И это служит доказательством того, что страна, сама по себе продуктивная, хотя и разорена в финансовом и разрушена в политическом плане, все же может быть хорошим торговым партнером с промышленно развитой нацией, поскольку эта нация может эксплуатировать ее по своему усмотрению. Великобритании, несомненно, было бы выгодно сделать также зависимой от своей промышленности значительную часть европейских стран, установить там свое торговое и политическое господство, а также иметь возможность, например, превратить в свою колонию весь итальянский полуостров по образцу Португалии, введя туда незначительные конституционные хартии одновременно с крупными тюками товаров.

Таким образом, традиционные интересы экспансионистской, торгашеской и эгоистической политики и под моральным воздействием возникших изменений в ее внутренней политике делают Англию вдвойне враждебной и опасной для Европейского континента...

Известны слова одного из самых влиятельных людей Англии, который в пылу импровизации по поводу испанских дел и чтобы напугать континентальные державы сравнил свою страну с пещерой Эола¹¹, откуда можно выпустить бури на всю Европу. Эти слова, заметим, оказались не чем иным, как предзнаменованием той враждебной и агрессивной политики, созревавшей уже тогда в умах представителей английской либеральной школы, политики, которая вынашивалась и развивалась во всей своей наготу при правительстве человека, которого Европа справедливо окрестила «поджигателем войны» (лорд Фербранд). Именно он преподнес нам забавный сюрприз в виде скандального фарса еврея Пасифико. И это, однако, еще наиболее популярный министр Великобритании. Все это, бесспорно, свидетельствует о том, какие чувства питает английская общественность к странам континента, еще раз показывает, что, льстя своей национальной гордости и идеям господства, можно позволить себе абсолютно все касательно других стран: грабить слабого, попираť моральные принципы, справедливость, честность, не уважать перед лицом Европы то, что достойно уважения во взаимоотношениях между цивилизованными народами.

Рассмотрев английскую политику в отношении континентальных стран вообще, попытаемся теперь рассказать об этой политике в Восточном вопросе.

Злополучный Восточный вопрос напоминает больного, которого одновременно лечат несколько врачей, расходящихся во мнениях. Этот вопрос был до такой степени запутан и усложнен, что в нем трудно разобраться. Все перипетии, через которые он прошел с весны минувшего года, насыщены столькими противоречиями, не подчиняющимися логике и здравому смыслу, что было бы самонадеянно предсказывать какое-либо вероятное его решение.

Следовательно, мы ограничимся лишь указанием причин этой конъюнктурной политики, которая спокойна, когда нужно приобретать союзников, или напоминает разъяренного дракона, когда нужно припугнуть противника.

Такую политику, затрагивающую здравый смысл, можно объяснить лишь сложным переплетением экономических интересов с политическими страстями и соперничеством, вступающими между собой в конфликт то под явным, то под скрытым влиянием демократии.

Вначале обратимся к материальным интересам, затрагиваемым в этом вопросе.

Насколько революции и внутренние потрясения на континенте, как мы показали, выгодны промышленным и торговым интересам Англии, так как они тормозят прогресс этих стран, настолько ей противопоказана открытая война с одной из великих держав Европы, а именно с Россией.

Торговля Англии с Россией всегда имела большое значение для обеих империй. Вследствие таможенной системы и успешного русского промышленного развития за последние два десятилетия изменился характер ввоза английских товаров в Россию.

Прежде почти половину английского экспорта в Россию составляла хлопчатобумажная пряжа, а готовые изделия — около 12%. В настоящее время главными статьями русского импорта из Англии являются хлопок-сырец, красильные вещества, машины и другие необходимые для развития промышленности товары.

Однако сама по себе эта торговля довольно значительна. Общая сумма импорта английских и колониальных товаров в Россию достигает ныне свыше 102 млн. фр. (не считая импорта, идущего через ганзейские города¹²⁾), в то время как 20 лет назад она не достигала и 75 млн. Но прежде всего для Англии важен импорт русских товаров, так как он состоит из сырья для промышленности и хлеба для рабочих.

Конечно, в настоящее время Англия не столь зависима от русского сырья и хлеба, как прежде. Вот уже лет 15—20 действуют другие конкуренты, которые оспаривают рынок у рус-

то импорт из России по-прежнему играет главную роль. В случае неурожая именно русские порты на Балтике и на Черном море доставляют большую часть европейского хлеба, предназначенного для Великобритании. Из 2201 тыс. кварталов¹³ пшеницы, импортируемой из всех европейских портов, включая и турецкие владения в Азии, в 1847 г., наиболее безурожайном, на долю России приходилось 850 тыс. кварталов, или около двух пятых.

В общем импорте льна и пеньки в Англию на долю России приходится около семи десятых, а в импорте животного сала — три четверти*.

Несмотря на возрастающую за последние 15—20 лет конкуренцию русским товарам со стороны отдельных европейских стран, а также США и английских колоний, торговля Англии с Россией не потеряла своего значения. Непосредственный экспорт русских товаров в Великобританию, который за пять лет (1827—1831) ежегодно в среднем составлял 113,7 млн. фр., с 1847 по 1851 г. вырос до 166 млн. фр., т. е. более чем на 46%.

Эти общие статистические данные достаточно показывают, что англо-русская торговля имеет важное значение, что она выгодна обеим странам и служит делу мира. Это становится еще яснее, если учесть непосредственные последствия морской войны для Англии и России с точки зрения их материальных интересов.

Нет сомнения, что Англия, являясь мощной морской державой, может причинить ущерб России, блокируя ее порты и парализуя ее внешнюю торговлю. Разумеется, такой ущерб для экономики был бы велик, но недостаточен, чтобы сломить державу, располагающую огромными внутренними ресурсами. Речь идет о грозных, но не смертельных сабельных ударах, которые империя с ее 66-миллионным населением могла бы принять в случае отечественной или религиозной войны, затрагивающей ее кровные интересы. Пожар Москвы¹⁴, центра, где сосредоточены богатства и производительные силы империи, после которого она возродилась из пепла за несколько лет, став более величественной и богатой, чем когда-либо, доказывает, что Россия способна приносить жертвы, когда решаются жизненно важные вопросы или же когда стоит вопрос о защите национальной чести.

Прежде всего необходимо заметить, что Англии, для того чтобы действенным образом блокировать все порты России, надо либо уничтожить оба ее флота — Балтийский и Черноморский, либо запретить их в Кронштадте и Севастополе.

* За три года (1847, 1848 и 1849) было импортировано для внутреннего потребления 4063 тыс. ц животного сала, из них на долю России приходилось 2968 тыс. ц, или 75%.

Уничтожить флот в Кронштадте, по мнению компетентных специалистов, сама Англия не сможет, и едва ли ей это удастся в отношении флота в Севастополе. Для осуществления второй альтернативы Англии необходимо иметь на подступах в каждый из этих портов флоты намного сильнее, нежели блокируемые, и в то же время много маневрировать, чтобы закрыть все остальные порты. Но предположим, а это маловероятно, что порты на Балтийском и Черном морях окажутся блокированными настолько прочно, что Россия будет лишена возможности совершать морские перевозки. Какие бы последствия возникли для обеих воюющих сторон? Большой урон был бы, несомненно, нанесен провинциям юга России, которые лишились бы возможности вывозить хлеб. Впрочем, такой урон южные провинции несут каждый раз, когда в стране случаются неурожаи или, наоборот, обильные урожаи в других районах и России не хватает рынков. Это влечет за собой осложнения, но ему можно противостоять, поскольку это касается всей нации. То же самое относится к некоторым другим провинциям России, которые экспортируют пеньку, лен и животные жиры. Но разве сама Англия, причиняя ущерб России, не почувствует его последствия? Ведь она тем самым оставит свои предприятия без сырья, и ей придется повысить цены на хлеб.

Из общей стоимости в 166 млн. фр. экспортируемых в Англию русских товаров почти 120 млн. приходится на сырье, перерабатываемое английской промышленностью. Можно допустить, что в результате такой переработки стоимость сырья увеличится в четыре раза. По самым скромным подсчетам, в национальный доход тогда не поступало бы 500 млн. фр.

Приведенные данные показывают, какое значительное место занимает Россия в импорте сырья для английской промышленности. Англии было бы не легко найти других поставщиков, а если бы ей все-таки удалось это сделать, то основные виды сырья неизбежно бы подорожали, что нанесло бы большой ущерб ее национальной промышленности.

Что же касается английского морского экспорта в Россию, то он в основном состоит из колониальных товаров — вин, хлопка, красителей и некоторых других, необходимых для текстильного производства.

Если бы англо-французская морская блокада России удалась, то она, несомненно, вызвала бы значительные неудобства, хотя речь идет о жертвах, которыми можно пренебречь в отечественной войне. Без зарубежных вин в крайнем случае можно обойтись, заменив их на худой конец местными. Кстати, несмотря на вздорожание, вин бы хватило, и пили бы их меньше; сахар в стране производится; другие колониальные товары доставлялись бы сухопутным путем, также при некотором вздорожании.

Блокирование морских путей причинило бы самые большие неприятности из-за прекращения поступления хлопка, красителей и других видов промышленного сырья. Конечно, это не прошло бы бесследно для русской промышленности. Но последовавший бы за этим частичный застой никогда не был бы столь губителен для России, как для других стран, и в частности для Англии, где миллионы пролетариев могут умереть с голоду, если они останутся без работы в течение двух недель. Русский рабочий — одновременно и земледelec. В случае нужды его всегда приютит и накормит семья. Часть рабочих рук и капиталов, вложенных в текстильную промышленность, были бы направлены в отрасли производства, перерабатывающие сырье, которое имеется в избытке. Временные затруднения и лишения рабочего класса могли бы сказаться положительно, придав русской промышленности более естественное направление. Надо заметить при этом, что хлопок и красители, которые сейчас доставляются морем, стали бы ввозить сухопутным путем. Правда, они стали бы значительно дороже, но разница в цене на 10, 15 и даже 20% на сырье или готовую продукцию не была бы разорительной для промышленности, которая работает исключительно на местное потребление. Как бы то ни было, трудности, навязанные морской торговле, нанесли бы чувствительный ущерб русской экономике. Но и в данном случае, как и в экспорте, это обоюдоострый меч, который одновременно ранил бы и английские интересы, так как именно Англия поставляет России большую часть товаров, необходимых ее промышленности: три четверти хлопка-сырца, почти всю хлопчатобумажную пряжу, машины, оборудование, около половины красителей и т. д.

Прекращение этих уже сложившихся и выгодных для обеих сторон торговых отношений причинило бы существенный урон английской промышленности и торговле. Таким образом, Англия не может вредить России, не нанося ущерба себе. Остается определить, какая из обеих стран пострадает больше.

Учитывая нынешнее напряженное состояние английской промышленности, как мы об этом уже говорили, а также конкуренцию, в результате которой происходит снижение заработной платы рабочих до прожиточного минимума, что вызывает забастовки и бунты при малейшем изменении цен на продовольствие, равно как и принимая во внимание ту вынужденную ситуацию, в которой Англия находится с некоторых пор, можно не без основания полагать, что изменения в торговых отношениях с Россией, кои лишили бы английскую промышленность значительной части поступающего сырья, цены на которое повысились бы в равной мере, как и на хлеб, принесли бы Англии куда больше зла, нежели причин-

ненное ею России. В этой связи положение Англии тем более серьезно, ибо из-за козней партии чартистов¹⁵ и партии радикалов¹⁶, усугубленных происками наиболее рьяных социалистов, самых грозных представителей революционной партии и заговорщиков из разных стран, которым она дала приют, принципы социализма и права на труд начали уже завоевывать английский рабочий класс.

В чем корни этого непереносимого желания причинить зло своему противнику, рискуя нанести ущерб самому себе? Откуда это настойчивое желание спровоцировать войну путем все более и более враждебных выпадов с одновременными проповедями о мире?

Попробуем в этом разобраться. Что же является движущей силой английской политики? Опасение, что будет нарушено европейское равновесие, или опасение за независимость и целостность Османской империи? Думать так, было бы политической наивностью. Прежде всего потому, что Англию мало заботит континентальное равновесие, пока оно не затрагивает ее морское и торговое господство. Далее потому, что после всех дипломатических шагов и самых торжественных заверений России перед всей Европой о том, что она не собирается посягать ни на независимость Турции, ни на захват земель других государств, и после того как Россия неопровержимо на фактах доказала искренность своих заверений, не проводя никаких приготовлений для ведения агрессивной войны, а ограничивалась мерами, едва достаточными для обороны (нападение турок первыми на Дунае, а также в Азии это хорошо подтвердило), нельзя согласиться и с тем, что опасения английского правительства за целостность Османской империи искренни. Нет, они ложны, они выдуманы, чтобы замаскировать ее игру, чтобы оправдать ее вооружение и враждебные демонстрации; это маневр, рассчитанный на то, чтобы втянуть другие правительства в сети ее политики.

Когда преследуют свои собственные захватнические цели во всех частях света, как это столетиями делает Англия, то очень удобно приписывать эти цели другим и показывать Европе особое пугало, чтобы отвлечь ее внимание от своих собственных планов. Именно Россию избрали мишенью, и этот маневр должным образом был поддержан революционерами всех стран.

Что касается вопроса о целостности Турции, то есть одна держава, которая непосредственно заинтересована в этом намного больше Англии, а именно Австрия. И ее заинтересованность настолько очевидна, что не требует доказательств. Но почему тогда Австрия сохраняет спокойствие и распускает часть своей армии, ограничиваясь мирным посредничеством, чтобы положить конец войне в такой близости от ее границ? Потому что она знает, что Россия не заинтересована в нару-

шении целостности Турции, об этом хорошо известно и английскому правительству.

Однако, если не принимать всерьез ее опасений за независимость и целостность Турции, а считать это как военную хитрость, которая может обмануть лишь глупцов, необходимо, чтобы существовали иные причины для нынешних действий английской политики.

Первая и самая важная причина — соперничество за влияние на Востоке. И здесь британские устремления не знают границ, так как они основываются на экспансии ее торговых интересов, преследующих цель установления ее господства и расширения рынков сбыта. Англия не довольствуется тем, что она создала в Азии англо-индийскую империю с 120-миллионным населением, что она поставила в зависимость несколько других государств с общим населением 150 млн. человек; она хочет зажать в своих тисках всю Азию и наводнять ее английскими товарами, а также навязать свой диктат Константинополю. Малейшее улучшение торговых отношений на Востоке единственной державы, граничащей с Азией, внушает ей беспокойство и вызывает бессонницу у Джона Буля¹⁷. А между тем подобное улучшение отношений до сих пор не причиняло Англии никакого ущерба. Экспорт английских промышленных товаров в настоящее время в европейские и азиатские владения Турции составляет около 80 млн. фр., что почти в пять раз превышает стоимость всех промышленных товаров, которые Россия ввозит в Турцию и во все страны Азии, вместе взятые (около 16 млн. фр.). Если английский экспорт с 1830 г. вырос почти в четыре раза, то экспорт русских промышленных товаров в Азию и в европейскую часть Турции за то же время увеличился лишь на 50—60%. Однако, учитывая положение Англии вследствие колоссального промышленного развития, постоянно требующее расширения рынков сбыта, торгашеский дух этой державы стал очень подозрительным: всякое соперничество на внешних рынках еще больше, чем на рынках внутренних, вызывает у нее беспокойство. А по мере того как Англия стала отступать на Европейском континенте, она обратила свое внимание главным образом на Восток. К тому же примешивается беспокойство и за то, что успехи России на Востоке могут угрожать английским позициям в Индии.

Если здраво рассмотреть сущность этих опасений, то легко убедиться, что и они скорее надуманны.

Ясно, что английское господство в Индии находится вне рамок всякого нормального политического устройства и что оно покоится на очень зыбкой основе. Все эти народы, закабаленные и эксплуатируемые кучкой купцов, в один прекрасный день, вероятно, обретут свободу. Но, учитывая их национальный характер и степень их культурного развития, день их ос-

освобождения наступит, может быть, не так быстро, как это было с народами английских колоний в Северной Америке; тем не менее такой день наступит неминуемо. Однако из этого вовсе не следует, что Россия серьезно собирается способствовать или ускорить такое освобождение, ибо у нее самой есть дела поважнее. И ради чего Россия будет в это ввязываться? Разве торговле и промышленности России присущ тот же экспансионистский дух, каким пропитаны торговля и промышленность Англии, чтобы он мог ее толкнуть на расширение своего влияния и господства?

Чтобы трезво судить о политике любого государства, надо исходить в первую очередь из его жизненных интересов, которые и должны лежать в основе политики, независимо от временных обстоятельств, могущих ее изменить или заставить на какое-то время отклониться от ее традиционного направления. Государство, которое в силу своего географического положения или в силу специфического развития событий ограничено в своем естественном развитии жизненных сил и обеспечении своей политической независимости, непременно стремится к расширению территории и сфер влияния и вследствие этого стремится проводить захватническую политику. Но коль скоро цель такого направления политики достигнута, страна поставлена в нормальные условия существования и обеспечены ее жизненные интересы, политика сохранения приобретенного становится столь же естественной, как была прежде политика экспансии. Это сдерживающее начало в политике великих держав континента приобретает в наше время новую силу, диктуемую обстоятельствами социального порядка в Европе.

Времена агрессивной политики, основанной исключительно на желании расширения территории, как это было ярко продемонстрировано в период Наполеона I, чье честолюбие было безграничным и который хотел установить свое господство над всей Европой, создавая королевство для всей своей семьи, поставив, если можно так выразиться, перед собой цель создать мировую монархию,— эти времена, к счастью, прошли. И мы очень надеемся, ради блага человечества, что они больше никогда не вернутся. Сегодня вопрос стоит не о захвате, а о сохранении. У России больше, нежели у любой другой страны, есть все условия для существования. И то, что она пытается поддерживать свое влияние на Востоке ради безопасности своих границ и сохранения ее торговых интересов на Черном море, вполне естественно. И никто не может ее в этом упрекнуть. Только английский торговый эгоизм может ей поставить это в вину. Такого рода русская политика ничуть не предусматривает расширения территорий. России предстоит у себя многое сделать, чтобы освоить свои богатства и развивать свою мощь,— это завоевания, которые во сто крат для нее важнее, нежели приобретения новых провинций. Рус-

ская империя так обширна, что величина ее территории становится слабой стороной ее мощи. Увеличение территорий было бы скорее причиной ее ослабления. Это настолько верно и неоспоримо, что всякий здравомыслящий человек, будь он русским патриотом или иностранцем, вынужден с этим согласиться. И именно в силу этой истины Россия заинтересована в любой поддержке Османской империи, пока та имеет достаточно жизненных сил для существования, не занимает в отношении ее важнейших интересов враждебной и угрожающей позиции. Теперь, после краткого отступления, вернемся к опасениям, которые Великобритания испытывает в отношении своих владений в Индии.

Надо обладать очень богатым воображением, чтобы всерьез поверить в то, что Россия, вместо того чтобы заниматься развитием жизненных сил, которыми она располагает внутри страны, стремилась расточать свои сокровища и проливать кровь своих солдат в походах на Индию.

Достаточно лишь посмотреть на карту и иметь некоторое представление о странах, расположенных между Индией и Каспийским морем, а также об обычаях и характере населяющих эти страны народов, о том, как мало эти районы могут дать для снабжения и транспортировки многочисленной армии (вряд ли можно начинать военную кампанию с 15 или 20 тыс. солдат, из которых половина с трудом прибыла бы к месту назначения), чтобы убедиться, сколь рискованна и губительна подобная экспедиция. Зачем России предпринимать подобные авантюры? Ради защиты своих торговых интересов? Ради того, чтобы вытеснить Великобританию из Индии? Какие выгоды сулит России торговля с полудикими народами через огромные пустыни? Но мифические проекты России в отношении Индии стали для англичан навязчивой идеей, своего рода манией, а против мании логика бессильна. Политическое соперничество и ревность могут быть уподоблены любовной ревности, всегда подозрительной и повсюду видящей опасность. Отсюда эта ожесточенная борьба против влияния России на Константинополь и вообще на Восток, которая и определяет с некоторых пор английскую политику. Англия пускает в ход все средства, чтобы свести на нет русское влияние на Константинополь и подменить его своим, дабы властвовать там безраздельно. Такова ее цель, и вот что ее побуждает в ее восточной политике, а отнюдь не афишируемая ею забота о целостности Османской империи, на которую никто всерьез не покушается. Турецко-русские разногласия и противоестественный союз против Франции, которым она случайно воспользовалась, показались Англии благоприятной возможностью, позволяющей ей осуществить свою цель. Но, с другой стороны, война с Россией нанесла бы ущерб нынешним, весьма важным ее торговым и промышленным интере-

сам, и в связи с этим была придумана целая система устрашения, которой до сих пор придерживались, полагая таким образом легко достичь главной цели, т. е. унижить Россию, устранить ее влияние на Востоке и установить там гегемонию Англии. Подобное устрашение не дало результатов. И тогда Англия предприняла многочисленные враждебные акты, пришеивая свое оскорбленное самолюбие ко всем другим осложнениям. Россия, занимавшая по-прежнему оборонительную позицию, подняла перчатку — и разразилась война, начатая Турцией атакой на Дунае и вторжением на русскую территорию в Азии.

После мнимых успехов османов, о которых сообщала европейской публике туркофильская пресса в Англии и Франции, отступление Омар-паши¹⁸ на правый берег Дуная, поражение двух турецких армий в Азии и катастрофа на Синопе открыли глаза Европе, ослепленной военной мощью Турции.

Для всех здравомыслящих людей, для тех, кому искренне был дорог мир, эти события могли содействовать мирному разрешению вопроса. Но в то же время триумф русского оружия на суше и на море, несмотря на продолжавшееся запугивание со стороны обеих морских держав, и особенно гибель турецкой эскадры в Синопском порту на виду у англо-французского флота, довели до иступления оскорбленную британскую гордость. Подобно тому как разгневанный человек может наговорить и наделать массу глупостей, точно так же обстоит дело и с общественным мнением, столь подверженным страстям. Мы знаем, что писала английская официальная и неофициальная пресса, что болтали английские газеты всех мастей о катастрофе в Синопе, как они пестрели фразами возмущения и царственно смехотворной руганью, как они поддерживали человеческие права, превосходя в абсурдности все, что можно было себе представить.

Вообразим поединок, происходящий при свидетелях, которые произвели себя в судьи и позволили при нападении лишь отражать удары противника без права бить самому. Это по меньшей мере абсурдно, и тем не менее именно такого рода оборонительную позицию Англия пытается, как нам кажется, навязать России, поскольку Англия удивляется и негодует по поводу того, что эта держава, находящаяся в состоянии открытой войны с Турцией, напавшей на нее как в Европе, так и в Азии, позволила себе сжечь вражескую эскадру, которая была предназначена, по признанию тех же английских газет, для снабжения боеприпасами кавказских горцев. Против России мечут громы и молнии. Самые серьезные органы печати характеризуют эту вооруженную операцию актом варварства и пиратства, нарушающим общее право, но самое удивительное заключается в том, что и Лондон и Париж считают это законным и достаточным поводом для нового враждебного

выпада. И уж совсем невероятным кажется нам то, что держава, которая в свое время потопила датский флот и обстреляла Копенгаген, находясь в мирных отношениях с Данией, осмеливается высказывать сегодня перед всем миром свое возмущение тем, что Россия позволила себе сжечь эскадру противника, с которым она находится в состоянии войны!

Когда над здравым разумом одерживает верх безрассудство страстей и задетое самолюбие, когда в такой мере игнорируются и смешиваются элементарные понятия о справедливости, понятия о принципах человеческих прав, то вряд ли можно надеяться на добросовестные переговоры и мирное разрешение...

Перейдем теперь к политике Франции.

Истинная политика Франции, т. е. политика, основывающаяся на ее интересах, по своей природе не является ни агрессивной, ни угрожающей другим державам континента, с которыми ее объединяет заинтересованность в сохранении социального порядка и европейского равновесия; она может стать такой лишь вследствие внутренних перемен, враждебных в принципе социальному порядку вообще, как мы это видели в 1793 и 1848 гг., или в результате личных амбиций монарха-завоевателя, как это было с Наполеоном I. Но система захватов и завоеваний ушла вместе с царствованием завоевателя, ее принесшим. Вернувшись к своему естественному и нормальному состоянию, Франция с ее компактным и однородным 36-миллионным населением, с ее округленной территорией, пересекаемой многочисленными речными коммуникациями, выходящими на три моря, берега которых находятся в ее распоряжении, — Франция достаточно сильна, чтобы не нуждаться в новых захватах и никому не завидовать. На юге ее прикрывают Пиренеи, на западе — Вогезы и Юра, на севере — нейтральная Бельгия (нейтралитет является основой политического существования этого небольшого государства); Франция располагает одной из самых великолепных армий, численность которой при необходимости она может удвоить. У нее внушительный флот. Население ее проникнуто боевым духом, и для нее нет причин опасаться нападения со стороны кого-либо из соседей.

Промышленность и торговля Франции могут развиваться без зависти к прогрессу других стран, так как ее промышленность и торговля не гонятся за монополией и господством на внешних рынках. Сельское хозяйство, минеральные ресурсы и внутренняя торговля составляют основу национального богатства Франции, а сохранение социального порядка в стране и мира на континенте она считает необходимым условием для постепенного развития этих факторов могущества и процветания.

Находясь в этих условиях, Франция, как мы уже отмечали,

объединена общностью интересов с другими державами континента, образуя вместе с ними, так сказать, европейскую семью, в которой Англия лишь дальняя родственница по боковой линии, спекулирующая на семейных дрязгах с целью получить какое-либо наследство...

Разрыв отношений с Россией был бы необоснованным и политически неоправданным с точки зрения правильно понятых интересов Франции, особенно в том, что касается гарантий ее будущего и ее могущества.

Война Франции с Россией, с которой у нее нет никаких причин для конфликтов, поддержанная противоестественным союзом с ее вечной и наиболее опасной соперницей, с политической точки зрения была бы поистине чудовищной. Только в наше смутное время, когда все идеи здоровой политики утратили всякую силу, приходится опасаться такой возможности, которая становится, однако, все более реальной.

Франция, будучи одновременно и морской и сухопутной державой, располагает одним из самых больших флотов. Развитие ее морской силы вызывает опасения и постоянную ревность соперницы, которая всегда стремилась к господству на всех морях и которая отнюдь не отступилась от этой постоянной цели своей политики, становящейся для нее все более и более вопросом жизни. Паровой двигатель произвел в морском флоте колоссальный переворот, который может во многом нейтрализовать численное превосходство Англии в кораблях в пользу Франции. До применения паровых двигателей на военных судах и изобретения винтового двигателя главное преимущество флота Англии заключалось в основном в точном маневрировании и навыках штурманов и матросов (ведь каждый англичанин — прирожденный моряк), в численности и в радиусе действия ее судов. В наши дни, когда пар все больше вытесняет паруса, эти преимущества становятся второстепенными. Более того, высадка в Англии, которая считалась несбыточной мечтой во времена Наполеона I, ныне становится все более возможной. В Англии это хорошо поняли, и такая возможность вызывает там серьезную озабоченность. Очевидно, что относительный рост морской мощи Франции, угрожающей не только превосходству гордого Альбиона, но и его собственной безопасности, является причиной постоянного недоверия и ревности, которые он может в зависимости от обстоятельств сдерживать, но не подавлять, поскольку они находятся в самой природе вещей. Там, где существует соперничество в жизненных вопросах, искренний и длительный союз невозможен; однако в нынешней ситуации такой конъюнктурный союз может просуществовать достаточно длительное время, чтобы ввергнуть Европу во всеобщую войну.

Англия, естественно, не преминет воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы нанести жестокий удар по мор-

ской мощи Франции. И если ей не удастся полностью уничтожить французский флот, чтобы избавиться от столь неприятного соседа, то она по крайней мере постарается парализовать его дальнейшее развитие. Пока такой случай представится (а история нас учит, что английская политика не стесняется в выборе средств, чтобы спровоцировать удобные случаи), она была бы не прочь столкнуть французский флот с флотом другой державы, морские силы которой уже достигли значительного развития. Ей бы доставила удовольствие картина взаимного истребления русских и французских судов ради ее превосходства и устройства ее дел на Востоке. Но разве это было бы выгодно Франции? Поставить такой вопрос — значит ответить на него.

Франция, имея перед собой соперника, который думает лишь о своем превосходстве на морях и в высшей степени ревниво относится к усилению любого другого флота, должна придерживаться постоянной политики союза лишь с крупной морской державой, с которой у нее нет поводов для соперничества. Она призвана быть покровительницей малых стран, имеющих слабый флот и нуждающихся в защите. Словом, в силу своего положения Франция является естественным оплотом морской независимости Европейского континента. Само провидение отвело ей эту прекрасную роль, и было бы печально, если бы она от нее отказалась ради конъюнктурной политики, чреватой роковыми последствиями для нее и для других. Если бы политическое влияние Франции не было бы парализовано вследствие той анархии, которая воцарилась после революции 1848 г., то лорд Пальмерстон¹⁹ никогда не осмелился поступить так с несчастной Грецией, как он это сделал с свереем Пасифико.

Злосчастный Восточный вопрос, который будоражит весь мир, привел к тому, что Франция была втянута в противоестественный союз, а ее политика отошла от традиционного пути. Попробуем разобраться в причинах этого. Напрасно было бы искать здесь интересы Франции. Разве в Константинополе Франция и Россия чувствовали себя соперниками в такой мере, что им оставалось лишь взяться за оружие? Нет. Угрожает ли Россия торговле Франции на Востоке? Нет. Существовала ли между Россией и Францией борьба за влияние, которая могла бы перерасти во враждебные действия? Отнюдь нет. Влияния и той и другой державы никогда не сталкивались между собой (пока Франция была в мире с Россией), так как не было поводов для конфликтов. Единственный вопрос, возникший в последний момент столь злосчастливым образом, — это вопрос о святых местах²⁰, но и он сам по себе не был достаточно серьезным и не грозил перерасти в неразрешимые разногласия между Францией и Россией. Он быстро был урегулирован к удовлетворению заинтере-

решованных сторон при согласии посла Франции. Уничтожив сразу причину недоразумения, Франция и Россия не имели никакого иного повода для взаимного непонимания в связи с турецко-русскими разногласиями, ничего, что прямо или косвенно могло бы ущемить интересы Франции.

Совершенно иначе стоит вопрос об отношениях между Англией и Россией. Здесь налицо глубокий конфликт и соперничество, причины которых нами были изложены. Англия во что бы то ни стало хочет господствовать в Константинополе. Всему миру известна злобная и неутомимая деятельность лорда Редклиффа²¹, направленная на то, чтобы уничтожить влияние России на Востоке, заменив его английским. Ему настолько хорошо удалось благодаря интригам закрепиться там, что только он один диктовал свою волю Константинополю и только к его советам прислушивался Диван. Не он ли заставил отвергнуть справедливые требования Австрии и России относительно беженцев после Венгерской войны?

Завоевав влияние в Константинополе, Англия не желает смириться с его потерей. Она не может потерпеть того, чтобы России удалось, путем ли переговоров или при помощи оружия, вновь обрести справедливую долю влияния, положенную ей как соседней державе, обязанной оберегать в Турции религиозные интересы своих единоверцев и безопасность своей черноморской торговли. Отсюда враждебность Англии к России, поток оскорблений и грубой ругани в ее адрес на страницах различных газет.

Если невозможно такую враждебную и злобную политику оправдать с точки зрения разума и справедливости, то ее можно хотя бы как-то объяснить. Но при чем тут Франция? Разве ей близки дела Англии? Что она от этого выигрывает? Пусть влияние Англии будет заменено в Константинополе русским влиянием. Разве Россия была когда-нибудь настроена к Франции враждебно? Разве она вела себя когда-нибудь так, как ведет себя лорд Редклифф по отношению к другим? Разве Россия когда-нибудь вмешивалась в споры Франции или других держав с Турцией, противодействуя их справедливым решениям? Разве вопрос о святых местах, который был урегулирован, вопрос о правах, которые отстаивает Россия для своих единоверцев, затрагивают или ущемляют права других христианских общин? Разумеется, нет. Следовательно, между Францией и Россией не существует никаких серьезных разногласий в том вопросе, который составляет основу турецко-русского конфликта. Откуда же поспешность, с которой правительство Тюильри²² проводит по отношению к России политику сплошных демонстраций, политику, которая завела Европу в такой тупик, что ей приходится выбирать между войной и миром? Каковы же столь веские причины, побудившие Францию подписать антифранцузский союз? Почему она

ничего не предприняла и не хотела предпринять, чтобы не только помешать войне России с Турцией, но, наоборот, способствовала, как мы увидим дальше, ее разжиганию? Почему эта война поставила под угрозу не только мир в Европе, который, как уверяет Франция, она должна была укрепить, хотя на самом деле послужила тщеславной и эгоистической английской политике?

Этот чудовищный союз был заключен под видом защиты целостности Османской империи и европейского равновесия.

Представим себе, хотя это всего лишь предположение, что Россия действительно собирается посягнуть на целостность и независимость Турции, а следовательно, и на европейское равновесие. Разве Франции надлежало бы выступить первой с угрожающими мерами, вместо того чтобы предпринять дипломатическим путем попытку выяснить, каковы истинные намерения державы, с которой ее жизненные интересы повелевают жить в мире и добром согласии? В сохранении европейского равновесия наряду с Францией заинтересованы и другие государства континента. А что же касается целостности Османской империи, то, безусловно, существует государство, которое в ней заинтересовано куда более, нежели Франция. Это настолько очевидно, что нет нужды его называть. Итак, во всех войнах России с Турцией именно Австрия пыталась путем представлений и предостережений сгладить их возможные последствия. Франция же, кроме как в эпоху 1806 г., когда Наполеон воевал с Россией, постоянно занимала позицию наблюдателя и мирного посредника, что было естественно, сохраняя при этом за собой полную свободу действий в зависимости от событий и не связывая себя каким бы то ни было союзом; Франция, если она хочет действовать открыто ради сохранения мира, достаточно сильна, чтобы к ее голосу прислушивались европейские правительства.

Восточный вопрос мог затронуть интересы Франции настолько, чтобы втянуть ее в войну, только в том случае, если бы речь зашла о расчленении Османской империи и расширении за ее счет территории других государств. Но и в этом, столь угрожающем миру в Европе, случае Франция имела бы соперника гораздо более грозного, чем Россия. Именно с ним-то она и заключила союз.

Поскольку речь идет сейчас лишь о соперничестве между Англией и Россией в их влиянии на Востоке, что составляет суть нынешней проблемы, у Франции нет никаких оснований к активному вмешательству. И если бы обстоятельства все-таки ее вынудили к этому, то в ее же интересах было бы помешать превосходству Англии на Востоке, а отнюдь не принимать усилий, чтобы помочь ей.

Как могло случиться, что в осложнениях, возникших ныне

в Восточном вопросе, та держава, которую это затрагивает больше других, разоружается и соблюдает нейтралитет, в то время как Франция, которая лишь косвенно заинтересована и которой не приходится оспаривать никаких жизненных интересов, занимает все более и более воинственную позицию?

Подобное политическое явление объясняется, на наш взгляд, следующими, весьма простыми причинами.

Австрия разоружается и остается нейтральной потому, что она знает, мы об этом говорили выше, что Россия не посягает на целостность Османской империи и не стремится к завоеваниям. Она доказала это на деле, ограничивая насколько возможно свои военные приготовления. Достаточно ли корпуса в 40—50 тыс. солдат, предназначенных для оккупации княжеств и обороны вдоль всего Дуная, и двух дивизий, расквартированных между Тифлисом и турецкой границей, для того, чтобы думать всерьез о наступательной войне, о завоевании Османской империи и походе на Константинополь? Скажем прямо, надо быть либо недобросовестным, либо полностью ослепленным пристрастием, чтобы допустить подобное предположение.

Что касается Франции, то она заняла воинственную и агрессивную позицию потому, что ее подлинная традиционная политика, покоящаяся на хорошо осознанных ею интересах, непосредственно затрагивающих ее будущее, была целиком заменена конъюнктурной политикой, которая отличается известным желанием навязать свое влияние. Франция, вмешавшись в силу этого в первый же случившийся конфликт, как нам кажется, не учла того, что политическая роль великой державы состоит вовсе не в том, чтобы обязательно вмешиваться во все конфликты между государствами, лишь бы показать свою силу, и что ее более или менее активное вмешательство в европейские дела должно определяться не только той мощностью, которую она может использовать, но и степенью заинтересованности в том или ином конфликте.

Если эта тенденция демонстрировать превосходство нынешнего правительства Тюильри в разрешении европейских конфликтов объясняет внезапное отплытие французского флота в Саламин²³, то первый сигнал политики демонстрации привел к тем печальным осложнениям, с которыми мы теперь сталкиваемся.

Соображения приличия, а также желание избежать в этом политическом анализе какого-либо намека на личности не позволили нам углубиться в частные мотивы подобной конъюнктурой политики, и мы попытаемся, хотя бы кратко, показать, насколько она ошибочна и опасна.

Мы сразу же должны отбросить предположение, которое нам кажется совершенно ложным, а именно: англо-французские морские маневры в состоянии навязать России уни-

зительный мир. Такие демонстрации, так же как всякого рода морские маневры, не помешают русским продолжать войну с турками и, весьма вероятно, одержать победу. Империя с 66-миллионным населением, с сильной боеспособной армией, не испытывающей недостатка ни в хлебе, ни в обмундировании для своих солдат, ни недостатка в металле для производства оружия, может вести войну в течение длительного времени, рассчитывая при этом на свои собственные ресурсы. Именно к такой упорной и затяжной войне может привести политика демонстраций. Франция, ведя эту войну, которая требует от нее огромных жертв ради цели, противоречащей ее жизненным интересам, берет тем самым на себя серьезную ответственность. Такая война не может быть долгое время популярной в стране. Возбуждение, вызванное в общественном мнении против России официальной и полуофициальной печатью, парадами и бульварными водевилями, быстро угаснет, так как не имеет под собой реальной почвы. Рано или поздно восторжествуют здравый смысл и истина. Когда промотают государственную казну, когда будет подорвано финансовое и промышленное благополучие страны, когда станут закрываться нужные предприятия и начнутся банкротства и естественное следствие этого обесценение общественного богатства, — тогда будет признано, что эта война была порождением конъюнктурной политики, противоречащей интересам Франции и играющей лишь на руку Англии. Реакция на все это может оказаться роковой для тех, кто спровоцировал эту кровопролитную войну.

Вторая иллюзия — это вера в то, что война между Россией, с одной стороны, Турцией, Францией и Англией — с другой, ограничится рамками, которые ей хотят придать. Гораздо вероятнее, что война будет все расширяться и перерастет в войну всеобщую. А всеобщую войну Франция могла бы выдержать, лишь вызвав демона революции, которому она еще сопротивляется, и возбуждая у других те страсти, которые она пытается всячески задушить у себя. По плечу ли ей такая двойная роль? Времена кардинала Ришелье²⁴, который покровительствовал и поддерживал протестантскую партию в Германии, но преследовал ее во Франции, миновали. Партия красных в наши дни является гораздо более грозной для всех стран, чем французский протестантизм XVII в. Во всяком случае, это обоюдоострый меч, который, прежде чем нанести удар по противнику, ранит того, кто захотел бы им воспользоваться.

Но как во всякой войне, и в этой возможны победы; достаточно ли окрепла новая империя, чтобы выдержать поражение? Не затмит ли в случае успеха военная слава того, кто командовал победоносными войсками Франции, популярность новой династии на еще не окрепшем троне в стране, где об-

ещественное мнение всегда бурлит страстями разделяющих его политических партий?

Франция радостно приветствовала новое царствование, потому что, прожив три года под властью террора, между политической жизнью и смертью, она устала от анархии и беспорядков. Но французы быстро забывают о страданиях, пережитых ими. Они это неоднократно доказывали: после небольшой передышки страсть вновь разгорелась.

Значительная часть французского народа напичкана еще социалистическими принципами, которые тайно распространялись при Луи-Филиппе и открыто проповедовались во времена республики. Пропагандисты этих принципов, хотя и были подвергнуты репрессиям, не прекратили свою тайную борьбу. Наиболее просвещенная часть нынешнего поколения, привыкшая за 30 лет к выборной форме правления, к борьбе на трибуне и парламентской болтовне, насчитывает немало сторонников такого правления, несмотря на все бедствия и зло, которые оно причиняло Франции и в конце концов привело к катастрофе 1848 г. Эта партия, так же как и партия республиканцев, молча грызет удила, которые ей навязал современный строй, но не может быть отнесена к его сторонникам.

Слияние легитимистов²⁵ с орлеанистами²⁶, не имеющее значения сегодня, может приобрести его при других обстоятельствах. Все эти партии могут поднять голову во время политических потрясений.

Все эти возможности следует учитывать, и мы еще не потеряли надежды, что французское правительство примет во внимание эти соображения ради блага всей Европы.

Подвергнув анализу политику Англии и Франции, насколько нам представилось возможным при ограниченном объеме нашего труда, мы вспомним, каково было их взаимодействие в Восточном вопросе.

Англия и Франция провозгласили свою политику как глубоко мирную, которая ставит своей целью не допустить войны между Россией и Турцией или, если она возникнет, ограничить ее Востоком, чтобы предотвратить войну всеобщую. Мы уже видели, как была осуществлена первая часть этой задачи. События покажут, как она справится со второй. Так как всеобщая война в нынешних условиях явилась бы большим бедствием для Европы и повлекла бы за собой тяжелые последствия, которые трудно даже предвидеть, то для истории важно точно установить, кто несет ответственность за эту войну.

В Россию бросили камнем за то, что она подняла злосчастный Восточный вопрос. Конечно, сам по себе этот факт достоин сожаления. Однако не мешало бы определить — действительно ли Россию, не желавшую ни войны, ни захвата новых территорий, не вынудили интригами, которые плелись

против нее в Константинополе, пойти на демонстрации, необходимые, по ее мнению, в отношении Турции. А если уж речь зашла об упреках, то мы могли бы упрекнуть Францию за то, что она подняла Восточный вопрос в связи со святыми местами, что тоже было весьма досадно, ибо это и послужило началом всех дальнейших осложнений.

Мы не будем останавливаться на полемике, которая развернулась в свое время по поводу ультиматума князя Меншикова²⁷ и оккупации княжеств. Читателям она хорошо известна. Они помнят, что тогда говорилось и повторялось по этому поводу каждой стороной. Мы ограничимся лишь рассмотрением так называемого мирного вмешательства двух морских держав, с одной стороны, и позиции России — с другой, начиная с факта оккупации.

Когда Россия заявила, что у нее нет никаких намерений воевать с Турцией и она уйдет из княжеств, как только будут гарантированы религиозные права ее единоверцам, то ни вмешавшиеся державы, ни сама Порта не объявили факт оккупации княжеств *casus belli** и сложившееся положение не угрожало миру в Европе. Речь шла о мирном урегулировании интересов и прав Турции и России. И когда Россия заявила о готовности вести переговоры при сохранении за собой строго оборонительной позиции, надо было прежде всего помешать Турции (в интересах европейского мира) начать военные действия. А теперь посмотрим, какими средствами стремились добиться этой цели.

Мы не относимся к тем, кто привык осуждать задним числом политику того или иного государства или судить о ней лишь по ее результатам. Именно в политике наиболее старательно составленные планы часто опровергаются событиями. Но нам с самого начала казалось, что в этом вопросе Англия и Франция занимали позицию, которая скорее способствовала возникновению войны между Россией и Турцией, нежели ее предотвращению, как нас в этом хотели убедить.

Прежде всего, когда выдают себя за посредника или арбитра, то не следует заранее предрешать исход дела и высказывать свое враждебное отношение на словах и на деле к одной из сторон и быть явно пристрастной к другой. Это раздражает одного из противников и делает менее уступчивым второго. А именно так вели себя Англия и Франция. Они начали провокационные выпады против России, что не было лучшим средством сделать Порту более сговорчивой.

Временная оккупация княжеств не являлась, как мы уже отмечали, *casus belli*, тем более что Россия заявила, что она не намерена воевать с Турцией и не посягает на ее независимость, а Англия и Франция почему-то сочли необходимым по-

* Повод к войне (лат.) — *Прим. пер.*

слать свои флоты в Безика-Бей²⁸. Была ли в этом *regisulim in toga**? Разве можно завоевать Оттоманскую империю оккупационным корпусом в 40—50 тыс. солдат? Или за несколько недель дойти до Константинополя? Важно отметить, что оба флота вошли в Безика-Бей за три дня до истечения срока, установленного для окончательного ответа Порты на ультиматум России, который должен был решить, действительно ли будет осуществлена оккупация княжеств.

Поскольку они сочли себя обязанными вмешаться при случае в этот конфликт, так сказать, ради защиты европейского равновесия, то и тогда, если бы началась война, не имела бы Англия и Франция достаточно времени, чтобы ввести свой флот в Дарданеллы для защиты Оттоманской империи, прежде чем русские со своей многочисленной армией смогли бы переправиться через Дунай, пересечь Балканы при абсолютном успехе их войск? Ясно, что это было, по крайней мере, преждевременно и посылка флотов в Безика-Бей, как и их вхождение в Дарданеллы, была необоснованной, враждебной и провокационной демонстрацией в отношении России и могла только играть на руку фанатичной партии в Константинополе, которая толкала страну к войне.

Не надо забывать также и обстоятельства, при которых проходила и вторая демонстрация.

Россия принимает без изменений ноту, предложенную Венской конференцией, но заявляет, что она считает себя связанной этим согласием лишь в том случае, если Порта примет ее также без изменений. Порта же вносит в ноту такие изменения, которые делают ее неприемлемой. Следовательно, трудности возникают ввиду решения Турции. Россия, полностью отбрасывая поправку Турции, не отказывается от своего первоначального согласия с Венской нотой, хотя и имела на это право, поскольку принятие ноты имело условный характер. Она вновь заявляет в Ольмюце, что по-прежнему готова начать переговоры на приемлемой основе, что она не хочет войны и остается на оборонительных позициях. Россия идет еще дальше. Она соглашается на некоторые поправки, которые, по ее мнению, успокоят Порту, но именно в ответ на эту уступку в Дарданеллы входят флоты.

Разве так поступают, когда искренне хотят заключения почетного мира для всех заинтересованных в нем сторон?

И война в конце концов начинается, потому что, проповедуя мир, Англия и Франция сделали все, чтобы толкнуть турок на военные действия, дав им понять, что в случае необходимости им будет оказана военная помощь. Бой идет на Дунае, в Азии. Одновременно ведутся переговоры. А флот остается в Дарданеллах в ожидании, что успех придет и к

* Опасность в промедлении (лат.) — *Прим. пер.*

туркам. Восхваляются их мнимые успехи. В Вене подписывают протокол о коллективном демарше, который должен поначалу привести к перемирию, а затем к переговорам о заключении мирного договора между Россией и Турцией при посредничестве четырех держав.

Между тем войска Омер-паши вновь переправляются через Дунай, а спустя некоторое время поступает сообщение о поражении двух турецких армейских корпусов в Азии и о катастрофе в Синопе. Все здравомыслящие и искренне желающие мира люди радуются, поскольку они видят в этом, и не без оснований, поражение фанатичной партии в Константинополе, которая толкала страну к войне, и благоприятный момент для мирного посредничества. Однако обе морские державы восстали. Особенно кичливо ведет себя Англия. Гордясь своим господством на море, она полагает, что ей достаточно лишь нахмурить брови, чтобы перед ней склонились все флаги. Англия и Франция возмущаются тем, что Россия, ведя войну с Турцией и будучи атакована ею в Европе и в Азии, позволила себе сжечь вражескую эскадру, которая была предназначена, как это признает близкая к правительству английская печать, для того, чтобы высадиться на русской территории в Азии и снабдить боеприпасами кавказских горцев. Своим смехотворным негодованием и Лондон и Париж доказывают, что они намеревались склонить Россию лишь к обороне, чтобы она отражала лишь атаки врага, но не причиняла бедствий всему остальному миру.

Это не соответствует действительности. Но именно это и инкриминируется России, чтобы оправдать новую, еще более провокационную демонстрацию. Еще не успели просохнуть чернила на Венском протоколе, а флотам обеих держав уже отдан приказ войти в Черное море. Можно ли чем-то оправдать подобные действия? Можно ли поверить в то, что их заявления о желании сохранить мир являются искренними, когда своими необоснованными провокациями они доводят до крайности враждующие стороны, когда они ранят национальные патриотические чувства великого народа, когда лишают Россию возможности сделать почетную уступку, не создавая впечатления, что она делает это под угрозой. Что можно ожидать от таких посредников, которые ведут переговоры, держа пистолет у горла?

Вероятно, в Лондоне и Париже отдают себе отчет о возможных превратностях войны и о жертвах, которых она потребует. Поэтому также вероятно, что там хотят еще ее избежать. Но вместе с тем ясно, что они желают мира при условии, что он будет унижительным для России. Таковы, по крайней мере, явные намерения Англии, заветное желание которой заключается в том, чтобы уничтожить раз и навсегда влияние России на Востоке и установить там свое. Но дости-

жение такой цели несовместимо с сохранением мира, ее можно достичь, лишь ведя долгую и упорную войну. И Англия этой цели добивается, хочет любой ценой свести на нет роль России в восточных делах, стремится ее лишить влияния на Константинополь как соседнего государства. Это влияние зиждется на естественных отношениях между обеими империями. Такая держава, как Англия, повторяем мы, не желает мира, она выступает за войну, а все ее мирные заявления — лицемерны.

Последняя провокационная демонстрация не является мерой предосторожности; никакой необходимости в ней не было. Разве оккупация Дарданелл тремя объединенными флотами была недостаточной, если бы Россия действительно, как это ей приписывали, захотела злоупотребить своими победами? Это демонстрация ущемленного самолюбия, это ложный путь, при помощи которого надеялись устроить Россию.

Заключение

Итак, они делали вид, что хотят помешать возникновению войны между Россией и Турцией, но спровоцировали ее.

Они хотели защитить целостность и независимость Османской империи, но поставлено под сомнение само существование этой империи. Действительно, если не обращать внимания на те лихорадочные усилия; которые придают ей видимость силы, то у нее нет ни достаточных ресурсов, ни запаса жизненных сил, чтобы оказывать сопротивление в долгой и упорной войне, которую она вынуждена будет вести на суше независимо от англо-французских морских демонстраций.

Они делали вид, будто намерены обеспечить европейский мир, но никогда миру не угрожала такая большая опасность, как в настоящее время. Мир висит на волоске, потому что, даже если согласиться со смехотворным утверждением, что война между Россией, с одной стороны Турцией, Францией и Англией — с другой, не затронет другие государства континента, падение Османской империи было бы одним из самых вероятных последствий сильного потрясения, в которые была бы втянута вся Европа...

Таковы печальные итоги англо-французского альянса, заключенного под знаком мира и согласия.

Написана в начале января 1854 г.

Amicus Plato, amicus
Aristoteles, sed magis
amica veritas.

Платон — друг, Аристотель —
друг, но истина — еще больший
друг (лат.).

I

Когда в 1853 г. несколько тысяч русских солдат в легком снаряжении переправлялись через Прут, все в Европе, кажется, были убеждены в том, что здесь опять дело идет о театральном представлении, требующем от статистов подходящих выражений лиц и жестов, чтобы произвести впечатление на зрителей. И поскольку предполагалось, что на представлении зрителями будут исключительно турки, можно было заранее рассчитывать на эффект предстоящего спектакля. Надежда была тем более обоснованна, что не только Россия, но и другие великие державы не раз прибегали к таким демонстрациям, которые не принимались всерьез, а следовательно, не нарушали спокойствия в мире. Достаточно напомнить известную акцию британского правительства против Греции, чтобы заставить ее оплатить довольно сомнительный счет некоего английского еврея¹. Однако эта внезапная вылазка, которая, безусловно, могла выглядеть попыткой вторжения, так же опасной для равновесия в Европе, как и оскорбительной по отношению к державам-покровительницам, не вызвала особых тревог, ибо, несмотря на вполне законное возмущение, все были убеждены, что временное прекращение эллинской торговли преследовало лишь цель — при помощи угроз добиться того, чего английское правительство могло достигнуть общепринятым дипломатическим путем лишь только после бесконечных проволок.

Политика военных демонстраций (поистине довольно безнравственная) в 1853 г. в глазах великих европейских держав не была чем-то необычайным или предосудительным, и они были, несомненно, далеки от того, чтобы неправильно истолковывать смысл и цели оккупации княжеств русскими войсками. Никто не мог рассматривать эту акцию иначе, как кратковременное давление (несколько «на английский лад») на османское правительство, чтобы заставить его немедленно выполнить требования санкт-петербургского кабинета; гре-

бования, по крайней мере, столь же законные, как и требования Дона Пасифико, в защиту которого Англия сочла нужным действовать столь быстро и энергично, что без предварительного предупреждения и в самой мирной обстановке направила свои пушки на дворец независимого монарха. Впрочем, английское правительство само не только признавало справедливость притязаний России, но и одобряло насильственные меры с целью добиться их удовлетворения. После того как была опубликована секретная переписка, которой обменялись в связи с этим оба правительства, в этом отношении больше не остается никакого сомнения.

Доказать это легко. В своей депеше за № 2 от 23 января 1853 г., отправленной из Санкт-Петербурга, лорд Сеймур, посол Великобритании при императоре Николае I, пишет королеве: «Выражаю Вашему Величеству уверенность, что переговоров, подкрепленных угрозой и военными мерами, будет достаточно, чтобы обеспечить благоприятный ответ на справедливые требования России». В другой депеше, адресованной графу Нессельроде² (Санкт-Петербург, 10 января 1854 г.), тот же посол отклоняет всякое участие Англии в системе нажима, который Франция могла бы оказать на Турцию, чтобы заставить султана не признать предъявляемых ему требований. Напротив, Англия заявляет, что советники королевы просили, чтобы полное удовлетворение было дано требованиям, которые русское правительство вполне обоснованно выдвигало.

Наконец, что могло бы привести самые предубежденные умы к отказу от мысли, что Россия стремится к захватам, так это само время, в которое совершалось передвижение ее войск и особенно их малочисленность.

В самом деле, насколько нужно пренебрегать основами логики, чтобы, не имея к тому причин, отказать императору Николаю в самом элементарном здравом смысле, приписав ему проект, могущий возникнуть только при полном отсутствии умственных способностей? В каком состоянии мог бы находиться монарх, который, возбужденный мыслью о захвате Константинополя, сложил бы руки и пропустил длинный период смут и волнений, так благоприятных для выполнения своих честолюбивых замыслов, и вдруг очнулся бы от сна именно в ту минуту, когда Европа только что оправилась, восстановила свои силы и обрела единство! И при таком стечении обстоятельств император Николай вспомнил бы свои планы и для их осуществления послал 12 тыс. человек, приказав им ничего не брать с собой, что понадобилось бы в настоящем военном походе. Приказы были выполнены абсолютно точно, как могли убедиться все видевшие эту грозную армию «завоевателей», жалкий лагерь, расположенный на болотистой равнине Валахии, которую она со дня на день мечтала

покинуть, чтобы вновь перейти границы. Ничего не могло вызвать большего удивления у агентов всех национальностей, часто посылаемых из Константинополя, как этот беспечный и, быть может, слишком наивно-миролюбивый вид русской армии перед всей Европой, готовящейся к гигантской борьбе, возможность которой Россия себе даже не представляла.

Итак, в момент, когда западные державы скорбели о брошенной на произвол судьбы Турции, государственные деятели, которым было поручено поднять тревогу, прекрасно владели своей ролью и вышли на сцену в заранее подготовленных художественных костюмах и гримах.

II

И если никто из так называемых поборников Турции не был вправе считать, что ее неприкосновенности или территориальному существованию угрожает серьезная опасность, если подлинное значение оккупации княжеств не могло ускользнуть от самых непроницательных людей, возможно ли допустить, что страх перед тем, что демонстрация достигнет поставленной цели, был достаточным мотивом, побудившим Европу жертвовать цветом своих армий, а также тратить свыше 7 млрд. фр.* Очевидно, нет. С тех пор как были полностью опубликованы документы о переговорах между оттоманским правительством и князем Меншиковым, все могли ознакомиться с ними и представить себе ужасные требования России, заставившие Порту считать их равносильными своему смертному приговору. Ныне все знают, что эти требования состояли лишь в том, чтобы права и привилегии, которыми с давних пор пользовались греческие христиане, права, только что подвергшиеся новому посягательству, стали предметом прочно утвержденного решения, могущего теперь помешать Турции выполнять свои обещания. В этих условиях царь был в положении человека, который заявлял, что, поскольку полученные им заверения не выполняются, он не может больше им доверять, если они не будут изложены на бумаге и не приобретут характер письменных обязательств. Вот и все чрезмерные претензии России. Однако такого рода претензии нередко излагались и одобрялись торжественными договорами не только между христианскими державами, но также и между христианскими и мусульманскими государствами. Ведь среди договоров, заключенных после Вестфальского мирного договора⁴ и до наших дней, можно найти много таких, ко-

* Газета «L'indépendance belge»³ следующим образом оценивает расходы, понесенные во время войны на Востоке воюющими сторонами, а также Австрией и Пруссией: Франция — 3500 млн. фр., Англия — 2500 млн., Австрия — 1140 млн., Россия — 524 млн. (считая только один заем), Турция — 120 млн., Пруссия — 97 млн., Сардиния — 80 млн. фр.

торые путем положительных обязательств закрепляют интересы и привилегии, предоставленные единоверцам одной из договаривающихся сторон, без того чтобы другая сторона усматривала в этом какое-либо посягательство на свои суверенные права или безопасность своего государства.

III

Рассматривая доводы, которые могли дать повод для крестового похода на Россию, мы убедились, что среди них не могли играть роль: ни непосредственная угроза взятия Константинополя императором Николаем (осуществление такого плана было бы, учитывая общее положение вещей в Европе, несбыточной мечтой); ни характер требований царя, ибо сама Англия признала их законное основание; ни, наконец, опасение увидеть, что монарх добился путем удовлетворения своих претензий такого влияния на Турцию, что оно вселяет тревогу, так как обязательство, ожидаемое от султана, не должно было увеличить привилегии, коими уже пользовались придерживающиеся греческих обрядов христиане, а лишь сохранить их в неприкосновенности. Понятно, что если подобные доводы не только оправдывали, а лишь служили поводом к пожару, охватившему, как по волшебству, Европу, значит, надо предположить, что существовали достаточно серьезные причины, чтобы столь слабая искра вызвала такой ужасный взрыв.

Эти причины следует искать в особом положении Европы в тот момент, когда император Николай неосторожно вступил на уже минированную со всех сторон землю. Франция, спасенная от агонии, последствия которой могли отвратить лишь самые радикальные меры, только что заняла позицию, требующую для начала несомненно решительных действий. Государственный переворот 2 декабря 1852 г.⁵ мог быть закреплен лишь другим политическим актом, который возвысил бы государя в обществе королей на такую же высоту, какую он достиг в глазах своего народа. А народ этот напоминал выздоравливающего больного, которого нужно было не только развлекать и приучать к только что возникшим во всех его жизненных органах изменениям, но также необходимо было ему привить вкус к новому режиму, а также желание настойчиво его придерживаться, не дав времени или случая поближе к нему присмотреться. А ведь ничто так сильно не захватывает ум француза и не оттесняет все его другие заботы, как чувства славы и национальной чести. Нет такой страны, где бы настолько готовы были слепо следовать за всяким, кто идет впереди с лавровой веткой в руках. Для Франции это скромное растение одинаково дорого, как пища в пустыне или одежда в снегах.

Со времени падения Первой империи Франция считала,

что ей предстоит уплатить по крупному счету; утратив свое законное положение, она ждала случая вернуть его. Никто из ее политических агитаторов не нашел обстоятельства достаточно благоприятными, чтобы извлечь пользу для своей доктрины из этого состояния страны. Проницательности Луи Бонапарта⁶ была предоставлена возможность нажать эту всемогущую пружину в нужную минуту. Необычайный человек, которого небывалые в мировой истории обстоятельства поставили во главе наиболее трудно поддающейся управлению европейской нации, сразу охватил взглядом гения все преимущества и опасности своего положения. Он понял, что для использования одних и устранения других нужно было соединить самые разнородные элементы и тем самым заставить их отождествиться с его личностью. Наиболее подходящими для такой политической метаморфозы были чувства патриотизма и национальной славы. Наполеон III был уверен, что с таким талисманом он сможет привлечь своих друзей и врагов, заставить их совместно работать с ним и на него. Отождествляя свои знамена со знаменами Франции, он навязывал каждому французу безоговорочное служение им. Достаточно было хотя бы на день признать их, чтобы человек уже больше никогда не мог отказаться от солидарности с новым правительством. Короче говоря, борьба, предпринятая для того, чтобы вновь завосать Франции ее прежнее влияние и доверие Европы, а также для стяжания новых лавров, становилась для избранного ею монарха насущной потребностью. Именно поэтому он поспешил воспользоваться случаем, предоставленным ему императором Николаем, безусловно не подозревавшим о той скрытой под наигранным гневом радости, которую он доставил Парижу и Лондону.

IV

Истинные поводы для войны у Англии были другие, нежели у Франции. Но обе страны были едины в том, что это предприятие полезное, необходимое, с оговоркой конечно, что оно принесет свои особые выгоды для каждой из них.

Уже давно сент-джемский кабинет со страхом следил за успешным развитием северного великана. Каждый год он обнаруживал все новые и новые русские вежи, появляющиеся вдоль великого пути в Центральную Азию. Не считая Россию способной ныне перебросить свои армии через необозримые и негостеприимные края, отделяющие ее собственные границы от британских владений в Индии, Великобритания не без основания могла допустить, что пришло время устранить препятствия, кажушиеся сейчас непреодолимыми; что продвигаясь медленно, но настойчиво вперед и пользуясь скорее жезлом Меркурия, нежели мечом Марса, великан, находящийся

сегодня еще так далеко, в конце концов подойдет близко к Англо-Индийской империи, чтобы склониться над берегом этого Эльдорадо и оттуда временами шептать на ухо зажимательные речи сотне миллионов рабов, согнувшихся под бременем меркантильного скипетра этого королевства лавочников. При этих опасных наветах российский Голиаф может оборонить несколько слов о пытках и гнусностях, столько веков терпеливо переносимых индусами, а также о надеждах на успех, который может достичь огромное население в результате массового восстания, организованного европейскими вождями, кои в таком случае использовали бы все средства современной военной науки*.

* Совсем недавно изумленная Европа слышала вопль страдания, веками издающийся в Британской Индии. В июле 1854 г. член парламента объявил в палате общин, что служащие в Восточной Индии применяли пытки. Заявление было принято взрывом всеобщего негодования не против этих чиновников, а против дерзости мнимого клеветника. Но под нажимом общественного мнения правительство учредило комиссию, командированную на место для расследования, которая не могла не подтвердить перед всем миром ужасную истину. Самое ухищренное изображение тщетно старалось бы изобрести ту возмутительную и страшную картину страданий несчастных индусов, которая открылась перед нами. Все, что инквизиция или самые изощренные палачи древности изобрели для продления пыток, чтобы разнообразить и увеличить мучение и боль предсмертного часа, не идет ни в какое сравнение с приемами, используемыми в Британской Индии при взимании налогов. В длинном списке, приводимом журналом «Эдинбургское обозрение», который отмечает, что он отказывается упоминать все то, чего нельзя высказать на европейском языке, среди страшных пыток мы видим: раздирание и выдергивание отдельных органов щипцами, накаленными докрасна, введение в раны насекомых или пресмыкающихся грызунов, красного перца в глаза, в ноздри и во все отверстия человеческого тела. Любопытно, что многие европейские газеты опубликовали сообщения об этих вопиющих зверствах (в частности, «Журналь де деба»⁷ 3 марта 1856 г.) как раз в то время, когда в Париже происходило заседание конгресса, который должен был положить конец войне, объявленной цивилизацией против варварства. И вот среди стонів и проклятий своих индусских подданных Англия осмелилась поднять голос протеста в защиту подданных других держав! Тщетно было бы оправдывать британское правительство незнанием ужасов, совершавшихся в Индии. Это незнание, даже если его допустить, нисколько не уменьшает ответственности метрополии. Впрочем, не нужно даже обращаться к страданиям несчастных индусов, чтобы доказать, что при управлении колониями Англия преследует только свои материальные выгоды, совершенно не заботясь о моральном состоянии и благополучии своих иностранных подданных. Достаточно привести следующие факты, взятые из прекрасного труда г-на Ж. Ж. Плата по вопросу о народном образовании в Индии (см.: «Zeitschr. für allg. Erdkunde»⁸, т. VI, 1856, стр. 232). Когда в 1793 г. Вильберфорс предложил палате общин организовать в Индии народные школы, компания «l'India house» запротестовала против такой меры, как слишком дорогостоящей и подрывающей авторитет и доверие к Англич, которые могут базироваться исключительно на полном невежестве индусского населения. С этого времени в течение полувека английское правительство сохраняло в полной неприкосновенности то состояние глубокого невежества, в которое упомянутая компания свергла эту несчастную страну. Только в 1842 г. парламент постановил учредить народные школы в Индии, ас-

Наконец, угроза в будущем со стороны России, если не самой Восточной Индии, то, по меньшей мере, всему сооружению, на котором покоится английское влияние на Азиатском материке, угроза, по нашему мнению, достаточно серьезная, чтобы государственные деятели Великобритании почувствовали необходимость ее предотвращения, останавливая успешное продвижение своей гигантской соперницы со стороны Азии.

По мере того как такая необходимость становилась более неотложной, она вызывала все возрастающую озабоченность. И прежде всего по двум причинам: во-первых, правительство Великобритании отдавало себе полный отчет в том, что для нападения на Россию английский флот нуждается в поддержке крупной сухопутной армии; во-вторых, никак не удавалось изобрести средства, при помощи которых можно было бы добиться такой поддержки одной из великих держав, открыто не выражая просьбы крови и средств в пользу нации, завоевавшей себе определенную репутацию — все приносить в жертву своему эгоизму. Это объясняет и восторг Англии, которая приветствовала возникновение новой империи, она сумела оценить эту империю в полной мере, предвидя все последст-

сигнуя на это ежегодно 42 300 ф. ст. (1 057 500 фр.), что вместе с 3600 ф. ст. (95 400 фр.), вносимых ежегодно учениками разных школ в Бенгалии, составляет 47 тыс. ф. ст. (1115 тыс. фр.). Вот все, что Англия сочла возможным израсходовать на образование 40 млн. человек. Следовательно, всего один человек из 10 тыс. может получить школьное образование. Итак, ясно, что с просветительной точки зрения самые дикие провинции Турции и Персии ни в чем не могут позавидовать британским подданным Восточной Индии. Причем надо учесть, что все, что касается этой колоссальной империи, почти неизвестно в Европе. А то, что творится в других многочисленных английских колониях на самых разных точках земного шара, чаще всего совершенно ускользает от нескромных взоров иностранцев. Они довольствуются тем, что английские газеты считают уместным сообщить. Так, в Европе часто упоминают о короле «москитос» как о монархе, который добровольно встал под покровительство Англии. Но очень немногие знают, что этот монарх вообще не существует. Это вымысел, которым была обманута европейская публика. Он был выдуман, чтобы объяснить захват обширной области ради политических и торговых интересов мудрого Альбиона. Любопытные разоблачения на этот счет можно прочесть в сообщении г-на Андре в берлинском географическом журнале («Zeitschr. für allg. Erkunde», т. VI, стр. 18). Он описывает гнусные средства, применяемые английскими властями Белиза, присваивающими титул короля кому угодно (часто даже собственным матросам). Они доставляли этого человека в жалкий городишко Блэкфилд, где флаг Соединенного королевства развевается над хижиной, специально построенной для этого водевильного короля. Конечно, местные жители ничего не знают о существовании такого монарха, а это англичан и не беспокоит. Главное для них, чтобы Европа признала существование дающего короля и объяснить ей захват обширной области (протекторат над которой ей предоставлен) желанием якобы самого властелина. Таким методом Великобритания обеспечивала себе в Центральной Америке положение, которое даст ей владычество над богатым торговым путем в связи с прорытием канала на Панамском перешейке.

вия такого события. Пока Великобритания видела в президенте только предприимчивого человека, честолюбие которого не имело еще определенной цели, она питала к нему лишь отвращение, смешанное со страхом, что постоянно выражалось в резких газетных нападках против ниспровержения республики. Однако, как только Англия узнала о неосторожных действиях императора Николая, бюст, напоминающий английский либералам облик Нерона, принял вдруг черты Тита — утехи рода человеческого. Великобритания поняла, что мощный порыв, побуждающий французское правительство к блестящему выступлению, наконец нашел достойный для Франции объект и что Россия становилась громоотводом, притягивающим молнии, которые, возможно бы, поразили британские или, может быть, даже германские земли.

V

Таким образом, вследствие весьма счастливого стечения обстоятельств для Англии оказалось возможным осуществить план, который она давно лелеяла как заветную мечту. Вместо того чтобы ожидать от какой-либо отдаленной державы запоздалого и вряд ли искреннего сотрудничества, она неожиданно получает его от своего грозного соседа, враждовавшего с ней веками. Никогда бы королевская или республиканская Франция в подобных обстоятельствах не пошла бы на союз с Англией против России. Ее трибуны, ее государственные мужи помешали бы совершить ей подобный шаг, ссылаясь на материальные интересы страны. Императорская же Франция согласилась на такой союз потому, что она видела в нем лишь удовлетворение своих моральных потребностей. Шагая в ногу с Великобританией, Франция считала, что ее нельзя упрекнуть в том, что она идет на буксире. Напротив, таким способом она вступает на широкий путь, отвечающий ее национальным интересам, а завершение и цели этого пути столь четко определены, что уже с первых шагов всякий дальновидный человек ощутит, что именно скорее Англия действует в интересах Франции, нежели Франция жертвует собой в интересах Англии. Нередко с нациями происходит то же, что и с людьми: они включаются в совместное предприятие с весьма различными тайными намерениями и продолжают действовать сообща в ожидании того часа, который покажет, кто кого провел. Именно так и произошло в данном случае. Франция и Англия громогласно заявили об одних и тех же намерениях и общей цели. Они обнимаются, взаимно умиляются над чистотой этого ангельского содружества. Они проклинаят позорное честолюбие императора Николая, из-за которого прольется столько крови, и клянутся в вечной верности друг другу в пользу этой интересной Турции, которую

представляют Европе то как невинного агнца, то как грозного льва.

Наконец костюмы надеты, суфлеры и клакёры расставлены по местам, мощно зазвучал барабан в оркестре, Орест и Пилад в сопровождении хора и статистов выходят на сцену. Они проделывают всевозможные жесты и удаляются, заявляя публике, что пьеса была дана в ее бенефис, без какого-либо вознаграждения артистам. Теперь занавес упал, клакёры и публика молча удаляются, одни — чтобы сосчитать свою выручку и поискать новых хозяев, а другие, чтобы поразмыслить над странными вещами, которые им показали. Мы, в свою очередь, можем спросить себя: какая же была действительная развязка драмы и достигло ли каждое из действующих лиц цель, которую оно преследовало в этом шумном и загадочном спектакле? Ответ на эти вопросы содержится в договоре, который только что подписал Парижский конгресс. Мы рассмотрим его, чтобы увидеть, насколько осуществились чаяния воюющих сторон и каковы будут последствия для будущего от нового порядка вещей, который он создал.

Если без предвзятости и предубеждений задуматься над мотивами и действительной целью каждого из союзников, предпринявших эту ужасную войну, то, естественно, придешь к тому выводу, что только Франция и Австрия более или менее преуспели.

Оказавшись благодаря своим блестящим успехам во главе великих наций Европы и показав изумленному миру военное бессилие богатой соперницы, Франция вновь торжественно заняла свое законное место среди ареопага королей и отомстила так же блестяще, как и благородно, за поражение при Ватерлоо и за позор Святой Елены. Более того, создав между всеми политическими партиями и главой новой династии неразрывные узы национального достоинства, она вынудила эти партии принять из его рук высшую славу, равно как мир и порядок в стране. Итак, политика императора Наполеона III увенчалась успехом. Выстрел из пушки, возвестивший о падении Севастополя, ясно сказал Европе, что роль Франции в этой кровавой драме закончена и что достоинство и цели ее правительства не позволяли ей проводить иную политику.

Позиция, а следовательно, взгляды и интересы Австрии в Восточном вопросе были совершенно иные, нежели у Франции. Как и Франция, Австрия не могла допустить ни существования так называемой опасности, угрожающей Оттоманской империи, ни навязываемого ей вывода о необходимости воевать против России. Однако венский кабинет с удовлетворением встречал любое потрясение, могущее ослабить его гигантского соседа, силу и возможности которого он мог оце-

нить лучше, чем когда-либо, с тех пор как император Николай поднял свой меч в защиту династии Габсбургов, поставленной перед страшной альтернативой: или погибнуть от рук собственных детей, или принять спасение от иностранцев.

Намерения Австрии содействовать ослаблению России не выражались в заранее и детально обдуманном плане, разработанном с такой точностью, с какой правительства Франции и Англии отдавали себе ясный отчет в реальных целях войны. Присоединить свое оружие к оружию воюющих сторон никак не соответствовало интересам Австрии. Делая вид, что она имеет добрые отношения со всеми, Австрия представляла лишь времени работать в ее пользу, не теряя ни единой капли своей крови. На самом деле Австрия должна была предвидеть, что объединенные силы Франции и Англии, опираясь на энергичные меры, которые она сама могла применить, не выступая открыто под флагами своих союзников, добьются в конце концов мира — мира, который, не затрагивая чести России, признал бы совершившимся фактом уничтожение черноморского флота, а также освобождение Дуная и княжеств от все возрастающего влияния северного великана. Такая политика спасала Австрию от жертв в войне, обеспечивала ей с большой верностью достижение тех результатов, к которым она стремилась, нежели если бы она легкомысленно бросилась в открытую борьбу против России. Несмотря на атаки со всех сторон, этот гигант, доказавший, что ноги у него отнюдь не глиняные, возможно, показал бы Австрии, что рука, спасающая ее столицу от венгров, еще довольно крепка, чтобы достигнуть ее и выдать столицу тем же венграм. Вместо того чтобы мериться силами с многочисленными русскими войсками, расположенными вдоль ее границ, не являлось ли ловким маневром то, что Австрия связывала эти войска и тем самым давала союзникам возможность и время неожиданно нанести удар в Крыму, где их никто не ждал? Таким образом, Австрия парализовала без боя наилучшую часть русской армии и втихомолку посмеивалась над союзниками.

Но представим себе (что вполне невероятно), что Франция была бы в состоянии послать на помощь Австрии 200-тысячную армию и благодаря такой поддержке солдаты в белых мундирах оказались бы на втором плане. При этом Австрия стала бы достаточно сильной, чтобы, используя такое преимущество, напасть на Россию, и карта Европы оказалась бы перекроенной в результате этой войны. Можно ли думать, что император Франц и его министры могли желать подобного результата? Конечно, нет. Они прекрасно знали, что при дележе военной добычи львиная доля достанется не им и, если англичане или французы обоснуются

в Крыму, австрийская торговля будет под угрозой, которой она не подвергалась ни со стороны турок, ни даже со стороны русских. Поэтому Австрии отнюдь не следовало доводить ослабление России за пределы австрийских интересов. А эти пределы ограничивались уничтожением черноморского флота, а также освобождением Дуная и княжеств. Они могли быть достигнуты наиболее выгодным и экономным способом для Австрии — только путем соблюдения политики ловкого нейтралитета, который позволял направить поток в заранее намеченное русло и остановить его в момент, когда он грозил бы выйти из берегов.

Все расчеты австрийской политики, достаточно искусной, чтобы поверить в то, что это избавляет ее от необходимости быть честной, великолепно осуществились. Австрия избежала стесняющего ее превосходства русских в княжествах. Дунай, с которым австрийские промышленные центры будут связаны сетью железных дорог, становится для ее торговли прекрасной артерией. При его использовании не нужно опасаться иностранной конкуренции. Наконец, огромное развитие австрийского Ллойда⁹ в Черном море получит новую гарантию безопасности в результате ужасного удара, только что нанесенному русскому господству. Австрия сумеет успешно бороться против Англии, единственной страны, которая может соперничать с ней в торговой монополии на Азиатском материке при помощи передвижного моста из пароходов между Константинополем и Трапезундом. Как видно, в Черном море по-прежнему будет преобладать торговое господство Англии и Австрии. Франция же не может похвалиться выигрышем от того, что на дипломатическом языке именуют нейтрализацией Черного моря. Этот факт имеет в конечном итоге лишь политическое, а не коммерческое значение, ибо Понт Эвксинский¹⁰ был всегда открыт торговым судам всей Европы. Позиция торговых стран ни в чем не изменилась после Парижского договора. Англия и Австрия, добившиеся выгодного положения, смогут в дальнейшем его расширить. Франция, наоборот, равно как страны, позволившие конкурентам отстранить себя или не сумевшие удачно использовать эту область экономики, ничего не выиграет от исчезновения русского флота в водах Черного моря.

В общем Австрия имеет все основания поздравить себя с достижением поставленной цели в великом восточном конфликте. Ее удовлетворение будет тем более искренним, так как политика венского кабинета никогда не претендовала на рыцарские сентиментальности. Трезвые и не очень щепетильные люди венского кабинета от души смеются над отсталыми мечтателями, которые при виде удачного политического маневра с беспокойством спрашивают: были ли использованные средства честными? И можно ли считать достойными

уважения его авторов? Венский кабинет никогда не жаждал ни тривиального уважения честного человека, ни быстро улетающего фимиاما военной славы. Поэтому он должен искренне одобрить слова швейцарского пленного, который на вопрос генерала, почему храбрые швейцарцы складывают голову за деньги, тогда как соотечественники генерала умирают лишь ради славы, ответил: «Каждый дерется за то, чего ему не хватает».

VI

После того как мы назвали державы, которые действительно достигли поставленных целей в восточном конфликте, поговорим о тех, кто ничего не выиграл. Среди них находится прежде всего Великобритания. Если вспомнить мотивы, побудившие эту страну, столь ревностно оберегающую кровь своих сыновей и избегающую непродуктивных затрат, жертвовать большей частью своих регулярных войск и несколькими миллиардами франков, то поражает колоссальная несообразность между усилиями и результатами и особенно между целями и результатами.

Уничтожение русского черноморского флота и падение Севастополя должны были на некоторое время смягчить гнев Великобритании. Но так как Россия мешала англичанам не со стороны Черного моря, Англия прекрасно знает, что при нынешнем политическом положении в Европе нельзя сразу завоевать Константинополь, а тем более владеть им. В своих скромных подвигах Англия найдет лишь бесплодное мимолетное удовлетворение. Однако оно ничуть не уменьшает ее горького разочарования при виде великана, развитие которого в Азии она надеялась остановить. Ведь он сохраняет там свои прежние позиции. Морально даже укрепился в результате безуспешных усилий его соперницы, не говоря уже о неисчислимой пользе для России ценных предостережений, вытекающих из войны, и новой политической системы, которую придется теперь применять санкт-петербургскому кабинету на Востоке. Разочарование, испытанное Великобританией, особенно ощутимо. Для нее речь идет не об одном из неудавшихся начинаний, которое можно пережить, утешаясь надеждой, что к нему можно вернуться в более благоприятный момент и с лихвой наверстать утраченное время. Обстоятельства, позволившие Англии после долгого и бесплодного ожидания приступить к осуществлению своего давнишнего плана, не повторяются часто. За несколько столетий такой случай представился в первый раз. Для повторного стечения аналогичных условий Россия должна угрожать независимости Европы в такой мере, чтобы побудить все страны объединиться против нее или чтобы политическое положение Франции вы-

будило ее начать военные действия в рамках чисто моральных, а не материальных потребностей. Но ни одна из этих двух гипотез не реальна. Дух нашего века делает невозможными вторжения, подобные вторжениям Тамерлана или Аттилы. Крестовые походы варварства против цивилизации давно отошли в прошлое. Поэтому нет оснований к тому, что Франция однажды утратит положение, завоеванное ею при разрешении восточного конфликта. Следовательно, любой моральный довод, который при нынешнем состоянии Европы вновь заставил бы ее взяться за оружие, совершенно отпадает. Мы утверждаем, что утешительная перспектива для Великобритании урегулировать свои дела на Востоке с помощью Франции исчезла, подобно тем светящимся звездам, которые в тысячелетие загораются лишь раз на небосводе и потом гаснут навсегда. Гордому Альбиону остается лишь грустное воспоминание о горьких разочарованиях этих двух лет, на которых было бы не совсем благородно настаивать после поистине наивных излияний благодарности в адрес наших доблестных войск.

Защитники Англии, чтобы ее утешить в том, что она по крайней мере имела некоторую пользу от своего ужасного политического краха, быть может, сошлются на аргумент, который, за неимением других, всегда приводят безутешно пострадавшим,— человек на своих ошибках учится. Этот весьма убедительный довод подходит к России, которая в только что пережитых ею испытаниях может открыть тайну своего блестящего будущего. К сожалению, он неприменим к Великобритании. Ее промахи в ходе последних событий не являются следствием ошибочной системы, устранить изъяны которой ныне можно, имея опыт. Нет, это неизбежный и неустраняемый результат духовных основ самой страны.

Остаются, например, тщетными все усилия, направленные на замену порочной системы вербовки офицеров, основанной на приобретении чинов за деньги, потому что характерна для народа с меркантильным, а отнюдь не воинственным духом, и, опираясь на этот дух, может быть изменена только вместе с ним.

Ничто лучше не подтверждает это, нежели продолжительные дискуссии в парламенте по данному вопросу. Самые компетентные люди, среди которых назовем бывшего военного министра Герберта Сиднея и лорда Пальмерстона, решительно возражали против тех, кто требовал прекращения этой не совсем рыцарской торговли. Вот аргументы, которыми пользовались эти прославленные ораторы. «Английская нация,— говорили они,— чувствует такую неприязнь к военной карьере, что, если бы при помощи некоторых привилегий не старались к ней привлечь представителей богатых и благородных классов, армия не нашла бы больше джентльменов, которые

командовали бы ею. Следовательно, она располагала бы лишь офицерами из простонародья, которые вызывали бы у солдат только глубочайшее отвращение. Словом, никто из трудовых классов Англии не желает облекаться в мундир, за исключением самых отъявленных ничтожеств». Таким образом, видно, что Великобритания не имеет даже утешения извлекать пользу из своих неудач. А подводя итог этому крупному восточному мероприятию, Англия вынуждена проставить во всех графах поступлений неутешительный знак «ноль», к которому она ощущает непреодолимый страх.

VII

Взвешивая актив и пассив каждой из стран, участвовавших в восточном конфликте, остается еще сказать о Турции и Сардинии. Первая из них фигурировала лишь номинально в крупной игре, поводом которой она служила. Отсутствие у Турции непосредственных целей в деле, в сущности не имеющем к ней никакого отношения, приводило к тому, что она должна была принимать все то, чем ее жаловали. За то, что она получила больше или меньше, чем ей могли обещать, Турция, во всяком случае, не несет никакой ответственности. Она ничего не просила и действовала лишь под давлением и в интересах других. Поэтому о Турции мы скажем, рассматривая политические последствия, вытекающие для нее из Парижского договора.

Вступление же Сардинии в западную коалицию, хотя, возможно, и произошло не только по ее желанию, все же совершенно очевидно, что Сардиния не поддавалась бы так быстро давлению, которое на нее оказывали, если бы она не имела на это особые основания. Подобно ряду других малых государств, она могла бы не слушать увещевания Англии, которая стремилась завербовать как можно больше участников конфликта. Однако Англия не сумела их убедить в том, что дела Востока входят в их интересы. Следовательно, нужно считать, что в присоединении Сардиния искала выгоду для себя. И никто не посмеет обвинить ее, предположив, что она признала существование опасности султану и еще в меньшей мере что, желая оказать помощь мощным государствам, поддерживающим Турцию, она решила внести и свою лепту — 15 000 человек, в то время как вся Италия и особенно Германия (гораздо более заинтересованная в конфликте) оставались пассивными наблюдателями. Какие же аргументы можно было выдвинуть, чтобы втянуть Сардинию в войну, войну, которая ее не затрагивала, ничего ей не давала и для которой она ничего не могла сделать? При чем она вступила в войну как раз тогда, когда с трудом только что вышла из губительной для нее борьбы, разорившей ее финансы. Такие аргументы, сила

которых отчасти зависела от позиции тех, кто их выдвигал, состояли, если говорить кратко, в следующем: участие в возможной перекройке карты Европы; приобретение права на благодарность Англии и Франции, которые будут ее оборонять от Австрии; усиление ее морального воздействия на Италию и возможность с помощью своих покровителей благоприятно решить итальянский вопрос и, наконец, привлекательная перспектива занять место на предстоящем конгрессе рядом с вершителями судеб Европы. Теперь посмотрим, как эти воздушные замки строились.

Если анализировать, с одной стороны, чисто моральную цель, которую Франция ставила перед собой в Восточной войне, где ее роль завершается взятием Севастополя, а она знала, что в этом вся слава будет принадлежать ей, и, с другой стороны, подлинные интересы Австрии, которая не желала подмены русского превосходства на Черном море английским господством, то легко убедиться, что так называемая перекройка карты Европы не имела никаких шансов на успех. И особенно потому, что Англии одной это было не под силу. Надежды туринского двора были в корне порочны. Их надо считать мертворожденными. И все же многие политические деятели Пьемонта¹¹ решились провозглашать их открыто. На заседании 14 июня 1856 г. ряд ораторов заявлял, что одним из мотивов, заставивших правительство короля Виктора-Эммануила¹² вступить в союз западных держав, было убеждение не только служить итальянскому единству, но и однажды принять участие в перекройке карты Европы. «Мы не должны забывать,—воскликнул г-н Фарина,— что договоры были разорваны в Кракове, Париже, Брюсселе!» Туринские газеты сообщают, что эти слова были встречены бурными аплодисментами. Наслаждаясь овациями, депутаты Сардинии, конечно, не вспомнили грустного анекдота, рассказанного Плутархом по поводу одного знаменитого оратора, который после речи, имевшей наибольший успех у афинян, беспокойно повернувшись к друзьям, спросил: «Не сказал ли я, случайно, какой-нибудь глупости?»

Посмотрим теперь, оправдались ли надежды Сардинии на благодарность своих обоих мощных союзников, или по крайней мере не были ли эти надежды менее иллюзорными, нежели ее мечты о расширении территории? К сожалению, они относятся к сентиментальной политике. С такой политикой в наше время расправляются быстро и бесповоротно. Недавние примеры это великолепно подтверждают. Та благодарность, на которую Россия имела гораздо больше прав рассчитывать со стороны Австрии, не помешала последней объединиться против своего покровителя и как раз почти в тот момент, когда Россия собиралась вложить в ножны меч, только что спасший Австрию. Услуги слабого не вызывают того чувства

унижения, которое порождают благодеяния сильного. А незначительный результат этой услуги обесценивает ее. Эти услуги подлежат суду человеколюбия и христианства, которые судят не по делам, а по намерениям. Итак, известно, чего стоят в политике подобного рода оценки! История подтвердит, что, если даже Сардиния окончательно разорится, чтобы угодить своим союзникам, они же, несмотря на столь трогательные доказательства преданности со стороны Сардинии, в угоду своим политическим интересам не преминут предать ее Австрии. Если же они этого не сделают, а наоборот, проявят полную готовность защитить Сардинию от происков коварной соседки, охраняя развитие ее либеральной системы, значит, их обязывает к этому вопрос европейского равновесия. Им совершенно не требуется проявлять любовь к Сардинии ради ее защиты. Они сделают это ровно настолько и до тех пор, пока, как говорится, хранят ее в своем сердце...

То же можно сказать и о перспективе, которой обольщала себя Сардиния в связи с итальянским единством. Она надеялась, что отношения с Францией и Англией помогут ей лучше служить этому единству. Однако и здесь опять-таки было бы легко доказать а priori*, что все такие устремления были иллюзорными! Сардинцы забывали, что среди трех держав, к которым они обращались с просьбой освободить Италию от иностранной оккупации, две участвовали в оккупации и что, как бы Франция ни желала отказаться от нее, она не сможет этого сделать до тех пор, пока Австрия не поступит так же. Несмотря на всякого рода филантропические излияния, которым предавались представители двух держав на Парижском конгрессе, анализируя грустные мотивы, делающие оккупацию необходимой, и выражая искренние пожелания, чтобы эти мотивы быстро исчезали,— все знают, что есть болезни, которые врачи не прочь продлить, и что в конечном счете не из-за любви к Сардинии будет эвакуирован большой замок Святого Ангела или какой-либо другой пункт владения святого Петра. Всякий добрый католик будет рад как можно дольше сохранять столь драгоценные реликвии. Но по данному вопросу можно еще добавить. Со времени инициативы сардинцев эвакуация итальянской территории двумя оккупирующими державами стала более затруднительной, и ее нельзя ожидать в ближайшем будущем по двум причинам: 1) нежелание Австрии уступить, что в настоящее время могло бы показаться результатом усилий малого государства, которое ей антипатично; 2) брожения, которые, несомненно, вызовут в Италии предложения конгрессу и дадут новый повод Австрии не только продлить оккупацию, но и усилить ее. Естественно, все это может продлить австрийскую оккупацию и задержать

* Заранее, без фактического исследования (лат.). — *Прим. пер.*

таким образом уход Франции, которая, со своей стороны, охотно смиритсЯ с тем, что трехцветный флаг будет реять на берегах Тибра.

Никто не усомнится в законном праве, которое с моральной точки зрения сардинское правительство приобрело на благодарность несчастной Италии. Италия всегда будет помнить о великодушных намерениях Сардинии. Никто не станет сомневаться в правильности представлений, сделанных Сардинией Парижскому конгрессу в пользу дела объединения Италии. Нога, которую господа де Кавур и де Вилламариана¹³ направили в связи с этим лорду Кларендону¹⁴ и графу Валевскому¹⁵, — образец логики и благородных чувств, выраженных с большим достоинством. Остается, однако, не менее верным и то, что подобные представления, неожиданно сделанные Англией и Францией, имели бы больше веса благодаря одному воздержанию Сардинии. Критическое положение Италии уже так давно беспокоит Англию, что она не нуждалась бы в посредничестве Сардинии, чтобы сделать конгрессу предложения, поддерживаемые Францией. Безусловно, Австрия оказалась бы сговорчивее с державами, которые она считает равными и которым она могла бы уступить, не нанося ущерб своему достоинству. Словом, Сардиния с ее лучшими намерениями вовсе не послужила делу итальянского единства, а, наоборот, только запутала вопрос, который особенно трудно поддавался решению. Поэтому Англия и Франция вынуждены были не затрагивать мнительность венского двора, по отношению к которому их обязательства намного весомее, чем к Турину. Жертвы, принесенные этим маленьким государством делу союзников, были более значительными, нежели жертвы Австрии, учитывая относительные возможности обеих стран. Однако в политике услуги оцениваются только по полученным результатам. Услуги Сардинии меркнут перед действенной и умелой помощью Австрии. Итак, если, несмотря на лучезарные надежды, которые толкнули сардинского карлика выступать среди великанов, ему не удалось ни увеличить своей территории, ни успешно защитить Италию, то у него осталось одно утешение — честь восседать на Парижском конгрессе рядом с представителями великих держав. Такова цена напрасно загубленных жизней сынов Сардинии и растраченных миллионов франков! На самом деле, г-н де Кавур может похвастаться тем, что он занимал самое «драгоценное» кресло в зале конгресса. Ведь оно стоило его стране 80 млн. фр.!!!

VIII

Рассмотрев, в какой мере война оправдала надежды тех, кто ее затевал, постараемся уяснить, даст ли договор, поло-

живший конец войне, гарантии прочного и длительного мира в Европе. Когда ожесточенная борьба, в которой каждая из заинтересованных сторон рассчитывает добиться своих целей, внезапно заканчивается в интересах двух воюющих, принуждающих остальных партнеров жертвовать в их пользу своими надеждами, едва ли можно ожидать, что пакт, определяющий условия окончания войны, будет долговечным. Начнем с России, так как она, бесспорно, является воюющей державой, которая выступала одна против европейской коалиции, вынужденной откровенно признать себя побежденной.

Когда мы сравниваем сделанные царем уступки с уступками, которых нужно было добиться не только ввиду исключительно корыстных интересов Великобритании, но также и официально провозглашенной союзниками цели войны, то они кажутся совершенно недостаточными. На самом деле, основная цель коалиционных держав заключалась в окончательном освобождении Турции от опасного влияния, которое оказывалось на это слабое государство его грозным соседом. Однако основы этого влияния не зиждутся на наличии флота в Черном море, поскольку это отнюдь не отвечало бы потребностям единственной эффективной политики, которую отныне могла избрать себе Россия и новые тенденции которой несомненны среди самых важных результатов восточного кризиса. Эта политика будет состоять в том, чтобы полностью перенести арену своих действий из Европы в Азию. С этой точки зрения черноморский флот для России.— лишь блестящая игрушка, жертва которой послужит увеличению ее прибылей. Не здесь надо искать основу преобладающего влияния России на Востоке. Оно зависит от топографического положения, которое Европа позволила занять преемникам Петра Великого, постепенно и непрерывно сжимавшим Турцию в кольцо. Речь шла о том, чтобы разорвать это железное кольцо, отняв у России северный берег Черного моря и особенно кавказский перешеек, подобно гигантскому крюку накрепко прикрепляющему азиатскую Турцию и Персию к российской земле. Пока продолжают существовать сами основы сооружения, на которых покоится неотразимое влияние этой империи на своих оттоманских или персидских соседей, любые изменения, вносимые во внешнюю архитектуру этого здания, не изменят ни порядка вещей, который хотели бы уничтожить, ни последствий, которые рано или поздно от этого возникнут. Помешать России иметь свой флот на Черном море, оставляя ей все возможности его реорганизовать позднее или покушаться на своих соседей как с суши так и с моря, это все равно, что, предположим, лишить индивидуума навсегда иметь возможность использовать опасное оружие, заперев последнее в одной из комнат его дома, оставив при этом ему ключ.

Следовательно, так называемые гарантии, вырванные у

санкт-петербургского двора ценою двух лет страшной бойни и колоссальных жертв, ни в коей мере не соответствуют результатам, провозглашенным перед крестовым походом, который так торжественно проповедовали против северного великана в интересах Турции. Разумеется, в оправдание незначительных результатов войны союзники могут говорить, что они никогда не ставили перед собой задачу расчленения русской империи, потому что это было им не под силу, и что единственной их целью было обезопасить Турцию со стороны Черного моря от возможного нападения императорского флота. Но тогда союзники признают сами, что они не имели ни намерения, ни силы вылечить больного, а довольствовались лишь временными средствами, не уничтожающими источник болезни. В таком случае было бы честнее и гуманнее не применять дорогостоящие средства и объявить пациента неизлечимым. С другой стороны, если союзники не получили от России гарантий, без которых их предприятие значительно утрачивает логику и серьезность, можно ли из этого заключить, что, по меньшей мере, они обладали преимуществом навязать своему мощному противнику довольно мягкие условия, дабы несколько его не унижить и тем облегчить соблюдение этих условий? Мы этого не думаем. Какими бы незначительными ни казались для проницательного политика уступки, сделанные санкт-петербургским кабинетом, они все же могут глубоко затронуть сердце нации и даже нанести неизлечимые временем раны. Великий народ может, не считая себя униженным, возвратить свои завоевания, когда все армии Европы вторгаются в его столицу, требуя этого. Именно так случилось с Францией. Но что еще сильнее затрагивает самолюбие, чем жертвование военной добычей, а также славой, завоеванной и отданной, так это отречение от права быть полным хозяином в своей собственной стране. Например, когда принимается обязательство владеть берегами, не имея права их укреплять и держать флот на морях, омывающих эти берега. Раз выполнен тяжелый акт возвращения побежденной нацией завоеванного, то при осуществлении своего суверенитета ей уже больше ничего не будет напоминать об этом. Ограничения же, наложенные на пользование имуществом, заставляют постоянно кровоточить раны каждый раз, когда хозяин вступает в пределы своих владений. Например, Франция 1814—1815 гг. была менее огорчена отказом от своей огромной военной добычи, чем если бы ее лишили права владеть арсеналами в Тулоне или Бресте или же потребовали, чтобы она отказалась иметь флот на Средиземном море или на Ла-Манше.

Нет надобности больше говорить, что уступки, сделанные Россией, смягчены подобным обязательством Турции, которая также отказалась сохранить флот на Черном море. Такого

обязательства фактически не существует, если принять во внимание, что Босфор, составляющий неотъемлемую часть Понта Эвксинского, сохраняет все свои укрепления и остается базой оттоманского флота, который при первом военном столкновении может выйти из Босфора и через несколько часов вместе со своими союзниками появиться у русских берегов, совершенно открытых для артиллерийского обстрела, более того, для любого военного нападения. Именно эти неравноправные условия наиболее четко свидетельствуют, что подобная уступка России оскорбительна для нее. Невозможно поэтому, чтобы она когда-нибудь согласилась признать такое положение иначе как временным урегулированием. Россия оставляет за собой право отказаться от него сразу же, как только политическая обстановка в Европе предоставит ей такой случай. Вот элемент отнюдь не мирного характера в Парижском договоре, не дающий основания считать его прочным.

IX

Вторым фактором, также неблагоприятным для будущего этого знаменитого пакта, является то положение, которое он создал для Турции. Всякому, кто жил на Востоке, известно, что обещания, вырывающиеся у мусульман под давлением критических обстоятельств, настолько легко даются, насколько и плохо выполняются. Мы ни в какой мере этим не хотим высказать какое-либо сомнение в искренности намерений султана в отношении реформы его несчастной страны. Этот благородный монарх, которому, быть может, не хватает силы воли, равной благородству и великодушию его сердца, чтобы заслужить в истории титул «великий», обещал больше того, что он в состоянии выполнить. А это создает обстоятельства, которые вынудят союзников нарушить обещания, данные ими весьма неосмотрительно в свою очередь султану. На самом деле, если придерживаться своих заявлений и не совершать в отношении Турции то, в чем они упрекали Россию, союзники должны отозвать свои войска. Но было бы детским заблуждением верить в осуществление этого великолепного будущего, которое так красочно изображается во всех хартиях и декретах Дивана. При всем желании нельзя найти достаточно средств, чтобы сломить оппозицию, возбуждаемую уязвленным фанатизмом мусульман. Мятежи, оскорбления и убийства, о которых уже сообщали из некоторых мест империи, с введением новых мер, принятых в защиту христиан, являются лишь прелюдией ужасной борьбы, в которую вступает правительство. А из этой борьбы оно, разумеется, не выйдет победителем без поддержки иностранных штыков. Однако правительство Турции недавно приобрело весьма неприятный опыт

в результате ослаблений, вызванных сотрудничеством с этими штыками, чтобы призвать их на помощь еще раз. Выбившись из сил, оно будет вынуждено прибегнуть к древнему обычаю мусульман: покориться воле неба. Губернаторы провинции получают негласные предписания отказаться от неравного боя, а внешне демонстрировать столько гнева и усилий, сколько необходимо, чтобы ввести в заблуждение державы Европы и убедить их в постоянном, энергичном, как и вначале, продолжении крестового похода ради своих единоверцев. Жизнь постепенно войдет в прежнюю колею. И быть может, пройдут года, прежде чем Европа обнаружит свою ошибку и после столь длительной потери времени решит закончить тем, с чего надо было начать, т. е. с военной оккупации Турции. Но эта запоздавшая мера уже не будет иметь того эффекта, какой она произвела бы сегодня. Разочарованные в своих ожиданиях, христиане привыкнут обращаться со всеми своими мольбами и упованиями к России. И когда союзники пришлют наконец свои войска, то эти войска вызовут всеобщее недоверие. Христиане, однажды обманутые, побоятся снова поставить себя в неприятное положение, а мусульмане всегда будут смотреть на иностранное вмешательство как на оскорбление их национального достоинства и религии. Из этого следует, что как христиане, так и мусульмане объединятся и обратятся за помощью к России. Россия же найдет благоприятный момент, чтобы разрушить непрочное сооружение, воздвигнутое Парижским конгрессом, широко используя недовольство его решениями. Ее опытная дипломатия уже сейчас должна благоприятствовать этому.

Одно из самых эффективных и вместе с тем самых лояльных средств, которые мог бы применить санкт-петербургский кабинет, чтобы вызвать к себе симпатии со стороны христианского населения Турции,— это воспитывать русских подданных, живущих в пограничных районах, в духе процветания и свободы в отличие от их турецких соседей, вызывая у них желание иметь то же самое. Такой план нетрудно было бы осуществить, даже если бы обещания Порты в отношении райя соблюдались. Ведь, как бы с ними хорошо ни обращались, если они только увидят, что их русским единоверцам неплохо живется, они всегда предпочтут благоденствия христианской нации, нежели своих прежних угнетателей. Можно принудить хозяев дать свободу своим рабам и обращаться с ними публично до некоторой степени как равный с равным. Но совершенно невозможно подавить чувство презрения и зла у одних и ужаса и страха у других. При вынужденном слиянии двух элементов — христианского и мусульманского — эти чувства сохраняются. Трудность осуществить такое слияние даст русской пропаганде очень опасное оружие. Надо признать, что этим оружием Россия до сих пор не умела поль-

зоваться, ибо, за исключением смежных с Азиатской Турцией губерний, где самая скверная администрация может еще показаться лучше турецкого режима, условия жизни крестьян в губерниях, примыкающих к Европейской Турции, недостаточно удовлетворительны, чтобы возбудить зависть соседей. Наоборот, если Россия сумела бы несколько улучшить условия жизни своих подданных, она неизбежно пожала бы плоды такой разумной политики во время восточного кризиса. Христиане Румелии, прельщаемые положением своих русских единоверцев, совсем не питали симпатии к христианскому монарху, боясь, что он вновь поставит их в еще худшие, быть может, условия, нежели те, в которые их поставило турецкое правительство. Молодое же королевство эллинов высказалось бы совсем по-иному о России, если бы пугало русского деспотизма, постоянно встающее перед ним, не парализовало его благородных стремлений.

Х

Отмечая затруднения, которые в результате восточного кризиса возникли для европейских держав в виде морального обязательства выполнить обещания, сделанные райя, мы не должны также замалчивать и преимущества для христианской религии. Неоспоримо, что мусульмане испытывают большое отвращение к предоставлению своим христианским подданным гражданских и политических прав, монополия на которые принадлежит победителям, они должны показать европейским державам свою готовность предоставить в виде компенсации все льготы в области религиозных проблем. Среди них, в частности, вопрос о христианском прозелитизме, который, несомненно, получит новое развитие в пользу протестантства благодаря возросшему английскому влиянию в Турции. Впрочем, самой своей сущностью протестантство для мусульман должно представлять очень большие выгоды по сравнению с католичеством как с точки зрения политики, так и религии.

Что касается политической точки зрения, то турецкое правительство не может не видеть разницу в положении, которое эти два культа предоставляют вновь обращенным. Мусульмане, перешедшие в католичество, полностью выбывают из числа подданных Оттоманской Порты, так как с принятием новой веры они попадают под духовное начало иностранного монарха — папы римского. Протестантские же неофиты не вводят в мусульманскую общину никаких чуждых элементов и остаются безраздельными подданными султана. С точки зрения религии протестантское вероисповедание представляет еще больше выгод для мусульман. Во многих отношениях оно гораздо ближе к исламу, чем католическая религия, ряд дог-

матов и доктрин которой чужд как протестантам, так и мусульманам. Например, и протестантское вероисповедание, и Коран не признают ни икон, ни исповеди, ни безбрачия священников, ни буквального толкования некоторых религиозных таинств. Безбрачие священников особенно возмущает здравый смысл сынов Магомета и всегда будет парализовать среди них успехи католической религии, спасая от их агентов недосягаемый для них пол, в то время как протестантские миссионеры всегда будут иметь большие преимущества, а именно то, что могут через своих жен внести свои догматы в святилище гарема и домашнего очага. Для грубой толпы приверженцев Корана священник, обреченный на безбрачие,— понятие до такой степени непостижимое и таинственное, что они, естественно, склонны приписывать пастырям безнравственные намерения. Если у него нет жены, говорят они между собой, значит, он рассчитывает на чужую. Между тем, известно, как восточные люди шепетильны в этом отношении и как мало они готовы разделить супружеский стоицизм европейских мужей. Во всяком случае, ни один мусульманин (так же как и ни один философ) никогда не поймет, почему защитник домашних добродетелей и обязанностей семейной жизни сам не поступает так, как он проповедует.

Подобное же разногласие встречается также между исламом и католицизмом относительно разных догматов церкви. Католический миссионер, достойный глубокого уважения, проживший на Востоке более двадцати лет, рассказал нам в этой связи следующий весьма показательный случай.

Один богатый турецкий купец, посетивший несколько раз Марсель и Ливорно, обратился к названному миссионеру с просьбой преподать ему догматы католической веры, в лоно которой он решил вступить. С первых же уроков учитель испытал большие затруднения, чтобы внушить ученику то, что учение, которое ему преподается, во всяком случае лучше, чем то, от которого он отрекается. Когда же они дошли до догмата об идентичности тела Христова со Святыми Дарами, неофит прервал дискуссию и заявил, что ни один из правильно объясненных догматов Корана не требовал подобного отречения от человеческого разума. Через несколько дней ученик вернулся к миссионеру и сказал, что он нашел путь для устранения своих сомнений, принимая догмат, который его смущал, как простой символ, и что с этой точки зрения он видит в причастии акт, творимый в воспоминание о Христе, отдавшем себя в жертву за спасение рода человеческого. Миссионер ответил, что он не может сделать такой уступки, так как церковь признает Евангелие в буквальном смысле слова, и что толкование, предложенное учеником, есть толкование еретическое, которое именно признают протестанты. Пораженный этой разницей, турок пожелал познакомиться с культом,

который согласовывался с его разумом. Он немедленно отправился в Эрзурум, где встретился с американским миссионером, и после короткой подготовки принял протестантизм, сделавшись его ярым поборником.

Кто внимательно изучил Восток непосредственно на месте, а не в своей библиотеке, поражается деятельности, которую там развили в течение пяти лет миссионеры «Американского Управления по делам иностранных миссий».

В 1852 г. в 150 городах и селениях мусульманского государства было по одному американскому миссионеру. Имелось также известное число новообращенных в христианство, поведение и принципы терпимости которых настолько хорошо сочетались с требованиями, возлагаемыми на хороших и лояльных подданных султана, что местные власти относились к ним с уважением и искренней симпатией. Американская миссия, посвятившая себя армянам Малой Азии, содержит более или менее крупные заведения в Константинополе, Смирне, Мерсине, Ване, Трапезунде, Айнтабе, Эрзуруме и в других городах и повсеместно имеет множество филиалов для мужчин и женщин во всех населенных пунктах провинций, где расположены эти города. Только в одном маленьком городе Айнтабе, с очень небольшим населением, миссионерам удалось создать церковь, которая в 1852 г. вмещала 700 человек, и к концу года она уже не вмещала всех желающих. Прихожане тут же собрали 5 тыс. фр., к которым миссионеры добавили необходимую сумму для расширения церкви. В Измиде протестантская церковь насчитывает 400 прихожан, а школа 100 учеников; в этой древней Никомедии¹⁶ в наши дни проживает примерно 4 тыс. человек.

Во всех районах Турции, где обосновались американские миссионеры-протестанты, им помогают их жены, причем проявляют при этом большую активность.

Мы уже отмечали, что такое действенное сотрудничество отсутствует у католических миссионеров. Как ни восхваляй подвиги сестер милосердия, которые во время последней войны снискали себе уважение и восхищение турок, все же не надо забывать, что активность этих действительно святых женщин проявлялась лишь в немногих районах, занятых союзными войсками. Следовательно, ни их влияние, ни их репутация никогда не распространялись на внутренние районы страны ислама. Кроме того, самопожертвование сестер милосердия не преследовало религиозного воспитания, а было направлено исключительно на облегчение физических страданий. Таким образом, их религиозное воздействие на ислам не выдерживает сравнения с деятельностью благочестивых подруг протестантских миссионеров, находившихся на всей территории Турции. Эти женщины, присутствие которых в глазах мусульман вызвано пребыванием в Турции их мужей,

действуют свободно и не являются объектом для оскорбительных выпадов. Если бы сестра милосердия появилась бы одна среди фанатичного населения внутри страны, она испытала бы на себе совсем иное отношение.

Чем больше наблюдаешь за тем, что происходит на Востоке и на Западе с точки зрения понятий и религиозных потребностей, тем больше поражаешься огромному будущему, которое предначертано протестантизму. На Западе отсталый и непреклонный дух католической церкви создает своим приверженцам все более непрочное положение. И если эти приверженцы пожелают оставить в силе знаменитое изречение, сказанное в отношении иезуитов: «*sint ut sunt aut non sint*»*, то в один прекрасный день их можно будет поймать на слове и сказать: «*pop sint*»**. На Востоке та же реакция проявляется в пользу протестантской религии. Поэтому турецкому правительству во всех отношениях выгоднее поддерживать единственный христианский культ, который сосредоточивается исключительно в рамках своего божественного назначения и не стремится смешивать интересы бога и земные интересы, подчиняя и те и другие своему честолюбию, чтобы увековечить свою опеку над человеческим родом...

XI

Положение, возникшее для европейских держав в результате восточного конфликта, который только что временно завершился Парижским договором, должно оказать более или менее значительное влияние или на их взаимоотношения, или на их внутреннее устройство. Вот приблизительно самые существенные результаты, которые можно уже сейчас предвидеть для отдельных держав, имеющих прямое отношение к этим большим событиям.

Франция и Австрия, получившие какую-то выгоду от восточного кризиса, естественно, должны желать, чтобы благоприятные для них новые соглашения оставались в силе. Поэтому Франция будет следить за тем, чтобы сохранить без изменений ту часть влияния, которую она приобрела. Австрия не захочет упустить столь ловко достигнутого ею положения. Позиция эта, с одной стороны, избавляет ее от преобладания России в княжествах, а с другой — побуждает Францию и Англию щадить Австрию в итальянском вопросе, учитывая громадные услуги, которые она им уже оказала и которые можно еще от нее ожидать в будущем.

Англия, затронутая в своей воинской чести и вынужден-

* Пусть будут такими, как есть, или совсем не будут (лат.) — *Прим. пер.*

** Пусть не будут (лат.). — *Прим. пер.*

ная подписаться под мирным договором, не оправдавшим ни с какой точки зрения ее ожиданий, не может особенно стремиться к тому, чтобы пакт этот остался в силе уже по двум причинам, а именно: у нее нет основания надеяться, что Франция во второй раз предложит ей свое сотрудничество, а позиция Германии во время восточного кризиса не подает ей никакого повода на что-либо рассчитывать. Великобритания прекрасно знает, что без Франции и Германии ей никогда не удастся осуществить свои планы в отношении России. Ей не остается ничего другого, как играть роль неудачного игрока, который из-за приличия сохраняет веселый вид и старается отыгаться при помощи всяких фокусов, не раскрывая своих карт. Один из коварных приемов Англии будет состоять в том, чтобы тайно поддерживать брожение в Италии и в Греции с целью приобрести там влияние для нейтрализации влияния Австрии, Франции и России, а также развивать там торговлю хлопчатобумажными тканями и другими британскими товарами.

Пруссия и вместе с ней Германская Федерация укрепили свой престиж в результате восточного кризиса благодаря той независимой, исполненной достоинства позиции, которую они сумели занять. Такая позиция особенно похвальна не только потому, что привыкли видеть Германию в фарватере Англии и Франции, но и потому, что надо было проявить большую проницательность и твердость, чтобы не поддаться тому соблазнительному престижу, которым окружили себя союзники, проповедуя крестовый поход цивилизации против варварства, справедливости против узурпации. Известно, какое влияние оказывают на тевтонский мистицизм все эти походы, провозглашенные в защиту великих и благородных идей, и, несомненно, значительная часть германской молодежи уже готовилась разбить гнусного противника священных прав человека. Но на пути этих гневных рыцарей встал спокойный и рассудительный облик немецких мыслителей, легко убедивших горячие головы повернуть обратно, доказывая им, что они жертвы обмана. Когда эти мнимые защитники свободы и справедливости наконец поняли характер и сложные тенденции знаменитого крестового похода, в который они собирались броситься очертя голову, вуаль, которую сумели набросить на глаза Германии, быстро исчезла. И тогда даже те, кто особенно ратовал за крестовый поход, задали себе вопрос: справедливо ли, чтобы эта благородная молодежь отправилась проливать свою кровь за преобладание английского влияния или сражаться за величие той самой Франции, которая еще так недавно поработала их отечество и оскорбляла его, о чем до сих пор мучительно помнит каждый немец? Пруссия имела честь возглавить это движение за реабилитацию Германии, и ее благородный и великодушный государь

легко забудет о грубых оскорблениях английских газет, думая о том, что Германия обязана ему честью первый раз выступить как независимая страна, решительно отвергая ту роль, которую ей хотели навязать.

С этой минуты судьба знаменитого английского крестового похода была предрешена. Даже если Франция, ослепленная честолюбием, пожелала бы поддержать Англию в осуществлении ее гигантского плана, то без Германии от этой затеи нельзя было ожидать никакого успеха. Однако позиция, занятая Пруссией, не только отстраняла от такого похода все малые государства, входящие вместе с ней в конфедерацию, но не позволяла и Австрии принять участие в этом походе, поскольку эта страна никогда бы не пошла на войну с Россией, не заручившись предварительно прямым или косвенным сотрудничеством Пруссии и ее союзников. Итак, Европа обязана миру главным образом королю Вильгельму IV. Ведь только ему удалось сделать войну совсем невозможной в том виде, в каком ее ожидала Великобритания. И он же добился для России мира на действительно приемлемых для нее условиях. Следовательно, по мере того как страсти улягутся и разум снова восторжествует, роль Пруссии лишь возрастет в глазах Европы. Естественно, среди государств, больше других сохраняющих неприязнь к берлинскому кабинету, Англия должна быть первой. Ничто так глубоко не затрагивает, как неделикатная пронизательность, раскрывающая и разоблачающая ловко запутанную игру, и никогда нет прощения тому, кто позволяет себе говорить о ловушке именно в ту минуту, когда надеется, что в нее попадут те, для кого она расставлена. Раздражение от того, что приходится быть в роли обманутого вместо обманщика, становится сильнее, когда почти нет возможности отомстить виновнику. В этом случае брань и ругательства утешают уязвленное самолюбие. И именно тогда же все проявления бессильной ярости должны быть приняты как подлинная похвала тех, против кого они направлены.

Жаль, что энергия и самостоятельность, проявленные Пруссией и спасшие Европу, внезапно померкли в тот момент, когда заканчивалась ее благородная миссия. Конечно, все искренние друзья и поклонники Пруссии были огорчены поспешностью, с которой берлинский двор согласился занять место на Парижском конгрессе, когда важные вопросы уже были решены и особенно когда на заседании палаты общин (14 марта 1856 г.) лорд Пальмерстон произнес оскорбительные слова: «Пруссия не была приглашена на обсуждение, ее позвали только для того, чтобы ратифицировать резолюции конгресса». Между тем, чтобы резолюциям конгресса придать общеевропейский характер, нельзя было обойти Пруссию, хотя она абсолютно ничего бы не потеряла, отказавшись при-

соединиться к урегулированиям, по которым с ней вовсе не советовались и большинство из которых к ней не имели непосредственного отношения. Если бы сразу, как только в Вене начали готовиться тайные комбинации, Пруссия энергично заявила всем европейским государствам, что она заранее отказывается от того, что может быть принято на предстоящем конгрессе без ее непосредственного участия, союзники, несомненно, воздержались бы от вынесения каких-либо решений. Они не пожелали бы трудиться над проблемой, лишенной уже при ее рождении одного из необходимых условий для жизненности, т. е. гарантии всех великих держав. Почему же Пруссия настолько была встревожена исключением, которое, по ее мнению, ей угрожало? Разве она не знала, что союзники гораздо больше нуждались в ней, нежели она в них? Разве не видно, что даже если бы такое исключение и произошло, то Пруссия ничего не теряет, не гарантируя новое политическое устройство Европы, из которого никак нельзя помешать ей во всем извлекать выгоду, возлагая ответственность на других?

Но если опасения Пруссии, связанные с возможным ее исключением или изоляцией, оказались призрачными, становятся еще менее понятными мотивы, побудившие Россию разделить эти опасения. Разве она в свою очередь не знала, что все, что ослабляет любую гарантию Парижского договора, делает менее прочными, менее гарантирует уступки самой России? Для нее выгоднее, чтобы договор, закрепляющий эти уступки, совсем не получил поддержки или по меньшей мере не препятствовал ей при случае не согласиться с решениями конгресса. Как бы то ни было, эта небольшая ошибка Пруссии ничуть не умаляет восхищения и признательности, которые она снискала у Европы. Отныне она может прибавить к уже давно завоеванному праву быть главой Германии право представлять также ее сердце. Восточный кризис лишь с предельной ясностью подчеркнул моральную границу, которая отделяет Австрию от Германии, олицетворяемой Пруссией.

Италия также получит от этого кризиса выгоду, привлекая внимание Европы к ее непрочному положению и неотложной необходимости помочь ей. Рано или поздно великим державам, несомненно, придется перейти от пустых и льстивых пожеланий и советов к решительным действиям. И только великие державы по собственному усмотрению могут это сделать, так как они в состоянии воздействовать силой. Всякое изолированное вмешательство малых государств, способных лишь говорить, а не действовать, могло бы только помешать осуществлению этой задачи. Но, отметим еще раз, среди появившихся на политической арене и не обещающих ничего хорошего стран на первом плане стоит Сардиния. Мы с горечью

повторяем, что глубокая антипатия, которая разделяет ее с Австрией, никогда не позволит последней идти заодно с ней. Это касается приглашений, предписаний или советов, адресованных итальянским принцам. Если бы в них появилось имя Сардинии или только чувствовалось ее влияние, такие обращения потеряли бы свою силу и произвели бы плохое впечатление, подобно тому как всегда бывает между людьми, которые считают себя равными и совершенно не выносят превосходства над собой, но которые терпят и даже уважают это у людей более сильных. Никогда неаполитанский король или иной монарх Италии не согласится предоставить Сардинии места ни среди диктаторов, которые предписывают ему новую линию поведения, ни среди советников, которые пожелали бы считать своей заслугой, что они заставили его отказаться от прежней линии поведения. Опираясь на свою ловкую политику, создавшую ей заслуженное право на признание союзников, Австрия хорошо знает, что эти союзники не будут колебаться в выборе между карликом, выразившим им рыцарские чувства своего сердца, и исполином, который, желая им помочь, бросил на чашу весов всю свою мощь.

XII

Из всех государств Европы Россия, несомненно, больше других чувствует последствия восточного кризиса. Эти последствия сказываются не только на ее внешнеполитических отношениях, но также, и даже в большей степени, на ее внутреннем устройстве. Что касается внешнеполитических отношений, то они были predeterminedены мотивами, побудившими союзников объявить войну, действиями воюющих держав по отношению к России и, наконец, вероятностью более или менее прочного и продолжительного мира, каким он предусмотрен в договоре от 30 марта 1856 г.

Итак, на основании этих причин, Англия, несомненно, является той европейской страной, у которой отношения с Россией наиболее далеки от искреннего примирения. Ее намерения, впрочем совершенно естественные, заставившие войти в союз против Российской империи, таковы, что могут только подогревать чувство взаимной злопамятности. А у России эти чувства еще усугубляются воспоминаниями некоторых действий тех, кто имеет твердое намерение все пожертвовать ради непримиримой враждебности и поступать со своим противником так, как будто бы никогда не могли бы возникнуть между ними чувства дружбы или равенства. Рыбаки с берегов Балтийского моря никогда не забудут ни разрушенных жилищ, ни своих невинно загубленных жен и детей, павших жертвой разъяренных английских адмиралов, потерпевших неудачу у Кронштадта. Русские же моряки никогда не забудут ковар-

ных уловок, примененных с целью заставить их стрелять в мнимых парламентаров, чтобы газета «Таймс» имела возможность опорочить их честь, обвинив их в гнусности, совершенной самими англичанами. Если же к такого рода действиям, исключаям возможность искреннего примирения между народами, как и между отдельными лицами, добавить те оскорбительные сплетни британского посла в адрес императора Николая, передаваемые в бесчисленных вариациях органами прессы и официальными публикациями сент-джемского кабинета, то легко можно понять, что Восточная война, которая должна войти в историю как английский крестовый поход против России, создала между этими двумя державами пропасть, могущую, мы этого очень боимся, быть заполненной только трупами.

Таким образом, нельзя не признать, что самая непрочная и самая слабая сторона так называемого Парижского европейского пакта — это мир между Россией и Англией. Этот мир продлится только до тех пор, пока одной из сторон нарушение его покажется выгодным или возможным. Для России это будет тогда, когда, преобразовав свое управление и умножив ресурсы своего промышленного и торгового развития, она почувствует себя достаточно сильной, чтобы начать борьбу в таком отдаленном районе, что Европа не будет заинтересована принять в ней участие или же сочтет это слишком трудным. Российский орел поэтому встретится лицом к лицу с британским львом, который, как известно, не охотник до поединков и предпочитает действовать против своего врага сообща и исподтишка. Борьба эта будет жестокой, и никто не может предвидеть ее последствий, которые в любом случае изменят облик огромного Азиатского материка.

Чтобы облегчить эту малоутешительную для человечества перспективу, можно бы сослаться на влияние, которое оказывает на народы мирное развитие их внутренних дел. И из этого сделать вывод, что, вступив на путь промышленного развития, Россия охладит свой воинственный пыл и придаст большое значение сохранению мира. Но такой аргумент теряет свою силу перед примером стран с развитой промышленностью и культурой, заботы о мире у которых ничуть не уменьшают воинственности и желания взять реванш. Среди таких стран можно назвать Францию. Ее великолепные промышленные предприятия, работающие как будто только для продолжения вечного мира, всегда будут иметь достаточно мастерских, где производится оружие, которое трудолюбивый народ разбирает каждый раз с восторгом, когда затрагивают национальную честь Франции. Брось только в почву гордой и воинственной нации семя действительно народной войны — сошник земледельца не заденет его, и оно, в конце концов, прорастет и принесет плод в ту минуту, когда этого меньше

всего можно ожидать. Мы видели, как Венский конгресс бросил такое зерно в самое сердце Франции, и оно не погибло, ибо для этого народа, который дорожит честью, Восточная война была лишь кровавым завершением Венского мира. То же самое случится и с Парижским конгрессом. Борьба между Великобританией и Россией заключена в нем в виде зародыша — время сделает остальное.

После Англии идет Австрия, враждебность которой особенно оскорбительна для России, меньше всего ожидавшей от нее этого. И следовательно, Россия должна видеть в этой враждебности одну из таких тенденций, которую время может ослабить, но не уничтожить окончательно. Австрия, понимая, что она не сумеет вновь надеть маску, однажды сняв ее, определенно чувствует, что всякая надежда на доверие и доброжелательство между нею и Россией отныне потеряна. Поэтому она решилась открыто искать поддержки Франции и Англии, которым дала почувствовать все значение своего сотрудничества. Договор от 15 апреля, дерзко брошенный в лицо России, — самое убедительное доказательство взаимного недоверия. Такое недоверие в общем является характерной чертой знаменитого Парижского пакта, внешне столь вежливого и сердечного. Это недоверие также определяет и новый политический курс Австрии. Нельзя не признать, что, если даже, как утверждает официальная венская газета (27 мая), соглашение от 15 апреля преследует лишь цель дополнить основной договор, гарантируя целостность Османской империи, такое соглашение является только повторением, лишенным смысла. Ведь гарантия, о которой в нем идет речь, очень четко изложена в ст. 8 договора от 30 марта следующим образом:

«В том случае, если между Блистательной Портой и одной или несколькими другими державами, подписавшими договор, возникло бы несогласие, грозящее нарушением их отношений, Блистательная Порта и каждая из этих держав, прежде чем прибегать к применению силы, должны дать возможность другим Договаривающимся Сторонам предотвратить эту крайнюю меру путем своего посредничества». Каков же смысл этой статьи, если не тот, что ни одна из Договаривающихся Сторон не может объявить Блистательной Порте войну без согласия других держав — участников договора и что, следовательно, любое нападение на османскую территорию без их единодушного согласия вынудило бы державы, подписавшие договор, помогать Турции?

Что же добавляет к такой гарантии соглашение от 15 апреля? Ничего другого, кроме одних и тех же обязательств, принятых во второй раз, только между тремя державами. А это означает, что четвертая держава, т. е. Россия, объявлена как не внушающая достаточного доверия в своих обещаниях,

если Франция, Англия и Австрия не выступают в качестве верховного судьи, чтобы следить за ней и осудить ее в качестве последней инстанции. Таким образом, соглашение от 15 апреля или совершенно бесполезно, или является угрозой, беспричинным оскорблением России. Однако оно может выражать и новый политический курс, который Австрия вынуждена была проводить в результате восточного кризиса. Именно это — единственное разумное объяснение, которое можно дать значению и целям соглашения. Отделив свои интересы от интересов Германии и утратив навсегда всякую надежду на поддержку России, Австрия, естественно, ощущает потребность просить у Франции и Англии за бесспорные услуги, оказанные ею этим двум странам, поддержку их сотрудничеством или нейтралитетом, если в один прекрасный день она будет нуждаться в том или другом. Сотрудничество может ей понадобиться в борьбе с революционными элементами внутри страны, а нейтралитет — чтобы противостоять стремлению всей Европы вырвать из-под ее ига несчастную Италию. Такой двойной игрой династии Габсбургов не только удастся не упустить жертвы, но и связать ее новыми оковами своей политики. Сотрудничая с Францией в лечении «больного», венский кабинет рассчитывает добиться от нее признания, что Италия «неизлечима». Обнадеживая Англию выступить с нею вместе когда-нибудь против России, Австрии легко удастся успокоить совесть либерального Альбиона, который во всем так любит монополию, что, довольствуясь цветением дерева свободы на своем острове, не особенно обеспокоен тем, чтобы оно хорошо росло на материке, особенно если он может культивировать на нем что-нибудь другое».

Наконец, что касается отношений между Францией и Россией, то нет, видимо, причин, чтобы восточный кризис повлиял на них неблагоприятно. Поведение Франции во всем было вполне лояльным. Ни разу Франция не запятнала себя каким-либо действием, вызывающим неуважение к ней и не позволяющим надеяться на откровенное и сердечное примирение. Более того, встречаясь на поле брани, обе нации убедились, насколько они достойны друг друга и насколько между двумя столь равными противниками поражение не вызывает чувства стыда, а победа — показного самовосхваления. Ничто не идет в сравнение с выражениями симпатий, проявленными между представителями войск обеих наций. Проявления симпатий были такими сердечными и частыми, что не могли не броситься в глаза удивленным и почти возмущенным англичанам. Они показали им огромную разницу между стихийными проявлениями чувств, идущими от сердца, и условными проявлениями симпатий по заказу, в результате сложившегося положения вещей и подогретых официальными бюллетенями. Поэтому независимо от чувств удовлетворе-

ния, радуящих сердце каждого гражданина, узнавшего о восстановлении мира, доброжелательность по отношению к России проявилась во время всеобщего ликования во Франции, и особенно в Париже, когда 30 марта пришло известие о подписании договора. Вся без исключения французская печать приветствовала акт, который был воспринят всей страной с энтузиазмом. Все вспоминают, как это ликование сильно отличалось от мрачного и досадного настроения в Англии. Английские газеты изливали свою ярость в черных тонах, а некоторые из них договорились до того, что единственное чувство, которое вызывает у них это известие, так это чувство стыда и сожаления*.

Достоинство народа не позволило Англии долго сохранять эту позицию, доказывающую, что Великобритания брала на себя роль, несовместимую с ее честью. Однако эти симптомы, быстро подавленные или по крайней мере приглушенные, достаточны, чтобы охарактеризовать с полной ясностью громадную разницу между настроением двух стран во время восточного кризиса и между влиянием, которое он может оказать на отношение этих стран с Россией.

Поэтому, повторяем, во Франции уже совершенно забыли о том, что была война с Россией. Но потребуется немало лет, а возможно и кровопролитие, чтобы стереть следы конфликта в отношениях между Россией и Англией.

XIII

Восточный кризис только незначительно изменил отношения между Россией и Турцией, если рассматривать их лишь с точки зрения умиротворения.

Турция не могла серьезно поверить в существование угро-

* За два дня до заключения мира газета «Таймс» (28 марта), заявляя, что подписание произойдет в ближайшем будущем, писала: «Никто не сомневается в том, что войну начинали с большими надеждами. Предполагали, что территориальные уступки или даже денежная компенсация явятся результатами всех наших усилий. Однако сегодня видно, что наш триумф совсем другого плана». Газета «Сан», говоря о депеше из Вены, извещающей о том, что конгресс будет созван в Париже и заключение предстоящего мира произойдет на основе предложений Австрии, заявляет: «После получения депеш из Вены мы испытываем недоумение и стыд». Когда полуофициальная венская пресса говорила, что перемирие было естественным следствием принятия австрийских предложений Россией, газета «Морнинг Адвертайзер»¹⁷ 17 января в свою очередь заявляла: «Подписавшие перемирие делают величайшую ошибку, такую невероятную, такую оскорбительную, что мы никогда не могли бы ее приписать недостатку ума. Народ смог бы ее объяснить только преступным мотивом. Он никогда не допустит, чтобы таким образом испытывали его терпение». Газета «Морнинг Кроникл»¹⁸ 14 марта 1856 г., говоря о допущении Пруссии на конференцию, заявляет: «Это допущение есть дополнение большого проекта умиротворения, который был предложен Европе и навязан правительству нашей страны вмешательством императора французов».

зы, которую старались превеличить в ее глазах с целью добиться от нее объявления войны. Так как Турции было подсказано, как себя вести, она не могла сохранить к России злопамятного чувства, которое время не сглаживает. Ее военная репутация ничего не приобрела. Своими делами ее лучший генерал раскрыл перед всей Европой абсурдные надежды, возлагавшиеся на нее прессой и официальными речами. Если ему верить, то можно было ожидать, что Турция должна была ни более ни менее как возобновить подвиги Магомета¹⁹ и Сулеймана²⁰, которым, правда, не потребовалось покровительства Европы и которые довольствовались тем, что она перед ними трепетала*.

Как бы то ни было, но поражения турецкой армии в Малой Азии должны скорее вызвать сожаление, чем раздражение. Ведь продолжительный опыт приучил мусульманские народы к мысли, что турецкая армия без непосредственной поддержки вспомогательного европейского корпуса не сможет бороться против закаленных и дисциплинированных войск России. А в Малой Азии оттоманские войска больше не имели такой поддержки. Поэтому исход борьбы не мог ни удивить, ни оскорбить чье-либо самолюбие. Такой результат все предвидели. Однако к чести турецких солдат надо сказать, что они сделали все от них зависящее. И они избежали бы ряда неудач, если бы не многие ошибки, допущенные тем, кто поставил Блистательную Порту под свою опеку. Следова-

* Горькое разочарование, вызванное громким фиаско Омер-паши во время его знаменитой кавказской экспедиции, чтобы обосноваться в Тифлисе, дало повод множеству аргументов, цель которых смягчить явное поражение, не соответствующее заранее исполненному победному гимну. К несчастью, даже не доказано, что в этом отношении турецкое правительство должно было нести какую-либо ответственность. В то время как английская пресса уверяла, что армия Омер-паши была лишена всего, корреспондент «Журналь де деба» сообщал 22 января 1856 г. из Константинополя: «Неверно уверение некоторых европейских газет, будто армия Омер-паши страдает от всевозможных лишений, никогда еще турецкая армия так хорошо не снабжалась». Удивительно, что в данном случае не был выставлен против России один из тех аргументов, которым так любят пользоваться каждый раз, когда хотят ее лишить какой-то заслуги. В этом случае спешат дать понять, что она всем обязана своему золоту, не замечая, что впадают в самые грубые противоречия. Во время последней войны всюду утверждали и писали, что Россия разорена, что ее финансы в безнадежном положении, и в то же время ни одно из неприятных событий для союзников не обходилось без сделки на русское золото: Россия якобы оплачивала мигелистов и карлистов в Испании и Португалии, легитимистов во Франции; подкупала неаполитанского короля, Папскую область, Грецию, Персию и т. д. Таким образом, страна, обвинявшая до того, что не имела больше ни единого гроша в казне, раздавала направо и налево неисчислимые богатства, которыми когда-нибудь только пользовались для подкупа народов. Во всяком случае, эти гигантские средства для подкупа должны были заставить людей считать Россию намного богаче Англии, ибо, если бы Англия располагала большими средствами, она не преминула бы одержать победу, так как предпочтение золота оружию — глубоко вкоренившаяся привычка британского правительства.

но, как бы ни расценивалось моральное воздействие этой войны на отношения между Россией и Турцией, трудно найти какие-либо изменения, которые бы время постепенно не сгладило. Напротив, как мы уже отмечали, созданная восточным конфликтом особая обстановка, налагающая на союзников ответственность за выполнение обещаний, данных султаном, вызовет однажды в Османской империи благоприятную реакцию в пользу Российской империи. Такая неизбежная в будущем реакция проявится со стороны мусульман, если союзники решатся на военную оккупацию даже в очень смягченной форме. В противном случае эта реакция может иметь место среди христианского населения.

Если взаимные отношения между Россией и Турцией не изменились в моральном аспекте, то нельзя сказать то же самое о дипломатических отношениях. Здесь произошло полное преобразование в ущерб России. Посольства Франции и Англии находятся теперь настолько близко от русского посольства, что вряд ли оставляют место северному императорскому орлу расправить свои крылья. Из всех дипломатических постов в Европе в настоящее время нет более трудного, чем пост русского посла в Константинополе. Он требует не только таланта, но еще и морального мужества, выдержки и находчивости при всех обстоятельствах. Русский посол должен уметь забывать прошлое, принимать настоящее без явно выраженных сожалений и упоминать о будущем столько, сколько нужно, чтобы дать понять о законной надежде, но никогда не выражать угроз. Более чем при любых других политических обстоятельствах русская дипломатия в Турции должна возложить все надежды на время. Присутствовать с кажущимся равнодушием при вечном труде этого неутомимого оператора, подталкивая или задерживая его в зависимости от обстоятельств, никогда не показывая той руки, которая действует. Вот к чему сводится в данный момент задача представителя санкт-петербургского кабинета, задача довольно тяжелая для того, кто привык к победоносной роли диктатора и кто вынужден заменить высокопарное изречение «*ex ungue leonem*» * более скромным, но не менее выразительным девизом: «*cavat gutta lapidem non vi sed cadendo*» **.

XIV

Мы старались представить себе то воздействие, которое восточный конфликт окажет в будущем на отношение России к своим прежним противникам. Теперь нам остается разо-

* По когтям узнают льва (лат.). — *Прим. пер.*

** Капля долбит камень не силой, но частым падением (лат.). Из римского поэта Овидия. У Овидия: «*Gutta cavat lapidem non vi sed saepe cadendo*». — *Прим. ред.*

браться в том, какое он может оказать влияние на ее внутреннее состояние.

Если на внешних отношениях России восточный кризис сказался довольно сильно и скорее всего отрицательно, то его влияние особенно отразилось на внутреннем положении России, а следовательно, и на будущем всей империи. Влияние это было гораздо значительнее и вместе с тем более благоприятное.

С различных точек зрения император Николай, так же как и папа римский в настоящее время, был анахронизмом нашей современной Европы. Рассматривая верховную власть как подобие божественной власти, он был уверен, что она непогрешима и что первая и самая святая обязанность монарха состояла в осуществлении, насколько это возможно, принципов незыблемого порядка, на которых зиждется вечная гармония природы. Логическим следствием этого принципа является то, что в глазах государя народ играет пассивную роль. Император Николай рассматривал народ лишь как винтики механизма огромной машины, которую только государь призван приводить в движение, и за свои действия он требует от подданных только слепой преданности и абсолютного доверия.

Эти качества представлялись ему единственно полезными. Он считал, что они одни должны обеспечивать процветание и прочность его громадной империи. Каждый, кто стремится внести в нее чуждый элемент, мешает осуществлению его божественной миссии. Отсюда эта инстинктивная неприязнь к просвещению и развитию личности. В его глазах самые великие открытия науки и цивилизации должны меркнуть перед всемогуществом патриотизма и преданности, которые сами по себе, по его мнению, могли гораздо вернее, нежели долгие годы учения и умственных упражнений, придать людям, назначенным монархом, необходимые качества при исполнении особых функций. Чтобы сохранить для своей страны преимущество статус-кво и вместе с тем внушить к нему почтение Европы, принципы и доктрины которой угрожали существующему порядку, император Николай считал, что нужно иметь большую армию для защиты настоящего и гарантии будущего. Впрочем, военная организация всецело отвечала склонностям царя, ибо воплощала в малом идеал совершенного социального механизма. И то и другое зиждилось на инертных пружинах, тщательно связанных, а вершиной их была единая сила, придающая им необходимое направление.

Таким образом, армия представлялась императору настоящей кастой браминов, которой он отдавал все свои силы и волю, к ней привлекал все дворянство страны. Он считал особенно важным, чтобы армия являлась составной частью его образцовой социальной машины. При этом не скрывал от

себя, что через посредство аристократии рано или поздно проникнут в страну доктрины и принципы века, совершенно противоположные тем, на которых он основывал здание своей верховной власти и процветание своего народа. Следовательно, к дворянству применялись самые произвольные меры, менее всего могущие привести к той цели, которую себе ставил император. Строго запрещалось получать образование за границей, даспорта можно было получить только после очень продолжительных хлопот и уплаты чрезвычайно высоких пошлин. Время пребывания за границей ограничивалось пятью годами, а затем было сокращено до трех лет. Нарушение упомянутых сроков каралось разжалованием или конфискацией имущества, если нарушитель не возвращался сразу же по получении приказа.

Вооруженные силы, будучи основным объектом внимания и симпатий императора, поглощали большую часть государственного бюджета, в котором другим ведомствам отводилось лишь второстепенное место. Так, министерства финансов и общественных работ, две жизненные артерии современного общества, были, так сказать, поражены насмерть. Система взяточничества и подкупа разъедала и разрушала, подобно раку, весь социальный организм. Недостаток хороших дорог (а имевшиеся в дождливое время года становились непроезжими) на громадных пространствах, которые в этой обширной империи разделяют центры производства и центры потребления, парализовал и делал невозможными всякие крупные операции и торговлю. А это приводило к ненужному пресыщению в одних местах и искусственным недостаткам в других. Наконец, свободное развитие личности плохо согласовывалось с принятыми истинно консервативными принципами. Ведь чувство патриотизма и повиновение давали несомненно право на доверие властей, которые при выборе чиновников весьма мало придавали значения культуре ума и души.

Нет ничего более произвольного и менее обоснованного, нежели такие оценки некоторых отрицательных качеств, какими хотят подменить подлинные заслуги. Легко себе представить, насколько суд, призванный определять, исходя из этих критериев, интеллектуальные способности страны, открывает широкое поле кумовству и интригам. Поэтому административные и военные посты были захвачены большой толпой ничтожеств, более или менее вредных, в зависимости от того, вытекали ли совершенные ошибки из невежества или отсутствия всякого умственного и морального развития или же к этим невольным недостаткам прибавлялся еще дух стяжательства и корысти, которые, к сожалению, легко извинялись скудностью жалования чиновников.

Таково было внутреннее положение России, когда разразилась сгущавшаяся над ней гроза. А вот те предостережения,

которые из этого вытекали, а также благоприятные шансы, которыми можно было воспользоваться. С самого начала кампании император Николай обнаружил, к своему удивлению, что более высокая цивилизация ничуть не снижает боевого духа, а лишь укрепляет его, предоставляя офицерам более действенную роль, а солдату — порыв и моральную энергию, которые только патриотизм и преданность трону не могут заменить, ибо понятие о чести и славе так же развивается индивидуализацией солдата, как и парализуется поглощением его в качестве «инертной машины» личностью государя. Император Николай обнаружил, с не меньшим удивлением, что патриотизм и преданность недостаточны, чтобы уменьшить огромные преимущества его противников, ставящих на службу своим армиям технические средства, сокращающие расстояние и время.

Когда железные дороги и пароходы перебросили на далекие земли России огромное число неприятельских войск, свежих и бодрых, как будто только что покинувших казармы*, длинные вереницы русских войск с трудом тянулись со всех концов обширной империи на помощь захваченному Крыму, истощая в тщетной борьбе с грязью, снегом, а зачастую и голодом силы и мужество, достойные более благородной борьбы. Император Николай обнаружил также, что пассивное повиновение не избавляет от случаев самой преступной небрежности. Каждый день он узнавал о безнравственных и антипатриотических поступках чиновников, мнение о которых у него было самое высокое. Ежедневно курьер докладывал то об отсутствии складов снабжения в тех местах, где, как ему казалось, они были построены за дорогую цену; то о не существовании крепостей, указанных в официальных регистрах как большие и прочные сооружения, что оправдывало бы расходы тех колоссальных сумм, которые якобы были на них истрачены.

Словом, бесчисленное множество открытий, одно печальнее и неожиданнее другого, пошатнули в твердом духе императора Николая доверие к самому себе, доказав, что несколько месяцев вполне достаточно, чтобы развеять мечту всей жизни. Здание, укреплению которого он посвятил 20 лет царствования, предстало вдруг ему нереальным, обманчивым миражем, зловещей иллюзией!!! Какой бы закалки ни был человек, монарх, подобного рода открытия вызывают страшное потрясение. Надо ли доискиваться других причин столь внезапной кончины царя. Временных неудач его войск было бы недостаточно, чтобы сломить этого непоколебимого вели-

* По некоторым сведениям, представленным палатам и парламенту, во время Восточной войны, т. е. примерно за 30 месяцев, на английских кораблях было перевезено из Европы в Азию 435 803 солдата, 54 тыс. лошадей и 340 тыс. т груза.

кана. Все эти неудачи были почти всегда столь же почетны для тех, кто их переносил, как и для тех, кто их причинял. Он прекрасно знал, что мир спрашивал себя, увидев падение Севастополя, который почти год героически сражался с объединенными силами самых мощных флотов и армий Европы: какая из ролей была более славной? Роль ли победителя или защитника этой огромной морской крепости *...

Закончим так же, как мы начали. Парижский договор, временно решивший Восточный вопрос, не спас Турцию и, главное, не устранил зародышей будущей борьбы между Россией и Англией. Они не погибнут, они созреют тогда, когда возрожденная Россия освоит огромные ресурсы, которыми она располагает и над развитием которых ее правительство намеревается работать. Когда сеть железных дорог покроет ее плодородные равнины, когда пароходы будут бороздить Каспийское и Аральское моря, воды Амура и понесут в самое сердце Средней Азии свое цивилизующее начало, тогда, продвигаясь все ближе и ближе к местам, где беспрепятственно удовлетворяется британское властолюбие, для России пробьет час вернуться к достоянию Парижского конгресса. Она воспользуется случаем, чтобы пойти по стопам Франции, которая только что расквиталась с наследием Венского конгресса. И тогда война с Англией станет национальной необходимостью, как для императорской Франции была необходимой Восточная война. Россия, подобно Франции, почувствует потребность оплатить старый долг. Государь, давший сигнал к началу этой кровавой расплаты, будет иметь громадное преимущество — оплатить наличными. И он сможет сказать обретшей покой душе императора Николая: «На этот раз мы готовы и шансы борьбы равны».

Трудно точно предугадать то время, когда произойдет эта развязка. Но совершенно очевидно, что, с одной стороны, окончательная катастрофа будет лишь прямым следствием восточного кризиса, а с другой — Парижский договор и особенно тлеющие угли конвенции 15 апреля таят в себе те искры, которые не замедлят воспламенить Италию и Турцию. Можно дать лишь отрицательный ответ на важный и коренной вопрос: «Прочен ли Парижский мир?».

* На заседании палаты общин 1 мая 1856 г. Дизраэли²¹ произнес следующие замечательные слова: «Какой стыд!.. Россия одна насмеялась в течение почти года над объединенными армиями Франции, Англии, Сардинии и Турции. Более того, она сумела послать армию в Малую Азию!»

Письмо первое

Гиресун (западнее Трабзона), 20 июня 1858 г.

Сударь,

прошу Вас верить, что если я в течение трех месяцев после отъезда из Парижа еще не выполнил обещания писать Вам время от времени о ходе экспедиции, то произошло это исключительно из-за отсутствия возможности оторваться хотя бы на одну минуту от трудов, которые поглощают все мое время. Они оставляют мне лишь несколько часов на отдых после утомительной работы и различных лишений. К этому следует добавить, что более двух месяцев, проведенных мною почти всегда в седле или в палатке, я находился в районах, не имеющих регулярной связи с Константинополем.

Первая задача, которую я поставил перед собой в нынешнем году, состояла в ознакомлении с областями Понта¹, не охваченными моими предыдущими экспедициями. Эти районы фигурируют как белые пятна на всех картах Малой Азии, в том числе и на моей, хотя она гораздо совершеннее, чем другие карты этого полуострова. Я придавал большое значение устранению этих пробелов еще до поездки в глубь Армении не только по причинам научного характера. Районы, о которых идет речь, расположены как раз близ той местности, по которой одна английская компания предполагает проложить большую железнодорожную линию и соединить города Самсун, Амасью и Сивас². Этот грандиозный проект имеет колоссальное торговое и политическое значение, о нем я намерен сообщить Вам позднее кое-какие интересные сведения. Между тем понтийские районы, изучение которых должно было служить точкой отправления для моей экспедиции, начинаются почти у самых ворот города Самсуна. Местность, находящаяся, с одной стороны, между линией, идущей от этого города на Амасью и Токат, а с другой — между рекой Ирис³, как раз и является частью этой terra incognita.

Итак, сев на пароход в Константинополе, я направился в Самсун, где ненастье задержало меня дней на десять. Я вос-

пользовался этим временем для того, чтобы подобрать крепких местных лошадей, которые могли бы выдержать тяжелые испытания, связанные с нашей работой. Из Самсуна я выехал в конце мая и изъездил во всех направлениях упомянутый выше район древнего Понта. Весь он — от Самсуна до Никсара (небольшой городок, построенный на почти исчезнувших развалинах древней Нео-Кесарии) — представляет собой весьма гористую местность, покрытую великолепными лесами. Эти леса стоят нетронутыми века. Они прошли в своем развитии все периоды существования растительного мира, предоставленные сами себе в борьбе со стихийными явлениями в природе.

От Никсара я поднялся по р. Ирис, проехал по области, получившей в древности название Полемониякус, до города Шабхане-Карахисар⁴, примечательного находящимися в его окрестностях квасцовыми рудниками. Эксплуатация этого полезного минерала передана нескольким бедным армянам за весьма скромную сумму, выплачиваемую правительству. Отсутствие технических знаний, варварские способы добычи, которые показались бы европейским горнякам невероятными, не мешают им все же добывать прекрасные квасцы, сбыт которых обеспечивает прибыль в 30—40%.

Я исследовал с геологической точки зрения горы, где находятся рудники. Их не больше четырех. Но я убежден, что количество рудников могло бы быть увеличено в сто раз, так как обилие залежей минерала и легкость его добычи позволяют это сделать. Почти повсюду минерал, располагаясь гнездами или небольшими скоплениями, выходит на поверхность. Его можно свободно добывать, не прибегая к подземным работам. Можно сказать без преувеличения, что если бы за добычу квасцов взялась европейская компания (дело это легко осуществимо, так как турецкое правительство охотно передаст концессию тому, кто дороже заплатит, ибо сейчас она приносит весьма небольшой доход), то район Шабхане-Карахисар мог бы снабжать всю Европу прекрасными квасцами на условиях, в равной степени выгодных как поставщикам, так и потребителям.

Но кончим говорить об этих научных подробностях. Я хочу побеседовать с Вами лишь как турист, а не пускаться в скучные научные дискуссии, хотя бы и мог многое сказать как о минеральных богатствах района Шабхане-Карахисара, так и о ресурсах других районов, через которые проехал по пути от самого Самсуна. Все они хранят неисчерпаемые богатства, совершенно не использованные до сих пор человеком!

Впрочем, мне следует кончить писать это письмо, так как пароход, только что прибывший из Трабзона, сейчас же отплывает в Константинополь. Это один из тех благоприятных и редких для меня случаев, когда я могу поговорить с Евро-

пой, ибо, покинув Гиресун, я не увижу морского побережья до возвращения в Самсун, т. е. не ранее чем через три месяца. Тогда я вновь смогу любоваться дымками судов почти всех великих держав Европы! Должен сказать, что одинокий путник, обреченный на пребывание в диких внутренних районах страны, с некоторым волнением бросает прощальный взгляд на этих величественных представителей нашей европейской цивилизации! С волнением смотрит он на этот подвижной пояс вокруг Малой Азии, который опирается главным образом на ее северное побережье! Совсем недавно пароходные линии получили здесь значительное развитие. Но об этом расскажу Вам позднее и лишь после возвращения в Самсун. Прежде чем изложить соображения общего характера, могущие возникнуть в результате многочисленных и длительных экскурсий, которые намереваюсь предпринять в этом городе, я рассчитываю сообщить Вам несколько слов об интересных и почти совсем не исследованных областях, где мне уже удалось побывать.

По всей вероятности, мне придется остаться еще на несколько дней в Гиресуне. Лошади мои истощены. Необходимо как-нибудь восполнить ущерб, причиненный чрезвычайно тяжелым переходом, совершенным мною только что по районам, расположенным между Шабхане-Карахисаром и Гиресуном. Оттуда Вы получите мое следующее письмо. В нем, равно как в данном и в последующих посланиях, Вам следует ожидать изложение лишь мимолетных впечатлений, написанных по памяти, порой небрежно, в седле вместо стола и под небом вместо крыши.

Письмо второе

Гиресун, 1 июля.

Ввиду того что мне пришлось продлить свое пребывание в Гиресуне, откуда мною послано Вам предыдущее письмо, я пользуюсь случаем, чтобы несколько пополнить те немногие сведения о моих исследованиях Понта, которые успел уже Вам сообщить. После изучения районов, расположенных между Самсуном и Шабхане-Карахисаром, мне остается рассказать Вам о нашей экспедиции по обширной местности, находящейся между этим городом и побережьем. Прежде всего должен Вам напомнить, что если в конце моего предыдущего путешествия Вы могли с грехом пополам следить за мной по карте Малой Азии, то теперь не сможете ею воспользоваться для мест, о которых я буду Вам рассказывать сегодня и в

дальнейшем. Чтобы Вам было удобнее ориентироваться в тех районах, по которым Вы будете сопровождать меня, не покидая своего кресла, Вам следует обратиться к карте Малой Азии и Армении, составленной Кипертом,— самой лучшей из карт, существующих в настоящее время для районов, находящихся к востоку от меридиана Шабхане-Карахисар. Именно по ней я мог довольно точно установить объем наших познаний об этих областях, так как все имеющиеся на карте белые пятна следует считать *terra incognita*. Эти места на карте (весьма многочисленные) я и решил ликвидировать, избегая, насколько возможно, повторения путей, по которым шел кто-либо из моих предшественников. Среди пробелов на карте имеется значительная местность в районе между Шабхане-Карахисаром и понтийским побережьем на площади не менее чем 200 км с севера на юг и 400 км с востока на запад. На этой местности географы древности поместили высокую горную цепь под названием Париадрес. Но эта цепь со своим древним наименованием помещена на карте весьма произвольно в северной оконечности большого белого пятна, которым на карте Киперта как раз и представлена эта загадочная часть Понта. Мне пришлось затратить девять дней, чтобы переправиться через нее. Таким образом я убедился, что она представляет собой лишь огромный и непрерывный массив крутых Альп, начинающийся примерно в 10 км к северу от Шабхане-Карахисара и простирающийся, постепенно понижаясь, до побережья. Кульминационный пункт этого громадного лабиринта находится примерно в 50 км к северу от Шабхане-Карахисара, являясь, по-видимому, частью горного массива, который называли в далеком прошлом Париадресом. Горный же хребет, помеченный этим названием на карте Киперта, является лишь северным склоном большого центрального массива. Мне кажется, нет другой страны, которую было бы столь трудно проехать на вьючных лошадях, даже восточной породы, которые могут подниматься и опускаться по каменистым, почти вертикальным склонам, покачиваясь под тяжестью груза на узких тропинках, вьющихся по краю бездн. В довершение ко всему в этом обширном районе очень мало деревень. В их уродливых халупах, построенных из плотно сложенных булыжников и покрытых вместо крыши слоями тины или ветками, трудно что-нибудь достать. Отсутствие пшеницы и даже ржи, которые заменяются только майсом,— наименьшее неудобство обитателей жалких лачуг. Гораздо существеннее то, что отсутствуют ячмень и трава для лошадей, поскольку там, в горах, они не произрастают. Однако из всех лишений, неизбежно связанных с такого рода экспедициями, к которым я настолько привык за десять лет, что почти их не замечаю, самое ошутимое и невыносимое — это отсутствие возможности восстановить силы истощенных,

благородных и смелых животных, обеспечивающих благополучие путника.

Надо изъездить весь Восток в течение долгих лет и не в качестве туриста, а человека, полностью усвоившего нравы и обычаи этого мира, столь отличного от нашего, чтобы вполне постигнуть ту симпатию и нежность, возникающие у путника к коню, на спине которого помещается как он сам, так и его походный дом! Вся усталость и заботы путника рассеиваются, как только он услышит на привале радостное ржание своих верных друзей, приветствующих принесенный им скудный ужин. Когда путник почувствует, что его кони довольны и сыты, только тогда он сможет подумать о собственном отдыхе. Лучшим вознаграждением за страдания, вызванные походным образом жизни, служит торжественная минута наступившего вечера. Припоминая преодоленные трудности, путник садится у входа в палатку и любуется серебристым светом луны, озаряющим живописные тени вокруг походного жилища. Природа погружена в глубокий покой и молчание, прерываемое лишь журчанием соседнего ручейка, пронзительным воем шакалов да хрустом травы на зубах расседланных и освобожденных от поклажи лошадей. Такие простые и будничные сцены домашнего очага обновляют нашего путника и возвращают бодрость его душе и телу, столь необходимую для тяжелых трудов грядущего дня. Насколько пошлыми, жалкими и наивными кажутся в такие минуты все искусственные увеселения, в которых люди, пресыщенные западной цивилизацией, ищут забвения в своих тюрьмах из искусственного и настоящего мрамора. Много ли среди них таких, которые могли бы сказать в конце любого беспокойного и бесплодного дня: вот наконец настал час, который вознаградит меня за тяжелые заботы и разочарования и полностью восстановит силы для преодоления трудностей, ожидающих меня завтра?

Такие мысли приходили мне особенно часто в результате неожиданных затруднений, с которыми мне приходилось бороться, проезжая по этим негостеприимным краям. Я легко впал бы в уныние и испытывал отвращение ко всему на свете, если бы не живительная сила, порождаемая независимой и облагораживающей деятельностью. Впрочем, не подумайте, что, кроме тех преимуществ, которые таит в себе кочевое существование путника на Востоке, эти места не доставили мне наслаждений иного порядка. Прежде всего упомяну научное исследование природы. Эти суровые места, лишённые всего, что может вызвать интерес у простого туриста, места, где даже в полдень я не снимаю зимней одежды, приносят естествоиспытателю столь богатую жатву, что одиннадцати лошадей моего небольшого каравана едва хватает для перевозки собранного груза, представляющего научный интерес.

С гористой местности я спустился на побережье, чтобы

отдохнуть несколько дней в Гиресуне, древнем Cerasus, который, согласно утверждениям авторов древности, дал свое имя одному из наиболее распространенных фруктовых деревьев — вишне (le cerisier). Утверждают, что римляне перевезли его отсюда в Рим, сохранив за ним название его родного города. Хотя не все ботаники согласны с таким утверждением, чрезвычайное распространение этого дерева и большая роль, которую оно играет в районе, соседнем с Гиресуном, как будто подтверждают мнение древних авторов. В самом деле, спускаясь с высоких гор, постепенно понижающихся к побережью, видишь, как увеличивается число вишневых деревьев и как они становятся самыми необходимыми для существования бедных жителей. В летние месяцы эти люди питаются вишнями, а также хлебом, испеченным из маиса, причем вишни здесь стали действительно всеобщим достоянием: любой прохожий имеет право рвать их сколько угодно. В настоящее время у меня нет необходимости питаться хлебом из маиса и вишнями. Живу я в великолепном доме богатого купца-грека, человека в высшей степени гостеприимного. Он всячески старается, чтобы я забыл о моих лишениях, предоставляя в мое распоряжение предметы европейского обихода, которые он получает с пароходов, заходящих в Гиресун. Я весьма тронут его заботами. Что касается цивилизации, то я предпочитаю крайности: мне нужно все или ничего, т. е. Париж или самые дикие районы Востока. Так, несколько дней вынужденного пребывания в четырех стенах мне стали в тягость. Я тоскую о походном жилье и надеюсь в ближайшее время раскинуть шатер в какой-нибудь долине или на горе, рассчитывая в скором времени покинуть Гиресун и через Гюмюшане проникнуть во внутренние пределы Армении вплоть до берегов Евфрата.

Письмо третье

Гюмюшане, 8 июля.

Во втором письме я сообщил Вам о прибытии в Гиресун, куда привело меня желание обследовать местность, пересеченную таинственным горным хребтом, упоминаемым авторами древности под туманным названием Париадрес. Таким образом, я благополучно выполнил стоявшее передо мной задание, а именно: еще до углубления в коренную Армению я приступил к уточнению тех значительных пробелов, которые имеются на карте в этой части понтийских районов. Я смогу теперь свободно выехать из этих мест, не опасаясь оставить

после себя необследованные пространства. Итак, я решил направиться сначала в Гюмюшане, а оттуда постепенно продвигаться к долине Евфрата. Передо мной лежало два пути в Гюмюшане: один — на Трабзон, другой — на Тиреболу. Первый — основная дорога, по которой идет Эрзурумская почтовая линия; ее обычно выбирают путешественники. Второй, наоборот, — нечто вроде пешеходной тропы, не предназначенной для вьючных лошадей. Этот путь лишь неясно указан на карте Кипертом, ибо точные данные о местности, по которой пролегает упомянутая тропа, пока совершенно отсутствуют. Несмотря на предупреждения, сделанные мне в Гиресуне, я, конечно, выбрал второй путь. Здесь мне предоставилась возможность пополнить предыдущие наблюдения и выяснить вопрос, заканчивается ли горная цепь на востоке, в районе, по которому проложена дорога, или же она тянется далее на средней высоте, определенной мной между Шабхане-Карахисаром и Гиресуном. Восемь дней тяжелого перехода показали, что горный массив Париадреса между Тиреболу и Гюмюшане все так же высок. Проходя по этой местности, мне вновь пришлось преодолевать трудности, с которыми я уже встречался, переправляясь через центральную часть массива. На этот раз, умудренный опытом, я приобрел дополнительно двух лошадей и нагрузил их ячменем и хлебом. Это была необходимая предосторожность, ибо в немногих жалких деревушках, мимо которых мы проезжали, нам могли предложить лишь несколько кукурузных лепешек, но ни одного зернышка ячменя. Большинство лачуг в деревнях почти не заслуживает названия человеческих жилищ. Они представляют собой груды булыжников, покрытых сверху несколькими досками, щели между которыми слишком малы, чтобы выпускать дым от очага, и достаточно велики для того, чтобы через них проникал дождь.

В низких, узких и темных жилищах помещаются вместе мужчины, женщины, дети и небольшое количество домашних животных, которых могут прокормить эти каменистые горы. Население даже в примитивных деревнях между Гиресуном и Тиреболу, так же как между Тиреболу и Гюмюшане, представляет любопытное явление. Национальность большинства жителей смешанная. Они открыто исповедуют ислам и в общественных местах говорят только по-турецки. Но тайно исполняют обряды восточной греческой церкви, дома говорят по-гречески и носят каждый по два имени. Так, если кто-либо из них утром появляется в белой или зеленой чалме (цвета истинно правоверных) и именуется Ахметом или Селимом, вечером в лачуге или скрытой пещере он присоединяется к своим единоверцам для тайного выполнения обрядов христианской религии под руководством папаса (священника), выступавшего за несколько часов до этого в мечети в каче-

стве муллы. Здесь люди говорят с характерной для греков скороговоркой и носят уже другие имена — Георгий, Симон или Петр.

Большинство христиан-мусульман происходит из довольно крупной деревни Кром, расположенной примерно в 30 км к северо-западу от Гюмюшане. Отсюда они расселились по всему району между Трабзоном, Гюмюшане и Тиреболу, а также кое-где на побережье. Численность их достигает по меньшей мере 50 тыс. Они происходят, вероятно, от греков, которых турки принудили принять ислам при нашествии или в первые годы своего владычества.

Впрочем, стойкость христианских соков под тяжелой корой мусульманской религии ярко показывает моральную силу и жизнеспособность греческого народа. Этот пример эллинского упорства мне напомнил другой случай, которым я восхищался. В малоизвестной европейской местности, в Калабрии, в окрестностях Козенцы и Катандзаро, я видел целые деревни с населением греческого происхождения. Папский деспотизм заставил жителей этих мест принять лишь внешнюю, призрачную сторону католицизма. В действительности здесь греки-униаты сохраняют основные обряды своей религии и, хотя они вклинились в итальянское население, прекрасно владеют его языком и одеваются как итальянцы, продолжают между собой говорить только по-гречески. Так века и революционные перевороты ничего не изменили в их жизни. Горсточка людей сумела сохранить традиции древней византийской провинции, великой Греции, имя которой теперь упоминается лишь в научных трудах. Любопытный факт существования мусульман-христиан, о которых я только что упоминал, доказывает еще более поразительную жизнеспособность: греки-униаты вошли в соглашение с Римом и официально обеспечили себе положение, которое теперь занимают. Между тем в Малой Азии христианство сохраняется в подполье, за ширмой исламизма, столь искусно воздвигнутой, что только пользующиеся доверием могут заглянуть за нее. Со времени последних воззваний султана⁵, оповестивших скорее о надеждах, чем о реальных фактах, эта часть населения начинает мало-помалу приоткрывать занавес. В деревнях, где я останавливался, несколько псевдомусульман сообщили под большим секретом о своей принадлежности к христианской вере тем из моих служащих, которые ее исповедуют, в частности «сеисам» (конюхам), армянам по происхождению.

В бытность мою в Гиресуне ко мне пришел мулла, назвавшийся Сулейманом. Если бы он не так усиленно настаивал на желании видеть меня, я отказался бы принять его, так как у меня не было ни времени, ни охоты разбирать с ученым мусульманским священнослужителем различные положения Корана. Каково же было мое изумление, когда мнимый слу-

житель пророка сообщил, что он, мулла Сулейман, является одновременно греческим священником Партениосом. Именно поэтому он решил меня побеспокоить. Он умолял меня как христианина помочь ему выбраться из ужасно тяжелого и ненормального положения, в которое он попал по наследству от своих предков. «Речь идет не обо мне,— сказал старик, и крупная слеза упала на его белую, как серебро, длинную шелковистую бороду,— мне недолго осталось жить, и я могу продолжать тайно служить моему богу, как я это делаю уже около семидесяти лет; но у меня есть дочь, которую на людях я называю Фатимой, а когда мы вдвоем, то прижимаю ее к груди и, лаская, произношу нежное имя Софья. Я должен спасти невинное существо. Ей пора выйти замуж, и я не смогу долго отказывать мусульманам, ее мнимым единоверцам, прослышавшим о красоте дочери. Среди них есть могущественные люди. Я чувствую, что не переживу того дня, когда мужтук уведет моего ангела в гарем. Я умоляю Вас помочь переправить в Крым, в Тифлис или вообще в какую-либо христианскую страну мою бедную Софью в сопровождении кого-нибудь из ее родных, тоже христиан, как и я, но прикрывающихся мусульманским обличем. Я передам им деньги для обеспечения существования моей дочери, а сам посвящу остаток своих дней молитве, прося бога вознаградить Вас за доброе дело!» Слова старика меня глубоко тронули, и я поспешил сделать все, что позволяло мое положение. Но оно не разрешало мне прежде всего нарушать законы гостеприимства, вмешиваться во внутренние дела чужой страны. Как частное лицо, я мог играть лишь роль пассивного наблюдателя или же советника в том случае, если бы мои представления перед властями могли иметь успех. На этот раз мне удалось добиться желаемого. Старик и прелестная Фатима-Софья сели на европейский пароход, получив от турецких властей если не официальное разрешение, то молчаливое согласие на отъезд.

Вот уже три дня, как разбил лагерь в очаровательном саду, в полудне ходьбы от Гюмюшане, города, некогда славившегося серебряными рудниками, заброшенными позднее. Город расположен на склоне горы, где невозможно найти ни подходящего места для палатки, ни хороших пастбищ для коней. Каймакам (губернатор) в сопровождении многочисленных всадников любезно выехал мне навстречу и проводил меня в сад, принадлежащий богатому турецкому землевладельцу, чтобы предоставить его в мое распоряжение. Мои люди немедленно поставили для меня палатку в тени столетнего орехового дерева, привязали лошадей, сильно уставших в пути и нетерпеливо ожидавших момента, чтобы насладиться сочной травой, которой уже давно не лакомились. Владелец сада, столь неожиданно ошастливленный честью прини-

мать меня у себя, покорно подчинился приказу начальства и в очень дурном расположении духа направился в небольшой домик, стоявший в глубине сада, как раз напротив моей палатки. Увидев ее, он велел своим слугам отгородить коврами и полотнищами свое жилище, чтобы полностью изолировать от нас десять — двенадцать молодых женщин, составляющих гарем этого более чем шестидесятилетнего старика. Бедные пленницы получили разрешение дышать свежим воздухом только на балконе, также забронированном шаткими импровизированными перилами и коврами, из-под которых время от времени выглядывали то кончик золотистой туфельки, то складка красных шаровар. А иногда между суровыми драпировками вдруг появлялась, словно блестящая искорка, пара прелестных глаз и слышался веселый смех и шепот, прерываемые тотчас ворчливым голосом старого тюремщика.

Среди подобных невинных наблюдений и более серьезных занятий меня не покидало желание вновь отправиться в путь, чтобы переправиться через горный хребет, окаймляющий на севере долину Евфрата. Я не решил еще, каким путем мне воспользоваться, так как в тех местах, куда я собираюсь направиться, только что обнаружены курды. Однако я надеюсь на счастливую звезду, охраняющую меня уже столько лет, и надеюсь отправить Вам следующее письмо с берегов Евфрата.

Письмо четвертое

Эрзурум, 29 июля 1858 г.

В предыдущем письме, посланном Вам из Гюмюшане, я сообщал о своем проекте проникнуть в Армению, спустившись в долину Евфрата, с тем чтобы затем подняться по ней до Эрзурумского горного плато. Мне очень хотелось воспользоваться этим путем, ибо он находится в стороне от дороги, ведущей из Гюмюшане в Эрзурум, по которой я не имел желания следовать, так как она не раз описана другими путешественниками. Я только что с большим успехом осуществил свой проект и спустился в Эрзинджан (находится на правом берегу Евфрата). Отсюда я поднялся по реке до Эрзурума. Живописная долина, по которой протекает река, начиная от Эрзинджана до Эрзурума почти совершенно ровна. Она была бы очень удобна для прокладки железнодорожного пути. Долина довольно хорошо обработана, хотя соседство курдов, которых еще Ксенофонт называл кардуши, весьма беспокоит население. По мере продвижения по долине Евфрата перед

взором все яснее обозначается (как в физическом, так и в духовном отношении) тип большого армянского плоскогорья, сыгравшего важную роль в далекую эпоху истории человечества. Внешний облик страны характеризуется не только громадными высокогорными обезлесенными пространствами, выжженными летом сильным зноем и скованными зимой жестокой стужей. Он проявляется также во внешнем облике, костюмах и нравах жителей, населяющих горы и составляющих резко выраженный контраст по сравнению с населением западных районов Азии с точки зрения перехода к персидскому типу. Впрочем, райя (христиане — подданные Османской империи) также причастны к этим изменениям, ибо армянское население говорит здесь на своем языке (превосходно владея турецким), тогда как в более западных областях Азии армянский язык полностью вытеснен турецким. Наряду с райя и турками в этих местах имеется третья, резко выраженная национальность — это курды. Их происхождение совершенно отлично от османов, а в языке — почти ничего общего с языком последних. Оттенок однообразия, засухи и грусти как бы навис над этими районами, характерные черты которых достаточно хорошо передаются во внешнем облике столицы. Путешественник, проходя по обширным равнинам, орошаемым Евфратом и зачерненным базальтовыми глыбами, и продвигаясь постепенно к Эрзуруму, тщетно будет искать одну из тех живописных, изящных картин, которую представляет собой турецкий город, если смотреть на него издали. Перед его взорами не возникает ни красивых ларьков, ни стройных минаретов, ни деревянных дач разнообразных форм и окрашенных в тысячу ярких цветов и оттенков. Перед глазами путника предстанет огромное скопление мрачных жилищ из кирпича или строительного материала, изготовленного из глины и грязи. Дома разбросаны вдоль пыльных улиц, замаскированы наполовину развалинами или стенами, не похожими на почтенные живописные руины. Прибавьте к этому однотонный национальный костюм персов, остроконечные шапки и темные одежды, которые так резко отличаются от белых и зеленых чалм и ярких курток османов, — и у вас составит представление о безотрадном виде столицы Армении⁶. Восточный город, лишенный всякого обаяния, не представляет прелести, ибо города Востока (в том числе Константинополь) кажутся прекрасными, пока вы не оказались в их пределах. Климат Эрзурума в общем здоровый, хотя ввиду значительной высоты над уровнем моря и чрезвычайной оголенности местности его следует отнести к числу резко континентальных. Однако в текущем году можно отметить довольно примечательную аномалию. В то время как в южной части Европы и Азии зима на редкость суровая, в Эрзуруме было много теплее, чем обычно. Зато в июле стояла такая жара, какую здеш-

ние старожилы не припомнят. Так, в течение недели нашего пребывания в этом городе термометр, находившийся в тенистой, хорошо проветриваемой комнате с окном на север, показывал $+39^{\circ}$ по Цельсию, а на солнце $+50^{\circ}$. Чтобы избавиться от тропической жары бедных лошадей, и так уже прошедших через тяжелые испытания, я решил остаться на десять дней в Эрзуруме. Это время я, с одной стороны, прекрасно использую для подготовки экспедиции в Курдистан, а с другой—для собирания статистических данных относительно обширной и интересной провинции Эрзурума. Чтобы Вы имели о них ясное представление, я выберу только такие, за достоверность коих вполне можно поручиться, поскольку они взяты из официальных документов, которые в Турции, как, к сожалению, и в ряде стран Европы, либо не подлежат оглашению, либо публикуются после внесения в них тех или иных изменений. Эялет, или пашалык (так называются крупные территориальные подразделения Османской империи, которые в свою очередь делятся на провинции), Эрзурума ежегодно выплачивает правительству от 16 до 18 млн. пиастров (3200 тыс.—3600 тыс. фр.). Доход этот очень незначителен по сравнению с тем, который можно было бы получить с обширного района. Главный источник его — десятинный налог, поступления от таможни города Эрзурума, которая дает 4 млн. пиастров (900 тыс. фр.), доходы от солеварен и прочие налоги. Эялет состоит, во-первых, из города Эрзурума, включая довольно значительный район, образующий совокупно с городом так называемый Нефси Эрзурум, и, во-вторых, из четырех провинций, или санджаков, называемых также каймаками, поскольку они управляются каймаками или заместителями паши; это следующие провинции: Карс, Баязид, Муш и Олти. Как Нефси Эрзурум, так и провинции делятся на округа (каза). Каждая провинция имеет 10—12 округов, тогда как у Нефси Эрзурума их 13, а именно: Пасын-Ухия (верхний), Пасын-Суфла (нижний), Кыныс, Генык, Терджан, Эрзинджан, Кузулчан, Кыгхи, Виабут, Чейран, Испир, Тортум и Гхизким. Таким образом, весь пашалык Эрзурума имеет 61 каза, или округ, каждый из которых управляется мюдиром. Назначение или увольнение мюдира со службы почти во всех случаях зависит исключительно от паши. К сожалению, здесь, как и в других пашалыках империи, осуществление этого права облегчается рядом иллюзорных положений, содержащихся в законе, вследствие чего оно становится источником многочисленных и прискорбных злоупотреблений. Что касается судьбы 61 должностного лица, занимающих довольно важное служебное положение, то почти всегда она решается в зависимости от личных денежных интересов его превосходительства, нежели от нужд страны. Имеющиеся данные о численности населения Эрзурума сильно преувеличены. Согласно

этим данным, население города достигает 100 тыс., в то время как в 1700 г. знаменитый Турнефор — один из первых европейских ученых, посетивших Эрзурум, насчитал в нем всего 24 тыс., в том числе 18 тыс. турок (почти все янычары), 6 тыс. армян и 400 греков.

Таким образом, как это следует из подлинных документов, изученных мною лично, исчисления знаменитого ботаника ближе всего к истине. Действительные цифры следующие: мусульман — 26 625, армян грегорианской веры — 7500, армян-католиков — 750, греков — 125, а всего 35 тыс. человек. Из приведенных цифр следует, что более чем за полтора века мусульманское и армянское население города значительно возросло (особенно мусульмане, число которых почти удвоилось по сравнению с данными Турнефора), тогда как число греков, наоборот, сильно уменьшилось. В Эрзуруме имеется всего 6600 домов, 500 мечетей (джами), 26 караван-сарая с магазинами и лавками, 50 простых ханов, или гостиниц (конечно, ничего общего не имеющих с нашими гостиницами или даже тавернами Европы), 13 бань, великолепная таможня с садом, казарма, в которой в настоящее время размещены 1000 солдат, составляющих гарнизон города. В Эрзуруме три епископа: армяно-грегорианский, армяно-католический и греческий. Имеется также четыре церкви: греческая, армянская, армяно-католическая и латинская; последняя обслуживается двумя капуцинами, находящимися под защитой Франции. Консульства и агентства следующие: русское (наиболее значительное и влиятельное из всех), французское, английское и персидское и, наконец, австрийское консульское агентство. Число иностранцев, проживающих в городе, распределяется следующим образом: 1000—1200 русских подданных, 1500—2000 персидских подданных, один француз и несколько итальянцев, находящихся под защитой Франции; несколько лиц находятся под защитой Англии и два австрийских подданных.

Торговля Эрзурума с кавказскими провинциями незначительна; но что существенно важно для города и обеспечивает ему немаловажную роль в коммерческих сделках на Востоке — так это транзитные операции. Персия ежегодно пересылает через Эрзурум в Константинополь свыше 10 тыс. ферде⁷ шелка стоимостью в 10 млн. фр.; шали из Кермана, Лахора, Хорасана, Кашмира на сумму 2400 тыс. фр.; тембеки (табак для кальяна) на 1 млн. фр.; хлопчатобумажных ниток на 200 тыс. фр.; сушеных фруктов на 900 тыс. фр. Всего на 14,5 млн. фр. В свою очередь Константинополь вывозит в Персию также через Эрзурум (доставка из Эрзурума в Константинополь и обратно производится морским путем через Трабзон; пароход идет четыре дня, между тем как на сухопутное сообщение между Трабзоном и Эрзурумом требуется от восьми до десяти дней) сахар, чай, мануфактуру (главным

образом ситец), медикаменты, стекло, американское полотно и т. д.—всего на 24 млн. фр., т. е. примерно на сумму, в два раза превышающую стоимость товаров, получаемых Константинополем из Персии.

Во всяком случае, Вам ясно, что транзитная торговля для Эрзурума — жизненно важный вопрос и ее потеря была бы для Османской империи серьезной катастрофой. И такая катастрофа скоро должна наступить в связи с проведением железной дороги между русским портом Поти и Тифлисом, а также установлением линий прямого сообщения для русских пароходов между Поти и Константинополем, без захода в Трабзон. Вся торговля с Персией немедленно будет переключена на этот путь. Купцы будут рады избавиться от тревог, связанных с опасным и тяжелым путем по гористой местности, где можно путешествовать лишь караванами. Так свисток паровоза, оповещающий об отправке первого железнодорожного состава из Поти в Тифлис, будет в то же время сигналом к падению торговли между двумя главнейшими городами Османской империи — Эрзурумом и Трабзоном. Этот свисток оповестит всю Европу об отводе в сторону русской территории большой торговой артерии Центральной Азии, которая в течение многих веков пролегла через уже наполовину окоченевшее тело Турции. Когда наступит это время, а новое русское правительство, стремящееся к коренным реформам⁸, ускорит его приход, торговля Трабзона и Эрзурума сведется к обмену предметами местного производства. А она сейчас уже незначительна, особенно в Эрзуруме, где фабричная промышленность, некогда довольно активная, сведена почти к нулю, причем даже для товаров, которые долгое время были монополией армянской столицы.

Ранее, например, оружейные мастера Эрзурума изготавливали оружие лучшее в Османской империи; эта отрасль промышленности была сосредоточена главным образом в руках одного армянского семейства, состоявшего из семи братьев и известного по этой причине под именем Еди кардаш (семь братьев). Двое из братьев живы и поныне. Однако, обескураженные отношением к ним со стороны правительства, они потушили печи, сменили молот и наковальню на лопату и кирку. Теперь они занимаются садоводством и торговлей на базаре огурцами и арбузами вместо ружей и сабель. Однако, как показывает следующий вполне достоверный случай, священный огонь не угас среди этих полузабытых наследников искусства Вулкана. Когда впервые в Эрзуруме появился английский револьвер, паша будто бы позвал к себе одного из Еди кардаш. Показав ему новый образец европейского гения, он спросил: могли ли знаменитые мастера Эрзурума в лучшие свои времена изготовить подобное чудо? Отвергнутый оружейник ответил, что, если его превосходительство согла-

сится оплатить расходы, он сможет изготовить на своей за-
ржавленной наковальне нечто достойное соперничать с этим
образцом. Получив согласие паши, армянин вернулся к нему
через месяц и принёс револьвер собственного изготовления.
Эксперты с трудом могли отличить новый револьвер от ори-
гинала.

Этот случай убеждает в том, что нынешний упадок в на-
циональной турецкой промышленности объясняется отнюдь не
неспособностью населения, а скорее преступным нерадением
правительства, которое не сумело стимулировать труд в про-
мышленности или хотя бы устранить препятствия, затрудняв-
шие ее развитие.

В настоящее время я очень занят приготовлениями к рис-
кованному походу, требующему, к сожалению, иного снаря-
жения, чем то, которое можно приобрести на здешнем рын-
ке. В связи с этим необходимо установить соответствующие
отношения с некоторыми лицами, которые смогут облегчить
осуществление моего проекта. Я решил проникнуть в горные
массивы между Эрзурумом и Эрзинджаном, окаймляющие с
юга долину Евфрата. Но это как раз область курдских пле-
мен, которые в течение веков успешно противостояли всем по-
пыткам османского правительства подчинить их своей власти.
И у меня остается только одна возможность проникнуть в
эти таинственные края, где еще ни один европеец не осмелил-
ся показаться, а именно: снискать благоволение одного из
курдских вождей. К счастью, некоторые из них или их агенты
не боятся спускаться с гор в Эрзурум либо в другой город,
чтобы запастись всем, чего нет в суровых горах. Появляются
они открыто, ибо одно слово «курды», когда особенно речь
идет о курдах с горы Дуджик, внушает такой страх, что нет
человека, который не побоялся бы их мщения. У меня есть
все основания полагать, что начатые переговоры завершатся
успешно. Я горю желанием посетить эти великолепные горы,
о которых здесь рассказывают чудеса, достойные «Тысячи и
одной ночи». В частности, один из горных массивов, находя-
щийся всего в 29 милях от Эрзурума (носит название Бин-
гёльдаг, что в переводе означает «Гора тысячи озер»), вызы-
вает у меня особый восторг. Я собираюсь начать рискованный
объезд курдской области именно с этой горы и затем посте-
пенно продвигаться к западу до массива Дуджик, населенно-
го многочисленным, воинственным племенем, которое, как
говорят, может выставить свыше 30 тыс. всадников. Женщины
этого племени вооружены, как амазонки. Более подробные
сведения обо всем этом надеюсь Вам сообщить в следующем
письме.

Эрзинджан, правый берег Евфрата, 14 августа.

В отправленном Вам последнем письме из Эрзурума я сообщал, что был занят приготовлениями к довольно рискованной экспедиции на территорию, населенную курдами. Эта экспедиция имела целью главным образом исследовать массив Бингёльдаг — излюбленное место сборища в летнее время для племен этого народа. Местные жители всей области справедливо рассматривают эти сборища как настоящий бич, так как всюду, где только ненасытные расхитители разбивают палатки и пригоняют свои стада, посевы мгновенно исчезают, как истребленные саранчой, а путешественники, объятые ужасом, делают большой крюк, лишь бы избежать встречи с ними.

Мне удалось счастливо проскочить среди этих опасных племен и не только исследовать Бингёльдаг, но и продолжить путь через горную цепь, в которую входит эта вершина, составляющая южный край долины реки Евфрат и находящаяся между меридианами Эрзурума и Эрзинджана.

Я спустился к последнему городу с высоты могучих горных укреплений, как бы воздвигнутых самой природой для укрытия древних кардуши, которые из-за слабости османского правительства пользуются в горах свыше 2200 лет дикой независимостью. Только этим можно объяснить, что национальные традиции сохранились здесь нетронутыми в течение многих веков, а племя это, столь активное и энергичное, смогло противостоять всем изменениям, оставаясь победителем среди обломков государств, рухнувших вокруг него.

Предоставленное самому себе и свободное от какого-либо иностранного влияния, оно сохранило оригинальный отпечаток.

По своей внешности курды близки к красивому персидскому типу. Лицо их одновременно дышит кровожадной смелостью льва и хитростью лисы. Эти черты, так ясно сквозящие как в наружности, так и в поступках, не исключают, однако, патриархальных добродетелей, переданных с такой наивной прелестью Библией в описании частной жизни кочевых народов. Так, если курд приглашает в палатку иностранца разделить с ним скромную трапезу, личность последнего становится неприкосновенной, пока он находится в гостях. Никого этим не оскорбляя (что имело бы место в среде любого другого народа Востока), он может любоваться красотой курдских женщин, которые, не в пример другим мусульманским женщинам, почти не закрывают лицо. Подобно мужчинам, они носят высокие головные уборы из белого фетра, обвитые в

виде чалмы белой или цветной материей. Такой убор придает смелый и горделивый вид прекрасному овалу их лица, покрытого бронзовым загаром и оживленного блестящими черными глазами. В остальном одежда курдских женщин весьма напоминает мужскую и состоит из своего рода узкой сутаны, доходящей до колен, с длинными, широкими рукавами и, наконец, из широких красных, синих или белых шаровар, суживающихся у щиколотки. Нога ясно вырисовывается, обутая в красную туфельку с очень низкими краями и загнутым вверх носком.

Однако не всякому выпадает честь быть приглашенным к столу в тесный семейный круг. Для иностранца, пожалуй, более осмотрительно известить заранее вождя племени о своем желании посетить передвижные городки, состоящие из палаток, материя которых выткана из черной козьей шерсти.

Неожиданное появление чужестранца может быть иной раз встречено ружейными выстрелами, тем более что в этих районах каждый пастух постоянно носит огнестрельное оружие либо саблю. Всадники вооружены, кроме того, длинными пиками, которые придают им внушительный и живописный вид, особенно в тех случаях, когда в момент хищнического набега они бросаются за добычей на конях, скачущих быстрым галопом.

Воинственный вид, характерный для курдов во время летнего отдыха в лагере, на горных пастбищах, они сохраняют отчасти и в деревнях, где проводят зиму в жалких лачугах, построенных из камней, скрепленных грязью и илом, и образующих узкие и темные жилища. Мы сочли бы их совершенно непригодными даже для животных.

В каждом углу такого жилища ошетинилось оружие. Подступы к лачугам украшены перекрещенными копьями, рядом конь прекрасных кровей, готовый в любую минуту унести своего господина, куда он прикажет. Многие курдские племена позволяют правительству находиться в наивном заблуждении, будто они являются османскими подданными. Такие племена именуются как «покорные курды». Они и в самом деле платят некоторые налоги, но не поставляют ни одного солдата турецкой армии. Зато они возвращают себе в сто кратном размере выплаченный ими налог, взимая его по своему усмотрению со всех деревень, находящихся в горах или поблизости от них и даже в долине Евфрата, между Эрзурумом и Эрзинджаном.

Особенно страдают от такого, так сказать, законно проводимого вымогательства, происходящего на глазах и с ведома местных турецких властей, армянские деревни. Мне часто приходилось наблюдать странное зрелище, когда значительная часть населения была поставлена вне закона в пользу другой, облеченной правом сильного. Однако я больше всего был поражен увиденным в деревне Сарыкая. Эта деревня

расположена на большом Эрзурумском почтовом тракте, всего в 12 французских милях от Эрзинджана, где находятся не менее семи пашей с 3 тыс. солдат регулярной армии, между тем как в деревне Мамахатун, еще ближе от Сарыкая (в трех милях), стоит артиллерийская часть с пятью орудиями. В одно прекрасное утро среди этого скопления вооруженных сил появились два курдских всадника, посланные вождем джурджукдагских племен Шах Гуссейном с приказом жителям, занятым сбором урожая, прислать значительную его часть их господину. Едва сдерживая слезы, бедные люди почтительно подчинились, тогда как мне очень хотелось испробовать на всадниках силу боя моего превосходного револьвера. Когда я выразил удивление по поводу того, что 300 человек покорно уступили требованиям двух мерзавцев, мне ответили, что малейшее сопротивление неминуемо вызвало бы угон скота или даже резню населения. «Но ведь вы же больше не в горах, как ваши братья,— сказал я, указывая рукой на Джурджукдаг,— вы на равнине, рядом с войсками, посланными падишахом для вашей защиты». — «Ах, господин,— послышался ответ,— вы давно живете в этой стране, так как же можете ставить нам такой вопрос? Говорят, что падишах милостив, но он далеко, и мы можем надеяться только на милосердие бога, которому целые века докучаем своими напрасными мольбами... Разве вы не знаете...» Тут появился турецкий офицер, сопровождаемый большой свитой слуг. Разговор прервался. Бедные люди тотчас принялись вновь за работу.

Я рассказал должностному лицу, облаченному в золотой мундир, обо всем, что видел (и что, впрочем, было лишь повторением виденного и слышанного мной ежедневно в Курдистане). Офицер сначала предложил мне трубку и кофе, а потом, пожав плечами и любезно улынувшись, сказал, что все это весьма прискорбно, но главнокомандующий тут ни при чем, так как согласно приказам падишаха применение строгих мер не рекомендуется. Если подобные дела совершаются безнаказанно вблизи войсковых соединений, причем те, кто их совершает, являются гражданами, внесенными в списки «покорных курдов» (такими признаны курды Джурджука), то Вам легко представить, что творится в той части Курдистана, население которой признается официально «непокорным».

Мне остается рассказать Вам о курдах как о поэтах и трубадурах. Благодаря любезности г-на М. Жаба, русского консула в Эрзуруме, у меня имеется нечто вроде баллады на курдском языке, в которой повествуется о приключениях двух влюбленных, укрывавшихся в горах Бингёльдаг. В самой фавбуле для нас, европейцев, нет ничего нового или оригинального.

Но этот маленький литературный памятник представляет

значительный интерес, если представить себе, что баллада написана на языке, почти совершенно незнакомом даже крупным ученым-востоковедам и, быть может, столь же древнем, как древние наречия из «Кардуши» Ксенофонта.

Курды, более двенадцати веков не переселявшиеся и сохранившие обычаи и нравы отдаленных времен, несомненно, говорили в прошлом на том же языке, что и сейчас. Будем надеяться, что М. Жаба, изучающий десять лет этот язык, скоро ознакомит нас с ним. Исследования этого искусного востоковеда тем более интересны, что он единственный в наше время успешно изучает язык народа, столь же древнего, как и малоизвестного. Ему удалось уже составить словарь и грамматику курдского языка; я видел объемистые рукописи его трудов, которые скоро будут напечатаны. Кроме того, он занят собиранием народных песен, древних легенд и описанием обычаев, веками передаваемых от отца к сыну. Среди этих любопытных документов, занимающих не одну полку библиотеки консула России, имеется баллада о любви Сиякмеда и Шемои. Действие происходит на упоминавшейся горе Бингёлдаг, куда я направлялся.

Г-н Жаба любезно вручил мне не только перевод с курдского, по мере возможности литературно обработанный, но также копию оригинала с разрешением передать ее Азиатскому обществу Франции, которое, вероятно, будет обрадовано возможностью пополнить свой бюллетень уникальным в своем роде памятником восточной литературы.

Предполагая прожить в Эрзинджане еще несколько дней, я воспользуюсь этим, чтобы написать Вам еще раз отсюда и послать упомянутую балладу в переводе на французский язык, так как я не хотел бы оскорблять ученых-востоковедов Европы предположением, что Ваши читатели способны расшифровать оригинал, мало кому доступный даже из наших академиков.

Письмо шестое

Эрзинджан, правый берег Евфрата, 17 августа.

Отправив Вам последнее письмо, я не покидал Эрзинджана, где мне пришлось задержаться дольше, чем предполагал. Пользуюсь этой задержкой, чтобы написать Вам еще несколько слов с берегов Евфрата и послать обещанный мной перевод небольшой курдской баллады. В нем я старался придерживаться возможно ближе оригинала, часто, однако, в ущерб изяществу и правильности стиля.

Во времена, когда Тимур-паша Милли был искиябаша*, уполномоченным сопровождать семьи (своего племени) во время летнего перехода из пустыни на пастбища Бингёльдага, появился молодой человек из племени Силиван Диарбекир. Он был умен, красив и очень храбр, но не имел никакой профессии и был совершенно без средств. Звали его Сиякмед. Тимур-паша Милли увидел его и взял к себе на службу. У паши была дочь Шемси, лет 16—17. Она была обворожительна, отличалась исключительной красотой. Сиякмед-Силиви и Шемси, дочь Тимур-паши Милли, понравились друг другу, взаимное чувство перешло в любовь, возраставшую с каждым днем. Сиякмед понимал, что Тимур-паша никогда не отдаст за него дочь по доброй воле. Сиякмед был простым курдом и к тому же слугой, тогда как Тимур одновременно — искиябашем и пашой.

Однажды Сиякмед сказал Шемси: «Доколе будем мы страдать от нашей несчастной любви? Мы никогда не увидим покоя до тех пор, пока мне не удастся тебя похитить. В этом случае мы спасемся или будем настигнуты погоней и убиты. Тогда завершится наша любовь!»

Одним словом, Сиякмед и Шемси решили бежать и ждали благоприятного случая, чтобы осуществить свое намерение. Пришло время Тимур-паше снимать лагерь. Вот уже все упаковано, люди спешат покинуть пастбище Бингёльдага, чтобы вернуться на зиму в свои дома в пустыне. Сиякмед и Шемси садятся, как и другие, на коней, но остаются в арьергарде при багаже. Им удастся отстать и бежать по направлению к Мушу, по дороге в Хелат. Тимур-паша и его люди, прибыв домой с наступлением ночи, заметили отсутствие Шемси и Сиякмеда. Все принялись кричать, что они исчезли. Тимур-паша немедленно выделяет 500 всадников и посылает их в путь по следам, оставленным вьючными лошадьми. Всадники скачут всю ночь и прибывают с восходом солнца в Бингёльдаг. Они всюду спрашивают о беглецах и наконец узнают от старика, отставшего от каравана, что Сиякмед и Шемси все время находились в арьергарде, а затем свернули на дорогу, ведущую в Хелат, и пустили коней галопом. Беглецы были вооружены копьями. Всадники повернули лошадей в указанном стариком направлении и помчались догонять беглецов.

Но что же, однако, произошло с Сиякмедом и Шемси? Проскакав галопом всю ночь и затем еще 20 часов на следующие сутки, они достигли горы Хелат в местечке Сенан. Почувствовав себя в безопасности, они сошли с коней. Вскоре

* Звание чиновников, которых османское правительство назначало в качестве своих представителей при курдских племенах.

прямо на них вышло несколько оленей. Сиякмед стреляет и ранит одного из них. Олень пытается спастись бегством. Сиякмед вскидывает ружье и бежит за раненым зверем, который карабкается вверх по отвесной скале, повисшей над бездной, затем изнемогает и падает. Сиякмед настигает оленя, хватывает нож, чтобы прикончить его, но в предсмертной схватке олень ударом рогов сбрасывает Сиякмеда со скалы в пропасть. У подножия ее стояло дерево с остроконечной верхушкой. Сиякмед упал на нее грудью, она пронзила его, и он тотчас скончался. Шемси не знает о его судьбе. Она ожидает его некоторое время у лошадей, а затем, видя, что Сиякмед не возвращается, направляется по его следам и находит убитого оленя. Бросив взгляд в пропасть, она увидела Сиякмеда на дереве. Подумав, что он нарочно влез на дерево, она несколько раз громко окликнула его: «Сиякмед! Сиякмед!» Убедившись в его смерти, Шемси, рыдая, предается отчаянию и наконец бросается со скалы на тело Сиякмеда.

Всадники, посланные за влюбленными вдогонку, подъезжают к месту, где стоят лошади. Шемси еще произносит несколько слов, но вскоре умирает. Влюбленных похоронили вместе. Могила их и поныне является местом паломничества. Сестра Сиякмеда-Силиви сложила в их честь несколько песен, которые курды поют и в наши дни. Собираясь вместе, они любят вспоминать это предание и петь песни, посвященные им. Песни так трогательны, что даже мужчины плачут над трагической судьбой несчастных влюбленных.

Приведенный образец курдской поэзии (первое литературное произведение такого рода, совершенно неизвестное в Европе) доказывает, что этот народ, живущий как бы отрезанным от мира в суровых горах и свыше тысячи лет отстаивающий свою независимость, сочетает кровожадные инстинкты с нежными сердечными порывами. В противоположность обычаям, присущим народам Востока вообще, курдская женщина служит объектом поклонения, которое не представляет собой ничего оскорбительного и даже славится в народных песнях. Курды во многом придерживаются более либеральных религиозных принципов, чем другие мусульмане. Впрочем, они в большинстве принадлежат к таинственной секте кызылбашей, учение которой освобождает своих последователей от многих варварских предрассудков и обычаев, присущих верным последователям Корана. Так, кызылбаши пьют вино, едят свинину и предоставляют женщине свободу, не допускаемую правоверными мусульманами. Более того, придавая мало значения внешним формам религии, они обычно довольно терпимы к другим вероисповеданиям, в том числе и к христианской вере.

Приведу пример, очень показательный для мусульманских стран. В десяти милях от города Муш, расположенного в центре курдского населения, находится большой и богатый армянский монастырь, обладающий уже давно огромным колоколом, созывающим верующих к молитве. Звон колокола, столь неприятный для мусульманского уха, не вызывает никакого раздражения у курдов. Они удовлетворены отношением армянских монахов, всегда готовых оказать своим воинственным хозяевам щедрое содействие, и совершенно не интересуются внешними формами их религии, поскольку она им не враждебна.

Такой пример религиозной терпимости со стороны диких сынов пустыни являет собой резкий контраст с неискоренимым фанатизмом турок, обосновавшихся в крупнейших городах Османской империи и ежедневно общающихся с европейцами. В самом деле, за исключением Константинополя и двух-трех городов побережья, где имеются консульства, христианам не удалось ни в одном из крупных городов страны добиться разрешения пользоваться колоколами своих церквей. В Гиресуне, где христиан больше, чем мусульман, Эрзуруме, Эрзинджане, Адане, Конье, Тарсусе, Токате, Амасье — словом, во всех значительных городах Малой Азии паши, опасаясь негодования мусульман, не посмели дать христианам соответствующее разрешение, несмотря на повторные указы из Константинополя, извещающие христиан о том, что всякое социальное и религиозное неравенство между ними и мусульманами должно отныне исчезнуть.

Но довольно о курдах. К тому же через несколько дней я намерен покинуть эту горную местность, где в это время года дожди и холод могут наступить неожиданно вслед за самой большой жарой. Я поэтому спешу спуститься в другие районы, направляясь к Токату и Амасье. Оттуда постараюсь добратся до Самсуна до наступления равноденственных бурь, от которых я надеюсь укрыться под гостеприимным кровом моего старого друга, английского консула г-на Гуараццо. Вот уже 12 лет, как я отдыхаю у него после путешествий, причем останавливаюсь в его доме так же просто, без каких-либо церемоний, как сделал бы это, вернувшись после долгих скитаний по Востоку в Париж и постучавшись в дверь собственного дома на улицах Шоссе д'Антэ или Тронше.

Константинополь, 4 октября.

После пяти месяцев, проведенных днем верхом, а ночью в палатке, настало наконец время отдохнуть от жизни под открытым небом. В мой переносный домик все чаще стало проникать ледяное дыхание близкой зимы; с каждым днем все бледнее становилась лазурь дивного восточного неба, а мрачные тучи напоминали холодную и окутанную туманами Европу. Все говорило о том, что пора возвращаться. Поэтому я решил сесть на пароход в Самсуне, и вот со вчерашнего дня нахожусь снова в столице Османской империи. Сейчас укладываю и регистрирую громадное количество различных коллекций, размещенных во множестве ящиков, присланных мне отовсюду. Я отправлял их по мере возможности с караванами в Константинополь или передавал губернаторам провинций с просьбой переслать сюда с первой же оказией. И вот теперь, убедившись в том, что действительно обладаю всеми этими сокровищами, добытыми с таким колоссальным трудом, я могу себя поздравить с успешным осуществлением весьма рискованной экспедиции.

В момент прощания с Турцией, изучаемой мной непрерывно в течение десяти лет, бывая в одних и тех же местах, моя мысль невольно обращается к многочисленным политическим изменениям, которые претерпела страна не только с тех пор, как я почти каждый год исследую ее в качестве натуралиста, но и с более отдаленного времени (20 лет назад), когда я впервые прибыл сюда как атташе императорской русской миссии. Итак, я спрашиваю себя: каковы же те изменения, которые произошли в стране вследствие упомянутых серьезных событий, и до какой степени значительные и постоянно возрастающие преобразования в ее столице могут рассматриваться как отражение аналогичных явлений внутри самой империи? Вот как раз по поводу этих мыслей, навеянных мимолетным воспоминанием о прошлом, мне и хочется побеседовать с Вами в течение нескольких дней, которые я проведу здесь в ожидании парохода, отплывающего в Триест.

Мне нет нужды напоминать Вам, что, не располагая никакими другими материалами, кроме путевых заметок, в которых сведения, не относящиеся к естественным наукам, кратко отмечаются как дополнительные, я шлю Вам лишь необработанную импровизацию. У меня нет возможности подкрепить правильность своих выводов данными из соответствующей литературы или путем сопоставления Турции с Европой. Это требовало бы кабинетной работы. Когда же я вернусь в Париж, в мою библиотеку, я предпочту другие дела политике и

быстро забуду эти немногие, наспех набросанные в редкие свободные минуты строки, направленные Вам с Востока.

В последние 20 лет Европа постоянно проявляла заботу о возрождении Османской империи. После неоднократных советов турецкому правительству осуществить некоторые важные мероприятия, которые фактически так и не были проведены в жизнь, Европа только что торжественно провозгласила, что Турция является отныне членом великой европейской семьи. В этих условиях естественно желание выяснить прежде всего, каковы те признаки, которые свидетельствуют о наличии в стране прогрессивных изменений, обнаруженных европейскими державами перед решением вопроса о принятии Турции в свою семью. Для этого было бы достаточно выяснить, проявилось ли это явление за последние 10 или даже 20 лет в таких основных областях государственной деятельности, как финансы, торговля, гражданская администрация и общественная безопасность. Сравнивая, чем была Турция за время моих десятилетних исследований, с тем, что она представляет теперь, можно обнаружить степень реальности того прогрессивного пути развития, на который она вступила.

Начнем с анализа состояния финансов. Сегодня, как и 20 лет назад, ежегодный доход составляет примерно 200 млн. фр. Бюджет невероятно вырос независимо от расходов, вызванных последней войной и, естественно, не подлежащих учету, поскольку речь идет об обычном положении вещей.

Десять лет назад ежегодный дефицит составлял примерно 30 млн. фр. В 1858 г. он достиг суммы, превышающей 70 млн. фр. Такой рост дефицита вызван не только добавочными расходами, связанными с войной, ибо в Англии, которой война стоила несомненно больше, чем Турции (ее расходы соответствовали ее ресурсам), дефицит в 1858 г., согласно докладу г-на Дизраэли в палате общин, достигает 3990 тыс. ф. ст. (99 750 тыс. фр.). Это составляет сумму, немногим большую одной десятой ежегодного дохода британского правительства, который исчисляется в том же официальном документе в сумме 63 120 тыс. ф. ст. (1568 млн. фр.), тогда как турецкий дефицит в том же году превысил треть государственного дохода.

То же самое можно сказать и о государственном долге Турции. Еще 20 лет назад она была, быть может, единственной страной в мире, которая могла похвастаться полным отсутствием задолженности и наличием в обращении только звонкой монеты. Теперь же ее государственный долг достигает 600 млн. фр., т. е. колоссальной суммы, если сравнить ее не с абсолютными цифрами (как это обычно делают платные и неплатные адвокаты Турции) государственного долга других стран Европы, а с соотношением в них поступлений и долгов.

Плачевное состояние турецких финансов зависит от мно-

гих причин. Отметим прежде всего разорительную и временами непонятную расточительность султана, несмотря на то что сумма его гражданского листа, установленная султаном Махмудом в 27 млн. фр., превышающая одну девятую часть ежегодных государственных поступлений, более значительна, чем у любого европейского монарха. Между тем личный долг султана (возрастающий ежедневно), т. е. сумма, занятая им частным образом у разных лиц на территории империи при неофициальном посредничестве банкиров (обычно из расчета от 6 до 10%), быстро принимает ужасающие размеры. В настоящее время она, по-видимому, не ниже суммы государственного долга. В Европе почти невозможно представить себе более сумасбродное расточительство, чем то, которое позволяет себе его императорское величество часто по самым легкомысленным причинам. Так, в конце апреля этого года султан получил заем с помощью купцов из Галаты из расчета 9% (7% основных и 2% комиссионных) в сумме 10 млн. фр., предназначенный исключительно на празднование в честь бракосочетания своих двух дочерей. Каждая прогулка на лодке или верхом влечет за собой приказ снести какой-нибудь дворец или же построить новый. Так, Чараганский дворец, недавно выстроенный отцом султана, был снесен и заменен новым. Только одна постройка дворца в Долмабахче обошлась 70 млн. фр., что превышает треть ежегодных поступлений в казну государства.

В связи с этим рассказывают весьма характерный анекдот. Как-то султан спросил у своего первого камергера, какова стоимость дворца. Тот ответил его величеству, что она не превышает 3500 пиастров (584 фр.), поскольку именно такова стоимость бумаги, потраченной на ассигнации, которыми были оплачены счета. Понятно, что при легкости, с которой можно достать нужные средства (т. е. при помощи султанских бумажных фабрик), каиме, или ассигнации, вытеснили из обращения в столице всю звонкую монету. В настоящее время она заменена купонами на сумму, превышающую 700 млн. пиастров (140 млн. фр.), что составляет почти половину ежегодного дохода страны. Несмотря на это, должностные лица в Константинополе получают жалованье исключительно в звонкой монете. Они заинтересованы в сохранении нынешнего положения ввиду того, что каиме упали в цене до 30% своей номинальной стоимости. Как видно, чиновники извлекают из всего этого для себя весьма значительную прибыль.

Поскольку я упомянул мельком об окладах чиновников, следует отметить, что и в этом отношении на финансы страны ложится тяжелое бремя, не соответствующее ее потребностям и возможностям. В Турции не менее 30 министров и 120 мюширов, или маршалов. Содержание одного министра составляет в среднем 250 тыс. фр. в год, а каждого мюшира —

200 тыс. фр., т. е. в целом 31 млн. фр. Иными словами, министры и высшие военные чины обходятся государству в сумму, превышающую одну шестую часть всего годового дохода. Это не помешало, однако, назначению только в августе текущего года шести новых мюширов!

С другой стороны, громадные оклады высших военных чинов являются резким контрастом с ничтожной оплатой служащих более низкого ранга. Так, например, мюдиры, или начальники административных районов, получают ежегодно в среднем лишь 30 тыс. пиастров (от 5 до 6 тыс. фр.); заптие (всадники, входящие в состав иррегулярных войск и являющиеся вооруженной силой гражданской администрации, или полицией) получают лишь 160 пиастров (около 40 фр.) в месяц. На эти деньги они должны прокормить себя и коня, а также приобрести необходимое оружие.

Другим фактором, парализующим турецкие финансы, являются вакфы, сохранившиеся со времен завоевания Константинополя. Их до сих пор не коснулась еще ни одна реформа.

Слово «вакф» обозначает недвижимое имущество церкви (мечети), освобожденное от налогов и представляющее собой нечто вроде государства в государстве. Эти привилегированные владения приносят доход примерно в 40 млн. фр., что, впрочем, далеко не отражает их действительной ценности, поскольку из-за плохого хозяйственного управления они приносят лишь незначительную часть прибыли, которую можно было бы выручить при более рациональном хозяйстве. Помимо того что казне наносится ущерб от необложения налогами церковных владений, вакф лишает государство законного дохода. Он распространяется на множество частных предприятий при помощи хитрой, всем известной уловки, практикуемой веками в Турции. Чтобы избежать грабежей или легального обложения налогами, турецкие подданные, как христиане, так и мусульмане, уступают на основании фиктивного договора свои владения вакфу. Он, конечно, принимает эти «дары» и оставляет их прежних владельцев в качестве пожизненных арендаторов за совершенно ничтожное вознаграждение.

Таким образом, за значительную часть прекрасных владений государственная казна совершенно не взимает налогов, и даже в наши дни в Константинополе имеется множество домов, принадлежащих не только туркам, но и европейцам, освобожденным от всяких налогов, так как официально они числятся за вакфом. Мне известен один дом, приносящий владельцу 20 тыс. фр. в год. Вакфу, собственностью которого считается дом, выплачивается ежегодно лишь 200 пиастров (33 фр.), что, конечно, равносильно полному освобождению от налогов.

Если бы мне пришлось писать труд о статистическом и политическом положении Турции, я мог бы назвать множе-

ство других причин, которые объясняют хаос, царящий в турецких финансах, и моменты, не дающие оснований надеяться на улучшение такого положения, поскольку они не носят характера временных затруднений и не вызваны внешними явлениями. Причина финансовых неурядиц коренится гораздо глубже, в нездоровой почве, которую всячески стараются украсить газоном и экзотическими цветами, чтобы придать ей видимость жизнеспособности.

Я обратил Ваше внимание на некоторые, особенно заметные черты, характеризующие нынешнее состояние турецких финансов.

В следующем письме я расскажу кратко о состоянии торговли в этой стране сейчас и 20 лет назад, когда я прибыл в нее впервые.

Письмо восьмое

Константинополь, 6 октября.

В предыдущем письме я коснулся финансов Турции. Сегодня поговорим о ее торговле, причем я продолжу сравнение нынешнего положения с прошлым. Пути сообщения являются первым условием для развития торговли и промышленности. В этом отношении я не обнаружил здесь каких-либо изменений, проехав, как и 20 лет назад, верхом на лошади по обширным необработанным, диким и малонаселенным районам страны. Как и прежде, здесь нет никаких дорог, не наблюдается даже стремления прорыть судоходный канал. Как и прежде, товары доставляются в тяжелых условиях, на вьючных животных, что вызывает большие расходы. Сельскохозяйственные работы производятся теми же варварскими сельскохозяйственными орудиями, которые еще 20 лет назад возбуждали мое любопытство, погрузив юное воображение в поэзию первобытного мира.

Правда, сейчас усиленно поговаривают о проведении железнодорожных путей, что, несомненно, принесло бы огромные плоды. Однако за исключением небольших опытов, ничего существенного еще не достигнуто. Впрочем, строительством дорог ведают несколько европейских предприятий. Оно отнюдь не является инициативой правительства.

Как и 20 лет назад, торговля парализована варварским законом, по которому с каждой импортной сделки взимается 5%, а с каждой экспортной — огромная пошлина в 12%. Как и 20 лет назад, почти все административные должности, важные для развития торговли, промышленности и сельского

хозяйства, являются объектом концессий или продаются с аукциона, несмотря на закон Гюльхане, опубликованный около двух десятилетий назад и обещавший полную отмену стеснительных сделок такого характера.

Ничто не может продемонстрировать так наглядно бессилие и неспособность турецкого правительства, как его готовность прибегнуть всякий раз к услугам иностранцев при осуществлении административных или финансовых мероприятий, от проведения которых оно надеется получить выгоду. Таможенная концессия — наиболее яркое доказательство правильности этого утверждения. В Малой Азии правительство сдало в аренду две таможенные линии, идущие вдоль северного побережья, от Константинополя (исключительно) до Батуми, и вдоль западного и южного побережья, от Измита до Мерсины (в Киликии, возле города Тарсуса). Северная линия была передана четырем левантийским купцам, а линии западного побережья переданы другим семи купцам. Почти все купцы — подданные европейских держав, обосновавшиеся в Леванте. Концессия северной линии была отдана за 8 млн. пиастров (пиастр равен 4,5 фр.), тогда как правительству она приносила доход всего лишь в 3 млн. пиастров; западные и южные линии, приносившие правительству 23 млн. пиастров, — за 35 млн. пиастров. Концессионеры не имеют права изменять основы таможенной системы и должны выполнять операции по правилам, установленным турецким правительством; они могут надеяться на прибыли лишь в том случае, если улучшат работу машины, которая плохо работает у турок. Именно поэтому они стремятся прежде всего заменить персонал таможен служащими по собственному выбору, дают им более высокие оклады и тщательно следят за выполнением работы. Нет необходимости подчеркивать, что умение новых руководителей неизбежно выявит все недостатки в работе таможенных учреждений страны.

Небрежность и продажность прежних турецких должностных лиц прикрывали эти недостатки. Поэтому трудности при выполнении коммерческих сделок значительно усилились: ничто теперь не ускользает от бдительного ока концессионеров, они безжалостно взимают пошлину в 12% с самой незначительной посылки из одного турецкого порта в другой. Это обстоятельство повсеместно задерживает развитие торговли.

То же, даже в большей степени, можно сказать о концессии на десятинный налог (ашар). Со страхом и трепетом ждет земледелец дня, когда чиновники должны проверить количество собранного им зерна в целях исчисления соответствующего налога. Крестьянам запрещено притрагиваться к зерну, сваленному после обмолота под открытым небом. Уборка зерна в амбары и осенний сев приостанавливаются до появления чиновников. Между тем в это важное для земледельцев вре-

мя правительство приступает к продаже с торгов права на взимание десятинного налога. Чтобы повысить цену на концессии, оно задерживает заключение контрактов. Часто концессионеры получают возможность приступить к работам лишь после начала осенних дождей, когда часть зерна уже попорчена от сырости.

Каждый год возникают в той или иной степени такие затруднения, вызванные преступным равнодушием со стороны правительства к интересам деревенского населения. Как и 20 лет назад, я имел возможность наблюдать эту печальную картину. Так, в начале сентября, когда я направлялся из Амасьи в Самсун, бури равноденствия, наступившие в этом году раньше обычного, повредили пшеницу и ячмень, собранные в живописной и плодородной равнине Сулуовасы. Крестьяне со слезами смотрели на горестную картину, не смея укрыть свое добро от разбушевавшейся стихии; чиновники, которым надлежало взимать десятинный налог, еще не появлялись. Желая взвинтить цены, правительство приостановило заключение контрактов. Потери, понесенные вследствие этого, были весьма значительны. Они отражались одновременно на настоящем и будущем, так как из-за плохого урожая в прошлом году не удалось сохранить зерно к предстоящему посеву, для которого собирались использовать сбор текущего года. Откладывать же посев было невозможно ввиду позднего времени года.

Я не буду говорить Вам о разного рода препятствиях, которые, как и прежде, встречаются в других отраслях промышленности. Отмечу лишь, что вопрос о рудниках, имеющий жизненно важное значение, особенно для Малой Азии, находится сейчас в более плачевном состоянии, чем тогда, когда я подробно осветил его в ряде статей, помещенных (если не ошибаюсь, шесть лет назад) в «*Revue des deux Mondes*». К этим статьям я Вас и отсылаю, чтобы не повторять самого себя.

Уважаемый австрийский горный специалист господин де Полини, руководивший с редкой энергией и знанием дела работой всех шахт Османской империи, в конце концов не выдержал борьбы с варварством и интригами, с которыми он столкнулся. После его отставки шахты перешли в руки неопытных армян и греков, настолько запутавших дело, что теперь сам черт не разберет! Богатые залежи каменного угля на северном побережье между Эрегли и Амасьей могли бы поставлять для турецких пароходов превосходное топливо и тем самым нанесли бы жестокий удар по конкурентам — австрийским и французским пароходным обществам. Они вынуждены привозить уголь издалека и очень хотели бы получить концессию на эти рудники, не приносящие правительству никакой пользы.

Однако все попытки добиться концессии со стороны Австрии, Франции и Англии оказались тщетными. Не решаясь передать концессию одной из названных стран, чтобы не вызвать недовольства других, Турция предпочла сама начать добычу каменного угля, хотя не была в состоянии обеспечить углем свои немногочисленные пароходы. Между тем во время войны одной английской компании удавалось снабжать турецким углем весь союзный флот.

А как разрабатываются угольные копи в настоящее время? Группы хорватов и черногорцев обращаются с просьбой работать за свой счет с обязательством продавать добытый уголь только правительству по 3,5 пиастра за кантар⁹. Получив разрешение, они наугад пробивают отверстия направо и налево. Когда после тысячи таких пробных операций, часто вредных для будущей разработки, им удастся добыть поверхностный слой угля, они несут его турецким чиновникам. Если им удастся получить за него деньги, они продолжают свои эксперименты до тех пор, пока не наталкиваются на какое-нибудь затруднение, преодоление которого требует хотя бы небольшого навыка и элементарных технических познаний. Этого обычно достаточно, чтобы вызвать у них отвращение к дальнейшим попыткам. Довольные ничтожным заработком, они бросаются искать счастье в другом месте. Если же турецкие чиновники задерживают выплату скромной суммы, установленной правительством, или же (это случается чаще всего) они предпочитают вообще ничего не платить за товар, бедняки, совершенно разоренные, разбредаются кто куда, выбирая подчас другое ремесло, более выгодное и требующее меньших затрат: воровство или разбой.

Приведенных примеров достаточно, чтобы доказать, что тяжелые условия, в которых находилась турецкая внутренняя торговля и промышленность 20 лет назад, полностью сохранились и сейчас, несмотря на многократные обещания правительства ликвидировать огромные препятствия, обрекающие эти отрасли на вымирание. Что касается внешней торговли, то она, конечно, достигла некоторого развития, несмотря на огромную пошлину в 12%. Однако этот процесс вызван в первую очередь открытием пароходных линий, что опять-таки произошло по инициативе Европы, без сотрудничества с которой они немедленно пришли бы в упадок. Во всяком случае, это слишком серьезный вопрос, чтобы на нем вкратце не остановиться. Я это и сделаю в следующем письме.

Константинополь, 10 октября.

Сообщив Вам о плачевном застое в турецкой промышленности и внутренней торговле, я обещал написать несколько слов о пароходных линиях, которые создали известный импульс в турецкой внешней торговле. Не имея времени рассказывать о всех линиях, которые пересекают моря, омывающие обширные берега Османской империи, ограничусь лишь теми из них, что проходят по Черному морю. Именно там открывается новая эра для коммерческого и политического развития Турции в связи с введением системы двойного обслуживания: курсирующими французскими пароходами и русскими, которые скоро к ним присоединятся. Пароходная линия, обслуживающая побережье между Константинополем и Трабзоном, представлена в настоящее время судами, плавающими под тремя флагами: австрийским, турецким и французским. Английские пароходы прекратили рейсы: не получая государственных субсидий, они не могут выдержать конкуренции с компаниями, пользующимися таким преимуществом.

Только изредка можно наблюдать появление двух других пароходов, одного — под английским, другого — под греческим флагом, в портах, регулярно обслуживаемых тремя упомянутыми державами. Каждая из них владеет тремя судами. Суда заходят в четыре порта: Инеболу, Самсун, Гиресун и Трабзон (только австрийские суда заходят в Орду и Конжугас). В каждом из этих портов названные государства имеют свои агентства. Порты Самсун и Трабзон имеют наибольшее значение. В них пароходы принимают не только крупные товары, но и большое число пассажиров. Гиресун важен как пассажирский порт, поскольку основной товар, вывозимый из него, почти не отправляется на пароходах этой линии. Товар этот — орехи. Их культура так сильно развилась в Гиресуне и его пригородах, что в годы высокого урожая сбор орехов достигает 80 тыс. квинталов (4480 тыс. кг, учитывая, что местный квинтал равен 56 кг). Примерно половина указанного экспорта доставляется на парусных судах в Таганрог, Одессу, дунайские княжества и даже в Англию (в годы плохого урожая в Испании).

Вполне возможно, что русские пароходы, обслуживая эту отрасль торговли, извлекут для себя значительную пользу. Регулярное курсирование французских пароходов по Черному морю имеет для Франции чрезвычайно большое значение. Впервые трехцветный флаг обосновывается в бассейне Понта Эвксинского, где до сих пор он не представлял коммерческие интересы Франции. Его появление с самого начала отмечено

большими успехами. Преимущество, полученное судами французской пароходной компании, превзошли все ожидания. Всюду, где они останавливаются, их явно предпочитают другим как в отношении удобств для пассажиров, так и для торговли.

Показательным является также тот факт, что большим успехом пользуются пароходы этой компании, дерзнувшие на Дунае соперничать с богатыми и старинными австрийскими пароходными обществами — Венским и Ллойд, обладающими примерно 200 пароходами, обслуживающими реку и ее притоки. Несмотря на колоссальную конкуренцию, французское агентство в Гиресуне во время моего пребывания там получило инструкцию не принимать товары для французских пароходов на Дунае, которые с трудом справлялись с грузом, поступающим сюда отовсюду.

Таким образом, в то время как по всему побережью Черного моря австрийские и турецкие пароходы всячески старались завоевать для себя предпочтение, снижая постепенно тарифы за провоз, французские пароходы не только сохраняли их на прежнем уровне, но порой и повышали. Не подлежит сомнению, что Императорская пароходная компания обязана главным образом усердию, честности и деловитости своих агентов тем необходимым успехом, которым пользуются ее суда как на Черном море, так и на Дунае. Возможно, однако, что сыграли роль и симпатии к Франции.

Ввиду того что почти вся торговля и промышленность сосредоточены в руках раия (турецких подданных-христиан), следует ожидать, что перевес окажется на стороне той державы, которая больше всего привлечет на свою сторону турецких христиан — либо воспоминаниями и перспективами, либо авторитетом национального характера и религиозных идей, либо, наконец, прелестью новизны, особенно действующей на христианских подданных Турции. Они полагают, что, утратив надежды и иллюзии в отношении какой-либо одной европейской державы, можно связать их с другой. Так, они уже знают, чего можно ожидать от Австрии, пользовавшейся до сих пор на Черном море почти исключительной монополией в области судоходства. Будущее для них уже не представляет ничего неизвестного, что могло бы поразить воображение как народов, так и отдельных лиц. Что касается Франции и России, то они до этого не выступали на берегах Понта Эвксинского в качестве торговых наций, пароходы которых обслуживали бы побережье регулярными рейсами. Именно поэтому турецкие христиане свяжут с этими странами новые для них надежды, которые не были осуществлены другими.

Соображения такого рода дают основание полагать, что русским пароходам на этой линии предстоит блестящее будущее, независимо от преимуществ, которыми они обладают

наряду с французскими судами. Им будут благоприятствовать воспоминания последней войны¹⁰ и религиозные симпатии греческого населения, столь многочисленного и влиятельного на черноморском побережье. Однако России не следует обольщаться. Она сможет извлечь выгоду из нового и полезного предприятия лишь в том случае, если им будут руководить в основных портах между Константинополем и Трабзоном опытные и умелые агенты со специальной подготовкой. Эти агенты должны в совершенстве владеть местными языками и пользоваться независимостью и уважением, которые на Востоке завоевываются личными качествами в совокупности с соответствующими денежными ресурсами.

Следовательно, эти служащие должны хорошо оплачиваться. Им надлежит заботиться в первую очередь о торговых интересах и по возможности не жертвовать ими ради политических. Последние будут автоматически обеспечиваться вслед за первыми, причем на Востоке всегда окажут предпочтение тем пароходам, которые готовы принять наибольшее количество товаров и пассажиров. А денежный фактор всегда играет существенную роль при выборе нужного парохода.

Французская компания прекрасно поняла важность этих соображений. Она выделила директору черноморской линии в Константинополе оклад в 35 тыс. фр., что вдвое больше оклада директора австрийской компании. С другой стороны, она назначила английского консула в Самсуне (управляющего также французским консульством) своим агентом в этом важном порту, где он вследствие своих качеств, оклада, получаемого от своего правительства, и энергичной поддержки со стороны английского посла в Константинополе пользуется особым влиянием. Этот выбор тем более удачен, что ввиду прекращения деятельности английской пароходной линии консул может использовать все свое влияние в интересах французских пароходов.

Если в организации пароходства на Черном море Россия сумеет воспользоваться огромными материальными и моральными преимуществами, которые, к несчастью, были ранее ею утрачены, то можно без преувеличения сказать, что в тот день, когда волшебная сила пара помчит русские пароходы по водам Понга Эвксинского, а русские поезда по путям между морями Черным, Балтийским и Каспийским, Россия будет вправе отметить не только как одно из самых славных, но в конечном счете и наиболее благоприятных для нее событий — это потопление черноморского флота и разрушение грозной твердыни Севастополя.

Неоценимое значение этих двух катастроф заключается в том, что они разбудили погруженного в сон великана, показав, что для реального осуществления самых величествен-

ных замыслов он имеет возможность пользоваться оружием гораздо более эффективным и неотразимым, чем оплоты из гранита или человеческих тел.

Однако я замечаю, что в мечтах о волшебном действии пара умчался слишком далеко за пределы письма. Итак, я на этом сегодня беседу окончу и возобновлю ее в следующем письме. В нем постараюсь продолжить краткий анализ основных жизненных сил Османской империи, чтобы в конце концов ответить на вопрос, находятся они в состоянии развития или упадка.

Письмо десятое

Константинополь, 12 октября.

Одна из страшнейших ран, разъедающих издавна дряхлое тело Османской империи, несмотря на указы правительства, обещавшие исцеление,— это порочная организация государственной машины. Не останавливаясь на вопросе, могут ли 30 администраторов с титулом «министр» управлять этой машиной, регулируя и облегчая ее действие, я постараюсь вкратце показать, насколько проведенные реформы сгладили дефекты этого причудливого аппарата. Начнем с крупных административных подразделений, называемых эялет или пашалык, провинций (санджак) и уездов (каза). Эти округа, в организации которых нет ничего порочного, существуют как и прежде. Однако наследственные права пашей аннулированы с изъятием из их ведения чисто военных вопросов. Так что в каждом эялете, где расквартированы регулярные военные части, имеются паша военный и паша гражданский.

Впрочем, во многих турецких провинциях, в частности в Малой Азии, войск значительно меньше, чем прежде. Так, до Восточной войны в азиатской армии насчитывалось от 25 до 30 тыс. воинов, сейчас же их всего 10 тыс. Правда, ни одна из турецких провинций так не пострадала от войны, как Малая Азия, поставившая больше всего рекрутов и потерявшая около 50 тыс. человек в результате кровавых боев под Кючюкдере, Башладеларом и Ахалцихе. Отмена наследственных прав пашей и разграничение их гражданских и военных обязанностей, пожалуй, единственная реформа, которую удалось осуществить из обещанных в 1839 г. основным законом Гюльхане и в 1856 г. Хатти хумаюном. Прочие остались для страны пустым звуком, а для Европы — блестящей мистификацией. Как и в прежнее время, назначение на должность паши в Константинополе очень напоминает продажу

с торгов. Между тем при выполнении своих обязанностей эти сановники находят, как и прежде, полный простор для произвола, с той только разницей, что сейчас они не имеют права лишать человека жизни. Однако они могут сделать эту жизнь невыносимой и даже горше смерти. Паши оплачиваются щедростью, неизвестной в Европе. Кроме непомерно высокого оклада паши извлекают в соответствии с законом весьма существенные прибыли. Так, например, им разрешается взимать 5% от стоимости всего, что является объектом судебного процесса, причем вопреки справедливости налог выплачивает им выигравшая, а не проигравшая сторона. Законный доход паши представляет собой лишь незначительную часть того, что он получает от своей провинции незаконно. Так, назначение мюдиров (начальников уездов и округов) является для их превосходительств обильным источником (будничное явление), что в некоторых пашалыках сумма этой скандальной ренты так же хорошо известна, как доход, поступающий с какого-нибудь поместья или фермы.

Например, эрзурумскому паше приписывают годовой доход в 4 млн. пиастров (примерно 800 тыс. фр.), который складывается из сумм, вносимых для него в разных случаях и под различными предлогами 61 мюдиром подчиненного ему пашалыка. Это составляет в среднем свыше 60 тыс. пиастров с каждого. Между тем оклад мюдир не превышает в среднем 30 тыс. фр. Из сказанного ясно, что эти господа должны в свою очередь возмещать в другом месте обязательные расходы, произведенные на подарки своему начальнику, который в качестве мюшира, или трехбунчужного паши, получает ежегодно оклад 200 тыс. фр. С другой стороны, если при скромном окладе низшие чиновники считают своей обязанностью снабжать начальника средствами, намного превышающими их собственные, легко заключить, что они видят в этом молчаливое указание на необходимость искать нужные средства на стороне. Так же поступают и паши по отношению к правительству, когда оно требует с них суммы, превышающие законные сборы в провинциях.

Так, правительство извлекает из дохода, получаемого пашалыком Амасьи с поземельной подати (сальяне), особые суммы на расходы, не имеющие отношения к упомянутой провинции, например на оплату жалованья армейскому корпусу, стоящему в Эрзинджане, содержание рудников в Токате и т. д. Все эти экстренные ассигнования имеют лишь одно неудобство: сальяне пашалыка Амасьи приносит 3 млн. пиастров, между тем как правительство требует 7 млн. Паша, привыкший читать между строк, знает, конечно, как поступать, когда дело идет о приказе, цель и причину которого он понимает лучше всех. В результате солдаты армейского

корпуса в Эрзинджане не получают жалованья вот уже 26 месяцев. Это, однако, не отражается в бюджетных ведомостях, ежегодно представляемых его императорскому величеству с указанием, что эта статья расхода полностью покрыта пашой Амасьи.

Мне было бы легко написать толстую книгу с перечислением всех административных махинаций, должностных преступлений и вымогательств, которые я наблюдал в течение десяти лет и которые всем известны и в общем не порицаются в Константинополе. Они являются естественным и неизбежным следствием вековой системы, неизменно сохраняющейся в тысяче различных видов. Нельзя тронуть ни одного звена этой цепи, не разорвав ее всю, пошатнуть хотя бы одну колонну, не разрушив всего здания.

Перейдем теперь к одному из самых острых вопросов современности, который послужил предлогом к кровавой войне, закончившейся Парижским договором. Я имею в виду проблему христианских подданных империи, которым последними указами было обещано полное равенство с мусульманами перед законом и участие в управлении страной.

Для осуществления этого обещания были учреждены муниципалитеты (меджлисы), о которых много говорили в Европе, не отдавая отчета в реальном характере этого органа в самой Турции и довольствуясь собственным толкованием термина. Вы увидите, что и в этом вопросе, как почти во всех других, относящихся к Востоку, наш прекрасный Запад находится в полном заблуждении.

В главном городе любой провинции имеются два муниципалитета: тиджарет меджлис, или коммерческий суд, и меджлис кебери, или великий совет. Первый разрешает разногласия, возникшие между турками и христианами, иностранными подданными. Он состоит из шести членов-турок, назначенных пашой, и председателя, тоже турка, назначенного фирманом Порты. В каждом случае при рассмотрении дела, возникшего между иностранцем и османским подданным, суд предлагает совету, в ведении которого находится первый, прислать четыре, пять, редко шесть лиц по его выбору, чтобы решить вопрос большинством голосов совместно с турецкими членами суда. Как очевидно, даже в тех случаях, когда суд допускает к участию в процессе шесть христиан, большинство голосов заранее обеспечено за мусульманами.

Однако среди всех учреждений, порожденных реформой, институт коммерческих судов наименее порочный. Он может иной раз действительно оказать услугу, но только потому, что он непосредственно касается подданных европейских держав, которые, особенно великие, всегда знают, как оказаться правыми. Маленькие же державы порой приносят в жертву, если великие считают это необходимым. Иначе об-

стоит дело со вторым видом муниципалитета, т. е. с меджлис кебери, в котором мусульмане имеют дело только с христианами, турецкими подданными, и где не нужно опасаться вмешательства со стороны европейских держав.

Между тем эти мнимые национальные представительства зиждутся на следующих принципах. В каждой местности райя (турецкие подданные-христиане) представлены не в соответствии со своей численностью, а лишь по числу существующих в ней обрядов. Так, местность, населенная 6 тыс. армян и 20 греками, имеет в меджлисе только двух представителей: один представляет армянский обряд, а другой — греческий. Ввиду того что у христиан, подданных Турции, имеется только три обряда (евреи все еще никак не признаются) — греческий, армяно-грегорианский и армяно-католический, в каждом муниципалитете может быть только три члена-христианина, независимо от численности представляемого ими христианского населения.

С другой стороны, все главные чиновники являются (без избрания) членами меджлиса. Потом следуют члены-турки, избранные мусульманским населением. Из этого вытекает, что, как бы ни было многочисленным христианское население, представленное членами меджлиса, подавляющее большинство непременно принадлежит мусульманам. И даже в тех случаях, когда местное население (например, в Айвазлы и на некоторых островах Архипелага) состоит исключительно из христиан, последние никогда не смогут иметь больше трех представителей. Чиновники — все мусульмане — куда более многочисленны, они всегда будут в большинстве.

Приведем пример: в городе Гиресуне из общего числа в 12 тыс. жителей 2 тыс. мусульман, остальные (армяне и греки) христиане. Последние, конечно, имеют только двух представителей, тогда как у турок их семь, а именно: каймакам (как глава администрации), хазинедар (казначей), муфтий (глава местного духовенства), кади (судья) и три члена, избранные турецким населением. Одного только этого примера достаточно, чтобы составить представление о призрачном характере представительства христиан в меджлисе.

Однако обман становится совсем явным, когда отдаешь себе отчет в глубокой деградации, к которой привели христиан столько веков рабства и унижений. Деморализация настолько велика, что, если бы число христиан оказалось равным числу турок, христиане и тогда пребывали бы в состоянии неподвижных и немых мумий в присутствии паши или каймакама — их автоматических председателей, от которых полностью зависит положение христиан в настоящем и будущем.

Мне бы очень хотелось открыть глаза нашим государственным мужам и журналистам, которые с восхищением го-

ворят о новых условиях, созданных в Турции для райя. Если бы только они могли, как я, присутствовать на одном из представительных собраний, не в местности близ Константинополя, где имеются иностранные консулы, присутствие которых всегда оказывает известное влияние, но в провинциальном городе, куда голос столицы доходит лишь до ушей тех, кому важно скрыть его, и где выспренные и либеральные указы султана являются в известном роде мифом, — они бы увидели там две или три жалкие личности с опущенными глазами и руками, прижатыми к коленям, сидящие на корточках внизу эстрады или возле дивана, на котором удобно разместилось множество толстых турок. Последние обсуждают местные вопросы и бросают время от времени властный взгляд на скромных собратьев, спешащих ответить либо почтительным кивком, либо застенчивым возгласом «эвет, эффенди» (да, господин!). Право, лучшего зрелища не придумаешь для наших иллюстрированных журналов!

Мы ознакомились с характером того представительства, которым преобразовательные указы одарили христиан. В следующем письме мы побеседуем о том, что представляет собой в действительности равенство христиан с мусульманами, которым они якобы пользуются.

Письмо одиннадцатое

Константинополь, 13 октября.

Среди торжественных обещаний, которые были даны христианам в указах Порты, нужно отметить разрешение служить им в армии и, следовательно, отмену хараджа — подушного налога, взимавшегося с них за то, что они не допускались в армию, а также признание за ними права давать показания в судах. Посмотрим, как эти обещания выполнены.

Харадж действительно отменен, но тут же заменен другой, гораздо более тяжелой повинностью. Считается, что она ложится лишь на христиан, желающих избежать рекрутского набора, и потому является необязательной. Так гласит новый закон, и это совершенно справедливо. В действительности факты показывают иное.

Известно несколько случаев, когда отдельные райя, побуждаемые нищетой, решались испробовать новую рискованную карьеру, открывшуюся перед ними в соответствии с Хатти хумаюном. Они обратились с просьбой включить их в рекрутский набор. Однако соответствующего разрешения на это они не получили, несмотря на ясный смысл указа султа-

на. Власти на местах каждый раз отклоняли такие ходатайства с удивлением и раздражением, характерными для людей, не желающих понять, что им говорят. Впрочем, христиане редко напрашиваются на такой отказ, зная прекрасно, что в рядах армии они были бы париями, которым закрыт всякий доступ к малейшему повышению по службе.

Турецкий военный, услышав, что он мог бы оказаться под начальством генерала или полковника из числа армян или греков, умер бы со смеху. Такая гипотеза была бы настолько нелепа, что сами райя, узнав о ней, невольно разделили бы веселость турецкого военного, подобно лакею, который не мог бы удержаться от смеха при мысли, что он сел в экипаже на место барина, а тот занял его — на облучке.

Словом, христиане, как и прежде, совершенно отстранены от службы в армии. Особенно смешным, а еще более жестоким является то, что обнародование указа султана, сулившего допустить в ряды армии христиан, привело к введению налога, уплачиваемого за избежание военной службы: харадж в худшем случае исчислялся скромной суммой в 30—40 пиастров с человека, тогда как новый налог достигает 300—400 пиастров.

Итак, вопреки торжественным обещаниям сохранены все препятствия, мешающие христианам — турецким подданным стать на равную ногу с мусульманами. Но может быть, христиане получили наконец право выступать в суде как лица, слово которых имеет моральный вес? Иначе говоря, принимаются ли их показания в суде согласно объявленному указу султана? Теоретически — да, практически — нет. Я сам имел случай не раз настаивать перед каймаками и пашами на показаниях, представленных христианами и отвергнутых кадием. Как паши, так и каймакамы отвечали мне с изысканной вежливостью, что кадий не прав; они напишут об этом в Константинополь, но что они не могут без унижения достоинства мусульманского судьи заставить его пересмотреть приговор, который он счел нужным вынести.

Все это, вероятно, Вас удивит, и Вы, пожалуй, спросите, как же можно, чтобы столь торжественные обещания, провозглашенные в Хатти хумаюне перед лицом всей Европы и гарантированные европейскими державами, остались невыполненными? Так слушайте же, и Ваше удивление возрастет, когда Вы узнаете, что этот пресловутый указ гораздо более известен в Европе, чем в стране, где ему надлежало открыть новую эру. Имеется ряд провинций, где местная высшая власть, которой было поручено ознакомить с ним население, воздержалась от этого. Так случилось, например, в большом азиатском городе Эрзуруме.

Что же там произошло? Лишь после подписания Парижского договора Хатти хумаюн, обнародованный в Константи-

нополе за несколько месяцев перед тем, был официально передан паше Эрзурума (им в то время был Ведхи-паша, занимающий теперь ту же должность в Салониках) с приказом обнародовать его во всей провинции. Его превосходительство немедленно вызвал к себе двух турок, членов меджлиса, которые пользовались его наибольшим доверием. На этом тайном совещании было решено, что документ, компрометирующий достоинство османского правительства, не может быть предан огласке. Затем он вызвал двух христиан — членов меджлиса: армяно-грегорианского и армяно-католического архиепископов, дал им прочесть указ султана и передал каждому по копии со словами, что им надлежит ознакомиться с этим августейшим документом своих единоверцев. В этом случае, добавил паша, он не будет отвечать ни за их собственную жизнь, ни за жизнь тех, кто составляет их паству. Конечно, оба прелата, дрожа от страха, низко поклонились в молчании и отправились к себе, чтобы спрятать опасный документ; само собой разумеется, они ничего не сказали о нем христианам. Однако благодаря либеральным принципам и благородной деятельности английского консула г-на Бранта несколько копий указа, снятых в его канцелярии, дошли до населения. Это была частная инициатива, и она произвела незначительное впечатление на христиан. Видя, что она не поддержана законной властью, они подумали, что стали жертвой новых иллюзий.

С другой стороны, неофициальной огласки, которую получил документ, оказалось достаточно для того, чтобы еще более ожесточить турок, увидевших в этом факте безосновательное вмешательство иностранца, действующего по собственному почину и публично осужденного молчанием пашы. В результате робкое соглашение, которое было достигнуто и начало проявляться в Эрзуруме между мусульманами и раия, вновь сменилось старой враждой. С этого времени как кадии, так и меджлис старались уклоняться от всего, что могло бы оправдать надежды христиан. И всякий раз, когда христианам следовало давать показания в суде, они уверены были, что им не удастся этого сделать.

Я не стану умножать число примеров, доказывающих, что высокопарные обещания реформ не были осуществлены ни в отношении христиан, ни в отношении формирования администрации.

Мне остается изучить вопрос о мерах, принятых против разбоя и хищений, столь обычных на Востоке. Наличие этих явлений совершенно исключает всякое представление о социальном порядке, свободе и цивилизации.

Оставляю за собой право осветить эту тему в следующем моем письме.

Константинополь, 14 октября.

На основании всего рассказанного мною в предыдущих письмах относительно нынешнего состояния турецких финансов и характера администрации Вы могли уже априори заключить, что прогрессивное движение в общественной жизни страны не проявляется сколько-нибудь ощутимо. В самом деле, с тех пор как я пересекаю в различных направлениях прекрасные, но пустынные азиатские провинции империи, я ни разу не заметил какого-либо усиления предупредительных или репрессивных мер со стороны государства. Наоборот, 20 лет назад, когда я проезжал по Сирии, находившейся под энергичным управлением вице-короля Египта знаменитого Мухаммеда Али (который, если бы не вмешательство России, быть может, уже обосновался бы на Босфоре, во дворце султана), я отметил про себя, что эта провинция пользовалась безопасностью, которой в настоящее время не существует. Страх, внушаемый одним именем Ибрагима¹¹, охранял население, защищал его от арабов-кочевников. Но с тех пор в результате вооруженного вмешательства европейских держав Сирия вновь попала в немощные руки османского правительства. Анархия вернулась вместе с турецкими чиновниками.

В Малой Азии эта анархия в течение последних лет все более и более увеличивалась. В ряде статей, напечатанных мной в журнале «Revue des deux Mondes», я указывал на плачевное состояние христианского населения (состоящего главным образом из армян) провинций Кайсери, Сиваса и Бозока, постоянно опустошаемых афшарами...

В последних шести письмах я дал краткий обзор состояния, в котором находятся в Турции финансы, администрация, торговля, описал условия жизни турецких подданных-христиан и, наконец, коснулся вопроса общественной безопасности. Я сравнил Османскую империю, которую изучал в течение десяти лет, с той Турцией, которую увидел теперь после окончания Восточной войны и провозглашения Хатти хумаюна. Меня интересует, к какому естественному, беспристрастному заключению Вы пришли, ознакомившись с этими краткими очерками. Боюсь, что оно в общем сводится к следующему: начиная с 1836 г., когда был обнародован основной Гюльханейский закон, значительно обновленный и дополненный Хатти хумаюном, почти ни одно из торжественных обещаний правительства фактически не выполнено.

Приняв внешне новые формы, Османская империя осталась по существу такой же, какой была 22 года назад, а в

некотором отношении находится в более худшем состоянии. Конечно, время, которое все сглаживает и уравнивает, в конце концов смягчило и сгладило отдельные шероховатости на социальном здании Турции. Но столь инертная полировка отнюдь не является следствием творческой деятельности человека. Это утес, который перестал наносить ранения своими острыми и угловатыми гранями не вследствие искусственной обработки, а потому, что камень постепенно превращается в пыль.

Например, турецкие подданные живут теперь в большей безопасности и гораздо меньше страдают от фанатизма и насилия мусульман. Однако разве это следствие мнимых реформ, столь торжественно обещанных и так неполно выполненных? О, совсем нет! Такое улучшение является естественным следствием, с одной стороны, падения османской гордыни в результате страшных поражений, а с другой — медленного, но неизбежного роста материальных ресурсов, благосостояния и даже численной силы раи. Это явление рано или поздно должно было усилить к ним доверие и уважение со стороны победителей, которые будут ежедневно убеждаться в ценности услуг, оказываемых побежденными. Во всяком случае, такое улучшение не сможет выйти за известные пределы и остановиться перед преградами, которые, конечно, не рухнут под влиянием только одного времени.

Убедившись, что обещанные правительством реформы почти не осуществлены, Вы, быть может, хотели бы узнать, не принесли ли предпринятые полумеры больше зла, чем добра. Такой вопрос обычно ставят больному, подвергнутому длительному, но бесполезному лечению и состояние которого хотелось бы видеть по крайней мере не ухудшившимся. На этот вопрос я постараюсь дать ответ в следующем письме.

Письмо тринадцатое

Константинополь, 15 октября.

Если преобразовательные постановления, обнародованные турецким правительством в течение 20 последних лет, дали положительные, но весьма незначительные результаты, то, с другой стороны, они имели и некоторые печальные последствия. Укажу, например, хотя бы на два следующих.

I. Указы не были использованы в стране в целях полного отказа от существовавшей ранее практики ведения дел. Вследствие этого вместо коренного переустройства госу-

дарственной машины по новому плану произошло лишь ее доукомплектование новыми механизмами. Таким образом, лица, приводящие в действие в своих интересах эту обремененную несовершенными механизмами машину, пользуются теми или другими из них, а страна вместо жестокого угнетения в прошлом получила печальное утешение видеть себя притесненной то во имя основного Гюльханейского закона, то во имя Хатти хумаюна.

Поскольку мой труд, напечатанный в «Revue des deux Mondes», содержит много примеров, иллюстрирующих эту печальную аномалию, я ограничусь здесь приведением только одного факта. Мне не хотелось особо выделять его, когда я печатал статьи в упомянутом журнале, так как считал, что факт этот — явление временное. Однако я вновь обнаружил его в этом году, причем в полном расцвете. Я имею в виду вопрос о деребеях (букв.: князьях долин).

Этот вопрос уже давно волнует провинцию Джаник, главный город которой Самсун. Чтобы лучше нарисовать всю картину, необходимо привести некоторые исторические данные. После вторжения османов в Малую Азию ряд местностей провинции Джаник был захвачен смелыми и энергичными авантюристами под поместье для султанов. Эти авантюристы получили в те времена известность под названием деребеев. По мере ослабления центральной власти они распространяли свою деятельность почти на всю провинцию. Будучи не в состоянии лично извлечь выгоду из этих колоссальных владений, они заключили договор с райя, уступив им за умеренную плату пользование дикими заброшенными землями. Хотя христианам нередко приходилось страдать от произвола своих господ, им удалось в конце концов превратить места, покрытые непроходимыми лесами и болотами, в прекрасные урожайные районы. Осуществляя план ликвидации опасных вассалов, парализующих его власть, султан Махмуд аннулировал в 1849 г. привилегии, которыми пользовались деребеи. Он объявил особым указом, что система обложения, недавно установленная в других районах Османской империи, распространяется также на провинцию Джаник.

По новому режиму, предполагавшему отмену прежнего, так же как и возврат государству земель, узурпированных деребеями, христиане, естественно, должны были считать себя свободными от обязательств в отношении деребеев и прийти к выводу, что отныне они зависят только от правительства, которому надлежит платить десятинный налог, а также прочие только что введенные налоги.

Действительно, в течение девяти лет они мирно пользовались в качестве законных владельцев землями, отнятыми у захватчиков-деребеев, как вдруг потомки этих некогда мо-

густейших вассалов, носящих ныне, однако, весьма скромный и ничего не значащий титул ага, потребовали от христиан прежней арендной платы, как будто новый, введенный султаном Махмудом порядок вовсе не существует. Они даже прибегали к угрозам и насилию, чтобы согнать с земли тех христиан, которые не желали подчиниться их требованиям. Отсюда возникли многочисленные процессы, слушание которых в Константинополе прервала война.

Наконец, был издан закон Хатти хумаюн. Так как Самсун находится близ столицы, пришлось торжественно обнародовать его в этом городе. Райя приветствовали указ как весть об освобождении. Они полагали, что навсегда избавились от своих притеснителей. Однако это было не так. Правительство, создав во всей империи муниципалитеты-меджлисы, обратилось в самсунский муниципалитет с требованием представить доклад по этому вопросу. Так как ага были членами меджлиса, они оказались судьями в собственном деле. В результате они добились с помощью великого визиря Решид-паши фирмана, признающего справедливыми претензии потомков дербеев. Согласно фирману, христиане, как по прежнему, так и новому положению, якобы заменившему прежнее, подлежали обложению и, следовательно, должны уплатить агам недоимки за девять лет. Паше Джаника (Осман-паше) было поручено выполнение столь неслыханного фирмана. Он проявил при этом столько усердия, что через несколько месяцев множество райя, не имевших возможность удовлетворить подобные требования, столь же несправедливые, как и непомерные, было избито палками и брошено в тюрьмы. Имущество у них было отобрано. Теперь существование населения примерно в 80 тыс. душ находится под угрозой.

Затравленные, как дикие звери, несчастные тщетно искали справедливости у правительства. В полном отчаянии несколько сот райя собрались 21 июня перед домами консулов Англии, России и Австрии, прося о защите. Консулы обещали снестись с дипломатическими представителями в Константинополе и с трудом успокоили несчастных, не желавших расходиться из-за страха перед запятыми паши.

Так обстояло дело, когда я 4 октября уезжал из Самсуна. Маловероятно, чтобы оно благоприятно закончилось для христиан. В него не вмешиваются сколько-нибудь энергично представители европейских держав в Константинополе, предпочитая отмалчиваться в отношении интриг и софизмов, выдвигаемых адвокатами старого порядка в пользу потомков дербеев.

Вот, например, один из таких софизмов, который, если бы он попал в европейскую печать, мог бы ввести в заблуждение общественное мнение. Заявляют, будто указы, по кото-

рым аннулированы привилегии дербеев, не должны были распространяться на собственность, обеспеченную им дарственными актами султанов. Христиане, которым вассалы Порты уступили за плату пользование землей, должны считаться лишь арендаторами. На это можно ответить двояко. Прежде всего, было бы невозможно или по крайней мере чрезвычайно трудно провести в наши дни различие между землями, полученными некогда дербеем от султанов, и теми, которые они захватили незаконно. Поэтому указ султана Махмуда может иметь целью лишь окончательное упразднение прежнего порядка вещей и признание законными владельцами райя, которые в течение нескольких веков обрабатывали и значительно расширили все эти земли. Второе замечание, окончательно опровергающее аргументы адвокатов дербеев, сводится к следующему: если допустить, что райя, о которых идет речь, должны рассматриваться сейчас как простые арендаторы, то их нельзя облагать земельным налогом (сальяне), взимаемым только с землевладельцев. Но правительство настаивает на уплате этого налога. В результате одни и те же лица облагаются налогом и как владельцы земли, и как не имеющие ее, в зависимости от того, какую систему они пожелают — новую или старую.

II. Невыполнение торжественных обещаний вдвойне порочно: с одной стороны, это вызывает неоправданное раздражение турок, которые усматривают в них хотя бессильные, но все же одиозные происки врагов ислама в пользу христиан, а с другой — невыполнение обещаний обескураживает последних и подрывает среди них доверие к европейским державам. Это относится в первую очередь к Хатти хумаюну, который в глазах христиан — турецких подданных являлся результатом кровавой войны, предпринятой, как им говорили, в интересах цивилизации и христианства.

Однако слишком долго обманывать народы всегда опасно. Вот одно из неприятных последствий новой мистификации: совершенно не желая того, союзники сами вызвали реакцию, благоприятную державе, преобладающее влияние которой на райя они стремились ослабить. Естественно, что после многих разочарований в своих ожиданиях райя теперь более чем когда-либо предпринимают всякого рода усилия, чтобы избавиться потихоньку от того ига, сбросить которое силой они уже не надеются. После недавнего крестового похода в интересах полумесяца они убедились, что их тюремщиками отныне являются сами христианские державы. Отсюда лихорадочное стремление заручиться русскими паспортами. Со времени последней войны оно повсеместно овладело населением черноморского побережья.

Турецкие власти тщетно стараются пресечь его угрозами и наказаниями.

Не входя в обсуждение вопроса о том, не относится ли порой русское правительство слишком легко к предоставлению своего покровительства, воспользоваться которым в некоторых случаях весьма затруднительно, уместно спросить, имеет ли право держава наказывать одного из своих подданных за самовольное решение перейти в другое подданство как за преступление? Конечно, нет! Единственно, что можно посоветовать правительству, опасющемуся таким образом потерять часть своих подданных,— это не ставить их в положение, при котором они вынуждены искать поддержку у иностранного государства. К тому же ни одна из европейских держав никогда не преследовала и не сажала в тюрьмы своих подданных ради того, чтобы помешать им принять подданство соседнего государства.

Турция в этом отношении находится в исключительном положении. Из него ей никто не может помочь выйти, кроме нее самой. Средства, которые европейские державы хотели бы предоставить в ее распоряжение, только ухудшили бы дело. К тому же райя сочли бы их за своих угнетателей: Англия как-то раз попала в такое фальшивое положение, разрешив своим агентам играть при турецких властях нелепую для них роль шпионов — доносить на райя, желающих получить русский паспорт.

Напрасно говорят, защищая Турцию, что если ее христиане стремятся переменить подданство, то это лишь для того, чтобы воспользоваться исключительными условиями, в которых находятся иностранцы в Османской империи. Кто же виноват в том, что эти условия существуют и в наши дни? Зачем Турции чисто номинальная честь участия в великой конфедерации независимых европейских держав, если она не сумела освободиться от унижительных капитуляций, заставляющих ее предоставлять иностранцам привилегии, в которых европейские державы отказывают турецким подданным? Ясно, что, пока ей не удастся изменить свою позицию в отношении других держав, она должна будет переносить все вытекающие отсюда последствия и признавать на основе взаимности и равенства аргумент России, которая вправе заявить, что, предоставляя паспорта турецким гражданам, она делает лишь то, что Турция вольна делать в отношении русских подданных.

Это смешно, но логично. Впрочем, у России имеется и другой аргумент, ибо она может напомнить османскому правительству о предоставлении с его стороны покровительства мятежникам на Кавказе. В самом деле, с каждым судом, идущим из Трабзона, прибывают черкесы с удостоверениями личности, выданными им турецкими властями. Последние, выдавая удостоверения, даже не спрашивались предварительно у черкесов, имеют ли они паспорта, соответствующ-

щие их подданству. Более того, с тех пор как Россия лишилась черноморского флота, Турция открыто покровительствует гнусной торговле рабами. С ее разрешения рабов высаживают на северном побережье Малой Азии, где местные власти снабжают их удостоверениями, подтверждающими их турецкое подданство. Затем их направляют в один из портов побережья, куда заходят австрийские, французские и турецкие пароходы. Они, естественно, не могут не принять на борт пассажиров, чьи документы в порядке, и перевезти их в Константинополь либо в другое место, в зависимости от спроса.

В результате этих уловок русские консулы в портах, куда прибывают эти мнимые турецкие подданные, никак не могут юридически констатировать обман. Хотя им все прекрасно известно, их роль сводится к безмолвной регистрации числа черкесов, ежедневно снующих перед глазами.

В бытность мою в Самсуне сам паша (Осман-паша) купил на глазах у всех молодую девушку у торговцев-черкесов, прибывших в этот город с турецкими паспортами. Любопытно отметить, что примерно за четыре мили от Амасьи находится деревня Куту, населенная одними черкесами. Их роль сводится к организации в крупном масштабе этого преступного промысла на Кавказе. Дабы заручиться неистощимым питомником, они не довольствуются товаром, который могут сбывать тотчас по получении, и применяют систему конских барышников, покупавших для нужд конских заводов животных, малопригодных для непосредственного сбыта. Так, колония живого товара в Куту весьма охотно принимает лиц обоего пола, с трудом могущих привлечь выгодных покупателей, но годных для продолжения породы. Их спаривают и ждут, пока дети приобретут качества, необходимые потребителям или спекулянтам, приезжающим на эту фабрику живого товара, чтобы приобрести его для себя или для императорских гаремов.

Мы видим, таким образом, что образ действий османского правительства при предоставлении паспортов русским подданным более преступен, чем тот, в котором упрекают Россию в отношении турецких подданных. Турки покровительствуют торговле, которую христианские народы обязались пресечь силой. Лица же, бежавшие с Кавказа, принадлежат народу, с которым Россия ведет войну. Международное право разрешает России задерживать черкесов, пытающихся проникнуть обманным путем в соседнюю страну. Между тем османское правительство не имеет никакого основания обращаться как с преступниками или изменниками с теми своими подданными, которых оно могло бы обвинить лишь в желании сменить подданство. Несмотря на это различие, Россия не может осуществить свое право, не затрагивая внешних

форм законности. Она вынуждена терпеть подобное неудобство, довольствуясь в качестве утешения ироническим советом: «Охраняйте лучше ваши берега, если можете!»

Почему бы ей не сказать в свою очередь Турции: «Обращайтесь лучше с вашими подданными, чтобы у них не родилось желание стать русскими!» Или еще: «Лишите привилегий иностранных подданных в вашей стране, чтобы они не служили приманкой для ваших же собственных подданных!»

Однако довольно на сегодняшний день. В следующем письме я изложу последствия, вытекающие для Турции из ее нынешнего положения.

Письмо четырнадцатое

Константинополь, 16 октября.

Принимая Турцию в великую семью на началах полного равенства и без каких-либо условий, державы, подписавшие этот торжественный акт¹², поставили себя перед плачевной альтернативой: не выполнять данное ими обещание или, выполняя его, объявить недействительным все, что ценой величайших жертв они, по их мнению, сделали ради цивилизации Турции. В самом деле, если Османская империя поставлена на равную ногу с европейскими державами, т. е. если она по отношению к ним находится в том же положении, что и каждая из них в отношении другой, Европе остается сделать только одно: терпеливо ждать выполнения реформ, обещанных независимым монархом, который никому не должен давать отчета о внутреннем положении страны и не может быть понуждаем силой следовать по пути, который считает не подходящим для себя.

Но, как мы видели, обещанные реформы не были выполнены, да и мало надежды на их выполнение вследствие причин, как материального, так и морального характера... Европе следует принять как печальную необходимость тактику вынужденного лицемерия, применяемую османским правительством, которое все обещает, но ничего не выполняет. Это можно наблюдать каждый день в Константинополе в отношениях между представителями европейских держав и турецкими министрами.

Донимаемая постоянными замечаниями и советами этих господ, Порта уже давно решила философски смотреть на вещи и делать вид, что готова идти навстречу европейцам. Например, если речь идет о паше, вымогательства и оскорбления которого приводят в дурное настроение какого-нибудь

человеколюбивого дипломата, а филантропу, просящему о смещении этого должностного лица, как недостойного доверия назначавшего его правительства, отвечают, что желание его исполнено и что посыльный, которому поручено доставить соответствующий приказ, уже садится на коня. Действительно, посланный не задерживается. Но чаще всего он приносит паше весть о его переводе в другую провинцию, иной раз более значительную или более доходную. Например, когда византийские дипломаты узнали о притеснениях, творимых Ведхи-пашой в его эрзурумском пашалыке, они не преминули потребовать его увольнения. Это было сделано. Но это отнюдь не оказалось наказанием, так как Ведхи-пашу немедленно назначили на такую же должность в Салоники, которую он занимает и поныне. Заменивший же его в Эрзуруме Ариф-паша применяет систему предшественника в еще более широком масштабе.

Таким образом, после того как европейские державы отказались от права добиваться в принудительном порядке осуществления взятых на себя обязательств, они стали играть весьма скромную роль наблюдателей, безобидных по существу, но воинственных на словах. Исполнение такой роли они стараются подкрепить соблюдением известного престижа, окутывают его какой-то таинственностью, делая вид, будто принимают всерьез благосклонную предупредительность турецких министров. Часто эти министры приходят в веселое настроение, как те прорицатели древности, которые, встречаясь без свидетелей, посмеивались над людской доверчивостью.

Впрочем, громко провозглашая независимость и автономию Турции и беря на себя торжественное обязательство относиться к ней как к равной, отдавали ли себе полный отчет христианские державы в том, каким образом они будут соблюдать это равенство? Не противоречат ли они самим себе, провозгласив эту независимость и оставив при том Османскую империю отягощенной унижительными цепями капитуляций, которые не только освобождают иностранных подданных от подчинения местной юрисдикции, но и позволяют представителям европейских держав распространять такие привилегии на подданных самой Турции? Любой райя, находящийся на службе у мелкого консульского агента, гордо драпируется в национальные цвета своего хозяина и при помощи наглого, а иногда и смехотворного маскарада проявляет полное неуважение к законному авторитету своего государя.

Правда, европейские державы справедливо замечают, что капитуляции являются для них ценными гарантиями, которых они не могут лишить своих подданных, ибо не доверяют беспристрастности и справедливости турецких судов. Но мож-

но ли тогда считать равноправной с ними державу, от которой без взаимности требуют унижительных гарантий или которую обязывают ввозить их товары с пошлиной всего в 5%, предоставляя ей право возмещать убытки за счет своих подданных с помощью прежней экспортной пошлины в 12%? Или является ли данная держава равноправной, когда Вы находите необходимым наводить порядок при помощи пушек в ее собственных провинциях, как это имело место в Джедде?

Из сказанного следует, что равноправие и независимость, предоставленные Турции, являются лишь пустым звуком, не принимаемым всерьез во всей Европе. Но в таком случае, до каких пор будет разыгрываться бесчестная и разорительная комедия? Это покажет нам будущее. Но я тем не менее склонен обсуждать эту тему и уже касался ее два года назад в изданной в Брюсселе брошюре «Прочен ли Парижский мир?». Брошюру я предусмотрительно не подписал своим именем, поскольку высказывал в ней мысли, диаметрально противоположные общепринятым в то время. Я сам не знал, насколько мои предсказания смогут осуществиться. Теперь же, когда ряд событий подтвердил правильность моих предположений, я вспомнил строки, забытые мной совершенно, как, впрочем, и теми, кому довелось их прочитать. Я написал бы их и сегодня, если бы мне пришлось вернуться к этой теме.

Письмо пятнадцатое

Сира, 18 октября.

Наконец в Константинополе я сел на пароход и направился в Триест. До самого Парижа я доверился волшебной власти пара, который взялся перенести меня менее чем за десять дней через всю Европу, с востока на запад, из столицы Османской империи в столицу французской, с берегов Босфора на берега Сены. Этот фокус может удивить даже наши пресыщенные народы Запада, которые, привыкнув к беспокойной и активной жизни, сделались почти равнодушными к столь чудесной скорости передвижения. Зато никто не может ощутить всю его прелесть, как тот, кто внезапно сменил палатку или коня на пароходную каюту или вагон железной дороги. Оторванный от созерцательной и вольной жизни Востока, где ничто не нарушает торжественного и великого покоя природы, странник оглушен здесь тысячько голосов пылающих топок, колес, вертящихся по бокам его

подвижной тюрьмы и уносящих ее, как мечту, по безбрежным водным просторам.

Хотя и преклоняюсь перед чудесами цивилизации, я стоял печальный и приунывший на палубе великолепного австрийского парохода «Юпитер» и очень обрадовался, когда мы вошли в порт Сиры за углем, а также для того, чтобы погрузить и выгрузить товары, на что требуется не менее четырех-пяти часов. Излишне говорить, что я посвятил часть времени знакомству с городом и проделал это с пылом и ловкостью узника, выпущенного наконец на свободу. Я закончил прогулку задолго до сигнала к отплытию и, сидя на пляже, смог еще написать Вам несколько строк.

Город Сира представляет собой очень любопытное явление. Примерно за 30 лет он вырос как по волшебству на склонах крутых и засушливых скал. В 1827 г., когда Сира принадлежала Турции, там было всего несколько жалких лачуг, населенных бедными рыбаками или смелыми пиратами. Однако, с тех пор как этот каменистый островок возвращен христианству и свободе, на его рейде развивалась бойкая торговля. Богатый, густо населенный город, совершенно европейского вида, возник вокруг просторной бухты, постоянно посещаемой пароходами почти всех стран Европы и Востока. Так три десятилетия свободы могли оплодотворить и оживить все то, что века турецкого режима обрекли на смерть или опустошение. Вот одно из живых и неопровержимых доказательств разрушительного принципа, положенного в основу турецкого господства и тяготеющего около пяти веков над более чем 30 млн. людей, прозябающих в прекрасных и плодородных районах планеты.

Из всего, что я писал Вам в предыдущих письмах, Вы легко заключите, будет ли этот смертоносный принцип когда-нибудь заменен другим, жизненным принципом, или же реформа является для Турции, как и для других государств Европы, всего лишь вопросом времени. Защитники Турции отвечают положительно на оба вопроса. В связи с первым вопросом они указывают на постановления основных законов — Гюльханейского и Хатти хумаюна, несомненно весьма либеральных, если только напечатанное следует считать выполненным или выполнимым. Но мы уже видели, что из себя представляет эта смелая и наивная гипотеза. По поводу второго вопроса они заявляют, что в суждениях о судьбах Турции следует пользоваться той же системой мер и весов, как и для прочих стран, и, следовательно, не требовать от нее большего прогресса, чем добились другие в равный отрезок времени. Однако они забывают, что прошлое и настоящее состояние Турции так исключительно своеобразно, так резко отличается от исторического развития других народов Европы, что ставить на весы столь разнородные элементы

нельзя. Перед лицом беспристрастного суда требования должны соразмеряться со степенью задолженности, а не с платежеспособностью должника. Продержав пять веков подряд в самом ужасающем варварстве замечательную часть человечества, Турция оказалась в долгу перед ним как ни одна другая страна.

Кроме того, со времени взятия Константинополя и до наших дней Турция постоянно была для Европы причиной кровопролития, расходов и различных затруднений. За долгий период христианским государствам приходилось то обороняться против Османской империи, то защищать ее от мнимых или действительных врагов. Когда же после 500 лет бесплодного ожидания Европа просит ее вступить наконец на путь, совместимый с всеобщим миром, Турция заявляет в ответ: «Дайте мне время и не предъявляйте мне больших требований, чем любой другой стране». В таком случае пусть Турция поступит по крайней мере так же, как те государства, которые никогда никого не затрудняли и всегда жили своей особой жизнью. Что касается Турции, то Европа вынуждена издавна нести расходы по воспитанию этого старого ребенка без надежды когда-либо вернуть свой огромный и непроизводительный аванс.

Однако колокол зовет меня снова в мою тюрьму, дым поднимается черными столбами над пароходом, и колеса начинают нетерпеливо вращаться. Я вновь несусь на судне по морским волнам. В Триесте переседаю из каюты в вагон, который через четыре дня доставит меня в Париж. Так после семи месяцев бродячей жизни я смогу сосредоточиться и посвятить зимнее время изучению большого количества материалов, собранных в экспедиции этого года.

Я говорю — «зимнее время» не потому, что этих нескольких месяцев будет достаточно для завершения моего труда. Я уверен лишь в том, что буду сидеть на месте только до тех пор, пока природа будет находиться под зимним покровом. Однако первые же лучи весеннего солнца могут растопить все мои проекты об оседлой жизни и властно увлечь меня на Восток. Поэтому я и не решаюсь утверждать заранее, что будущим летом не отвечу утвердительно на такое приглашение. Это может послужить Вам доказательством, что, хотя я как будто говорю много дурного о Турции, я не могу обойтись без нее. Любя ее меньше, я, быть может, был бы к ней более снисходительным. Впрочем, я сужу так строго, как философ; художник и поэт говорили бы о ней по-другому.

Действительно, наша современная цивилизация лишилась бы Востока, его неотразимой привлекательности и заменила бы волшебство воспоминаний прозаической действительностью. Разум восторжествовал бы в ущерб воображению.

Железные дороги, дилижансы, жандармы и солдаты в треугольниках и киверах, гостиницы с их табльдотами, туристами и коммивояжерами, шоссе и дороги и т. п. заняли бы место извилистых и диких троп, лагерей под открытым небом, черных палаток туркмен и курдов, караванов с вереницей верблюдов, всадников в фантастических костюмах, белые чалмы и оружие которых переливаются на солнце издали. Словом, все сцены патриархальной жизни сохранились бы лишь на неподражаемых страницах Библии. Нечего и говорить, что эти превращения обрадовали бы философа, но сильно огорчили поэта, который увидел бы в них одну профанацию и пожалел бы о прошлом.

Должен сознаться, что бывают минуты, когда я затрудняюсь в выборе между философом и поэтом. Даже в нашей цивилизованной Европе мне часто приходилось вспоминать о временах варварства, мечтать о сохранении нетронутыми хотя бы нескольких уголков для пылких представлений поэтов, вопреки негодованию философов. Так, подобно поэтам, признавая необходимость открыть для современной цивилизации древний теократический пантеон нашего Рима, я, быть может, первым пожалел бы о вековом престиже папского двора, так же как и о церемониях и процессиях, которые вследствие своего полужызыкального характера напоминают символические торжества древности. Они так прекрасно гармонируют с величием бессмертных строений, где чисто мирские мотивы еще не вполне заглушены мощными аккордами слова Христа. Когда это творчество с его поэзией будет заменено простой и строгой архитектурой храма свободы и цивилизации, философ, несомненно, преклонит колена с благоговением, но поэт будет скорбеть о единственном убежище, сохранившемся в христианском мире как напоминание о Греции и Риме, укрывавших его под покровом религии, чтобы противостоять холодному рационализму.

Во всяком случае, опасения поэта не скоро осуществляются на Востоке, и нам, конечно, никогда не придется упрекать Турцию в утрате живописного варварства. Это, однако, не мешает мне и в будущем изучать ее как ученому, порицать иногда как философа и всегда любить как художнику.

I

Когда Цезарь Бальбо I, друг неудачливого и доблестного Карла Альберта, в брошюрке «Надежда Италии» предлагал Европе содействовать освобождению Италии за счет Османской империи, то изобретательный автор увлекся идеями более соблазнительными, чем выполнимыми. Однако он, может быть сам того не ведая, коснулся одного из самых любопытных явлений, присущих этим двум странам: некоего сходства, некоей общности судеб.

Действительно, находясь на самых благоприятных для развития материальной и интеллектуальной жизни широтах, Италия и Турция представляют собой поразительное олицетворение упадка человеческого величия — два надгробия, возвышающиеся над славным прошлым. Одно — напоминает о прекрасных днях, когда Италия, свободная и независимая, была самой цивилизованной и могущественной страной в Европе, другое — посвящено самым отдаленным эпохам и самому великолепному в летописи миру. Если на первом надгробии высечены республиканские и имперские орлы Рима — господина вселенной, то на втором сверкают не только корона Византии — соперницы и наследницы древней Италии, но еще и чарующие имена Вавилона, Ниневии, Иерусалима и Египта. Эти имена напоминают о младенчестве человека, о первых проявлениях его духа, о колыбели и гробе его спасителя.

Возбуждая неотразимой привлекательностью притязание и честолюбие всех завоевателей, Италия, как и чудесный край — нынешняя Османская империя, была беспрестанно целью и объектом самой ожесточенной борьбы. И та и другая подвергались нашествиям рас, наиболее враждебных населению, которое попадало под их иго:

Как Италия, так и Османская империя — место пребывания глав наиболее распространенных на земле религий*.

* Католиков приблизительно — 150 млн., мусульман — 100 млн.

Если католики почитают в лице папы наследника святого Петра и представителя римского вероисповедания, то султан для ислама — законный хранитель священной власти халифов, последний отпрыск которых угас после покорения Египта (в 1715 г.), освятив, таким образом, мирскую корону султана Селима I духовной короной наследников пророка Магомета.

Италия и Турция, которые в прошлом имели много общего, не смогут в будущем (мы это попытаемся показать) изменить свое политическое положение, не оказав влияния друг на друга.

Еще одно сходство между Италией и обширным краем, подвластным оттоманскому скипетру, состоит в том, что и та и другая страны — жертвы чужеземного господства. В настоящее время они являются объектами, куда главным образом устремлен взгляд Европы, начинающей сознавать моральную ответственность, которую на нее возлагают эти две страны. Европа теперь должна решить, может ли она оставаться безучастным свидетелем волнующего зрелища, когда более 34 млн. христиан лишены благотворного влияния света*. И следует ли длительное порабощение христиан рассматривать как волю провидения или же свидетельство божественного долготерпения, которое уже почти достигло последнего предела и которое было бы опасным дольше искушать?

II

Вот мысли, которые невольно возникают, когда смотришь на Италию или Оттоманскую империю. Пока над этими странами царил могильное молчание, Европа могла заблуждаться. Но уже давно неподвижные жертвы стали проявлять признаки жизни и трупы, считавшиеся навеки безмолвными, стали громко требовать для себя места под солнцем. Это возрождение, довольно заметное в Италии, все более проявляется и в Оттоманской империи. В течение 15 лет, почти ежегодно бывая в Турции, я имел возможность проследить, так сказать, шаг за шагом развитие этих признаков. Наблюдения убедили меня, что недалек день, когда Турция окажется бессильной сдержать не только волнения рая, но даже значительной части своих подданных — му-

* Численность турок-христиан в Оттоманской империи превышает 18,5 млн., не считая, конечно, христианского населения придунайских княжеств и Сербии — более 5 млн. Таким образом, численность христиан, прямо или косвенно подчиненных Порте, — около 23 млн. Население Италии, не считая королевства Сардиния, составляет 15,8 млн. человек. Следовательно, число христиан, томящихся под игом восточного деспота или итальянских самодержцев, не менее 34,8 млн.

сульман. А когда такой решающий момент настанет, какова же будет позиция держав, подписавших Парижский мирный договор? Будут ли они придерживаться провозглашенных ими принципов гарантии суверенитета Турции? Придут ли они тогда ей на помощь, чтобы водворить в тюрьму тех, кто только что вырвался на свободу? Или поймут ли они наконец, что поддерживать независимость правительства, пользующегося ею лишь для того, чтобы насаждать рабство и тиранию,—значит делать Европу соучастницей этого режима и своим бездействием как бы благословлять его? В то же время положение Италии оказывается также несовместимым со строгим соблюдением принципа европейского статус-кво или невмешательства. Эти принципы перестают служить священным залогом независимости и цивилизации народов, как только их неограниченное применение угрожает потерей и того и другого.

III

Среди двух крупных государств, которые постоянно держат Европу в напряжении и тревоге, Османская империя требует наиболее неотлагательного и действенного вмешательства. Речь идет, так же как и в Италии, об обществе, которое остановилось в своем развитии. Население Османской империи может потерять даже начало моральной и политической жизнеспособности. Это не только пружина, сжатая внешней силой, которую стоит устранить, чтобы вернуть ей свободу, а механизм, так долго ржавевший, что его части полностью вышли из строя. К счастью, это еще не относится к христианам Востока. Здоровая кровь не перестала течь в их жилах. Но смертоносные испарения рабства не замедлят убить ее, если Европа не вырвет христиан Востока из столь губительной атмосферы. Пусть же Европа наконец убедится, что если усилия, которые она прилагала для того, чтобы совместить благополучие рая с их положением турецких подданных, остались безуспешными, то это потому, что болезнь, которую полагают излечить паллиативами, ни в коей мере не поддается устранению такими средствами. Словом, положение ничуть не изменилось и в корне никогда не изменится потому, что моральными средствами невозможно добиться желаемого изменения. Я воздержусь от перечисления мотивов, на которых основано это утверждение. Ведь я их уже излагал во многих статьях, из которых самая последняя вышла недавно в Брюсселе под названием «Письма о Турции». В ней на конкретных примерах доказывается, что если от начала мнимых реформ султана Махмуда до Восточной войны насущные вопросы цивилизации и свободы не получили в Турции положительного разрешения, то и сейчас, в

1859 г., они находятся в том же состоянии, как и 20 лет назад.

Таким образом, эта неприступная крепость варварства вышла почти нетронутой из большой восточной катастрофы, которая одна была бы способна ее сокрушить. После такого самого тяжелого испытания, которому она когда-либо подвергалась, ей больше нечего бояться и она может еще в течение веков безнаказанно насмехаться над бесплодными пожеланиями и запоздалыми сожалениями Европы. Из многих высказанных мной соображений по этому поводу напомню лишь о невозможности слияния христианского и мусульманского элементов и о недостаточности ресурсов, которые Османская империя может найти в исламе для возрождения страны.

Невозможность упомянутого слияния мотивируется непреодолимой преградой, созданной между этими двумя общинами религиозными и моральными принципами — главной основой всякого социального и политического порядка. Вытекающий из этого антагонизм имеет совершенно исключительный характер и может быть сравнен с положением разноплеменных и иноверных народов, объединенных в европейских государствах. Во всех этих государствах разногласия относятся лишь к применению или истолкованию основополагающих принципов, всеми в равной мере признаваемых и служащих всем общей отправной точкой. Так, например, некоторые пункты доктрины или церковной дисциплины могут отделять католиков от протестантов или греков, но эта рознь исчезает перед основными догматами христианства и перед христианской моралью, которые прочно объединяют все христианские народы, исключая различия в подходе к главным вопросам свободы и достоинства человека. Не так обстоит дело между мусульманами и христианами. Между ними расхождения относятся не к применению или истолкованию одних и тех же принципов, а к их принятию или отрицанию. Таким образом, многие моральные и социальные вопросы предстают совершенно по-иному в зависимости от того, подходят к ним с точки зрения ислама или христианства. Ограничимся одним примером. Достаточно вспомнить положение женщины. Исключая женщину из числа нравственных и интеллектуальных элементов общества, ислам совершенно опрокидывает принципы морального равенства личности и достоинства человека в их христианском понимании. Вот почему в частной и общественной жизни христиане и мусульмане взаимно исключают друг друга и лишь редко общаются на одной почве.

Невозможность морально отождествить столь разнородные элементы очевидна. Следовательно, можно легко понять, что это расхождение делает также невозможным всякое обще-

ственное и политическое равенство между двумя религиозными группами, составляющими население Османской империи. Оно ставит их в положение представителей двух враждебных начал. Итак, понятно, что государство не может примириться с подобной двойственностью, разрушительной для всякой государственной целостности. Поэтому в Османской империи могут лишь быть турецкие хозяева и христианские слуги. Перейдем теперь к тем возможностям, которые ислам может предоставить империи для ее возрождения.

IV

Одна из главных причин, парализующих организм Османской империи,— полное отсутствие туземных элементов, способных быть орудиями его восстановления — социального и политического. Интеллектуальный капитал, составляющий истинное богатство и могущество всякого общества, черпается из двух источников: материнского воспитания и школьного образования, получаемого либо в семье, либо в общественных заведениях. В первый период своего существования ребенок получает от матери основные начала нравственной жизни. Во втором — наука берет на себя развитие умственных способностей ребенка в соответствии с его назначением. Только в этих двух школах и формируются граждане, составляющие жизненную основу общества, из которой оно может черпать нужные ему силы, способные двигать его к прогрессу и цивилизации, а следовательно, к благополучию и могуществу. Но ведь в Турции эти источники формирования человека совершенно отсутствуют. Во-первых, мать призвана оказывать своему ребенку лишь те услуги, в которых ни одно одушевленное существо не отказывает своему потомству, а именно: она дает ему свое молоко и заботится о сохранении его еще чисто биологической жизни. Она не интересуется нравственной и интеллектуальной стороной воспитания, сознавая, что это не ее дело. Считается, что она сама всего этого не имеет. После такого однообразного цикла чисто материального воспитания, чтобы приобщиться к общественной жизни и играть в ней требуемую обстоятельствами роль, молодой турок обучается чтению Корана. Он вполне уверен, что легко приобретет нужные качества и, кем бы он ни стал, солдатом или дипломатом, судьей или министром, окажется на высоте своего назначения. Самим фактом предпочтения его старшими или монархом. Вот те силы, которыми располагает Османская империя для своего возрождения. Но силы эти заранее обречены на бесплодие, и Турция не сможет выйти из положения, заменяя одного чиновника другим. Новые люди будут выходцами из той же

непронзводимой среды, ex nihilo nihil *. Чтобы иметь людей, отвечающих новым требованиям, Турция должна была бы их вербовать за границей или готовить у себя, создав систему народного образования, систему, которая несовместима с нравами страны и которая в крайнем случае охватит только столицу. Однако эта система не укоренится внутри всей империи, почва которой, состоящая исключительно из мусульманских элементов, всегда будет отвергать это экзотическое растение — искусственный плод константинопольских теплиц.

V

Разница между созидательным воздействием христианства и разрушительным или сдерживающим влиянием ислама лучше всего проявляется при сравнении христианской страны с мусульманской, занятых своим возрождением и имеющих более или менее одинаковые исходные данные. Возьмем, например, для сравнения Россию. В этой стране, где нужно почти все перестраивать и создавать вновь, введение новой административной организации и определение новых источников процветания и богатства могут быть осуществлены практически, а не теоретически, как в Турции. В России действительно есть большой интеллектуальный капитал, способный придать этим реформам жизнь. Все дело в его умелом использовании. Несмотря на неравномерное распространение просвещения, принцип морального и интеллектуального воспитания человека уже достаточно развит в России, и эта страна может рассчитывать на собственные силы в выдвижении способных должностных лиц. И если они не встречаются, то это вина не государства, а правительства, которое не всегда умеет ценить и выдвигать таких людей. К тому же в России, как и в любой европейской стране, реформы претворяются в жизнь совершенно по-иному, нежели в мусульманском обществе. Их можно сравнить с электрическим током, который сначала слаб, но впоследствии приобретает потрясающую силу, пробуждая тысячу скрытых возможностей. В мусульманских же странах такая искра сразу затухает. Так, в христианском обществе бывает очень трудно удержать в намеченных рамках сколько-нибудь важную реформу, потому что всякая новая мысль рождает другую, всякое усовершенствование заставляет желать еще большего. Огромные усилия, направленные на освобождение, которым ныне занята Россия, вскоре, может быть, дадут нам еще одно доказательство (а история христианских народов изобилует ими) внезапного возникновения новых и нежи-

* Из ничего ничего не бывает (лат.). — *Прим. пер.*

данных свершений. Действительно, когда императорское правительство приступило к разрешению этого вопроса, оно, несомненно, считало, что ответит всем нуждам момента, даровав свободу крепостным и предоставив наследникам заботу о дальнейшем развитии (каждому в отдельности) этого великого дела. Однако едва оно началось, как уже возникают в качестве основных условий его довершения некоторые непредвиденные правительством или, во всяком случае, считающиеся отдаленным будущим требования. Первым из этих требований назовем стремление установить в России представительный образ правления. Этот вопрос может вытекать из освобождения крестьян совершенно неожиданным образом: передача дворянству в качестве крепостных свободных прежде людей была осуществлена без всяких условий торжественным актом правительства. Дворянство считает, что такой акт необратим, так же как всякая дарственная или сделка по передаче имущества, которые правительство не вправе изменять постфактум, ибо подобный произвол расшатал бы здание частной и общественной собственности, разрушил доверие и безопасность, на которых оно зиждится. Из этого следует, что отмена подобных официальных актов может совершаться лишь полюбовно, т. е. путем взаимных уступок. К сожалению, предшественники Александра II не оставили достаточных денежных средств для осуществления этой полезной и мирной революции, не жертвуя принципам справедливости и не превращая справедливую экспроприацию в грабеж, быть может, опасный своими моральными последствиями. Не имея возможности получить материальное возмещение, дворянство, естественно, потребует морального удовлетворения, которое, возможно, будет заключаться в расширении его политических прав. Между тем правительство понимает, что создание привилегированных условий заранее сведет на нет эффект, связанный с освобождением, цель которого состоит в установлении принципа свободы и национального равенства. Из этого следует, что правительство не может предоставить дворянству новые права, не предоставив их всей нации. И именно введение в России представительного правления будет непредвиденным, но суровым следствием освобождения крепостных. Это замечательный пример жизненности и плодотворности, приобретаемой на христианской почве всяким ростком новой социальной идеи, ростком, который, оказавшись на иссушенной исламом земле, не привился бы на ней. Там нет тех жизненных соков, которые может дать лишь христианское воспитание, столь благоприятное для развития неисчерпаемых принципов достоинства, справедливости и права.

Напомнив кратко о некоторых причинах, исключаящих возможность коренной реформы в Османской империи (а это морально обязывает Европу заботиться о будущем стольких миллионов христиан, обреченных на вечное статус-кво), перейдем к рассмотрению положения в стране, которую мы во многом приравнивали к Османской империи. Прежде всего отметим, что сходство между ними заключается в том, что как для одной, так и для другой необходимо энергичное вмешательство Европы — единственное средство, способное вывести население этих стран из противоестественного положения, в котором оно находится. Но именно на этом сходство кончается. Ведь никому не придет в голову поставить на одну доску христианских подданных Турции и итальянских подданных Австрии. Подобное отождествление было бы оскорбительным как для истины, так и для здравого смысла тех, кто это делает. Не следует забывать, однако, что у народов, так же как и у отдельных личностей, острота восприятия определяется не свойствами предметов, а скорее чуткостью воспринимаемого. Народ, стоящий на определенной ступени цивилизации, вдохновляемый памятью о прошлом, столь же остро ощущает моральное угнетение, как отсталый народ материальные лишения и физические страдания. Итальянец XIX в., лишенный чужеземцами своего гражданства или обреченный собственным монархом на состояние вечного младенчества, страдает не меньше, чем смиренный раб, согбенный в пыли вот уж пять веков перед мусульманским повелителем, хотя первый беспечен и имеет материальное благополучие, которых не хватает второму. Если раб в первую очередь молит о помощи христианских держав, то это не в силу того, что он больше страдает, а потому, что излечение его ран требует больше забот и времени и человека прежде всего необходимо вернуть к нормальным условиям существования. Рассматривая в этой связи нынешнее положение Италии, мы можем применить к ней, как и к Османской империи, известное выражение императора Николая об «обременительном больном». И с тем большим основанием, что Италия была, по меньшей мере, как и Османская империя, предметом частых и хорошо известных консилиумов, во время которых долго обсуждалось состояние больного, а предписываемые ему лекарства лишь усугубляли болезнь. В самом деле, что дали в конечном счете конгрессы в Троппау (1820)¹, в Лайбахе (1821)² и в Вероне (1822)³? Они изучали только неприятные последствия, могущие возникнуть от личных либеральных проявлений итальянского населения. Твердо убежденные в болезненном характере таких проявлений, они поспешили их задуть, не разузнав о причинах

их возникновения. Словом, Италия была в их глазах больным, страдающим приступом горячки, которого они надеялись вылечить бичеванием и смирительной рубашкой. Внимательное изучение истории этого народа должно было бы подсказать иные средства. Ни одна страна в мире не была так часто добычей чужеземцев, как Италия. Но никогда завоевания не были настолько непрочными и непродолжительными, чем завоевания этого прекрасного полуострова. Со времени захвата Рима (476 г.) дикими ордами Одоакра⁴ на Италию нападали готты, ломбарды, арабы, норманны, владыки Франции, Испании и Германии. Одни — чтобы покинуть ее в зареве сицилийской вечерни, другие — чтобы сохранить над ней сомнительное господство, скрепленное кровью и беспрестанно расшатываемое мятежами.

Какими же были для итальянской цивилизации эпохи славы и упадка все эти разнородные нашествия и революции? Разумеется, ее лучшими днями были те, когда она была предоставлена самой себе, а наиболее мрачные времена, когда она находилась под чужеземным игом. В XIV, XV и XVI вв. перед удивленными взорами почти еще дикой Европы проходит чудесная плеяда итальянских знаменитых мыслителей — от Данте до Тассо. Эти яркие личности засияли у очагов свободы и цивилизации, так блестяще представленных многочисленными республиками или княжествами, возникшими на итальянской земле. Между тем эта плодородная земля стала тут же бесплодной, как только знамя национальной независимости было заменено орлами австрийской династии. Правда, многие великие люди, рожденные в свободном отечестве, продолжали его прославлять даже тогда, когда оно томилось под игом Карла V и Филиппа II. Но, как метко говорит г-н Симонд де Сисмонди⁵, «эти монархи пожинали плоды трудов своих предшественников, а сами ничего не засеяли. А так как людскую жатву приходится ждать полстолетия, то все подвластные им провинции сделались к тому времени бесплодными. Огромные контрибуции, неравномерно и нелепо распределяемые, разорили торговлю, раздавили деревню и сократили ее население. Еще более разорительные концессии обогащали кучку правителей, вызывая в народе чувство презрения и ненависти к слепому и несправедливому правительству. Всякий взлет мысли рассматривался как выпад против правительства. Всякая свобода печати была отнята у подданных. Всякое публичное выступление и обсуждение запрещалось. Для более сурового контроля и надзора за умами правительство призывало на помощь инквизицию, ставшую верной подручной всякого деспотизма»*. Таково положение Италии се-

* «О литературе юга Европы», ч. II, стр. 242.

редины XVII в. Это также наиболее унылая эпоха в ее литературе, которую итальянцы презрительно именовали сейгентисти*, и которая действительно начинается с момента укрепления в Италии могущества и влияния австрийского двора. Однако период упадка итальянского духа совпадает с периодом развития французского гения, достигшего своего апогея при Людовике XIV. Разумеется, что наибольший расцвет человеческого разума не всегда совпадает с самыми либеральными формами правления. Иногда они соответствуют самому высокому взлету национального духа и политического великолепия. В самом деле, ни век Августа, ни век Людовика XIV блистали отнюдь не богатством гражданских свобод, а возвышением национальной славы. Как бы то ни было, но, по мере того как австрийское владычество все больше и больше вытесняло Италию из числа независимых стран, ее интеллектуальный упадок ускорялся, несмотря на отдельные искры в этом бессмертном пепле, которые ледяному дыханию насилия никогда не удавалось полностью угасить. Так, XVIII в. породил Фругони, Метастазियो, Маффеи, Гольдони, Альфиери и некоторых других знаменитостей. Но то были лишь разрозненные обломки, едва удерживающиеся на волнах, поглотивших корабль их родины.

Зрелище это особенно волнует. Оно является поразительным контрастом остальной Европы XVIII в. — самого памятного столетия в ее истории, которому мы обязаны всем, чем мы стали сегодня. И без преувеличения можно сказать, что во времена великого возрождения и изобретений, непосредственно предшествовавших и породивших XIX в., Италия осталась почти неподвижной. Она дала лишь несколько звезд огромному созвездию самых разнообразных светил, среди которых сверкают имена Ньютона, Вольтера, Руссо, Даламбера, Линнея, Бюффона, Жюссье, Кювье, Кеплера, Канта, Шеллинга и др. Нет ничего более мрачного, нежели картина, представляющая собой Италию XVIII в. Вот какой ее изображает один из лучших знатоков той эпохи: «В университетах, некогда столь блестящих, — говорит г-н Сисмонди, — обучались лишь те, кто постигал богословие, медицину и юриспруденцию, чтобы приобрести прибыльное ремесло. Время, потраченное на учение, рассматривалось как потерянное время, если обучаемый не желал стать священником, врачом или адвокатом. Частные школы, открытые в большом количестве в XV в. и давшие так много ученых, были все закрыты. Сохранилось лишь несколько колледжей и монашеских семинарий, которые ставили перед собой цель не приобретение знаний, а оглушение разума, подчинение рас-

* Так итальянцы называют писателей XVII в., по названию самого века — милесе ченто или просто сеченто.

судка, подавление воли, выработку молчания, замкнутости, боязни и послушания. Словом, нация была во всех отношениях мертвой». Воскресла ли она с тех пор? Об этом спросите Венецию, Милан, Рим, Неаполь, Палермо. Вместо ответа вы услышите лишь долгий траурный гимн — продолжение жалобных песен XVII в., песен, которые кажутся написанными для Италии XIX в. Италия и теперь могла бы повторять прекрасные строфы, которые изливала патриотическая душа флорентийского сенатора Филикайя в 1683 г., около двухсот лет назад:

Italia, Italia, o tu cui feo la sorte
Dono infelice di bellezza, ond'hai
Funesta dote d'infiniti guai,
Che in fronte scritti per gran doglia porte.

Deh fossi tu men bella, o almen piu fortei
Onde assai più ti paventasse, o assai
T'ammasse men, chi del tuo bello ai rai
Rar che si strugga, et pur ti sfida a morte.

Nè te vedrei del non tuo ferro cinta
Pugnar, coi braccio di straniera genti
Per servir sempre, o vincitrice, o vinta *.

Напрасно непоколебимые защитники современности воспримут с улыбкой эти слова, пренебрежительно называя их грезами поэта, напрасно они будут утверждать, что не находят в них ни малейшего намека на современное положение. Италия ответит им, предъявив летопись своей истории. Тем самым напомним, как и кем она была внезапно остановлена в своем быстром движении, тогда как все говорило о том, что в один прекрасный день Италия встанет во главе цивилизованных народов Европы. Не следует забывать, что если в XIV, XV и XVI вв. — в лучшие дни национальной независимости Италии — произошел величайший прогресс, то начиная с конца XVII в., т. е. со времени усиления в Италии влияния австрийского двора, она уже больше не участвовала в восходящем движении европейского общества. Многие крупнейшие открытия, которыми гордится наша эпоха, были уже предугаданы, подготовлены и как бы в зародыше нашли

* «Италия, Италия! О ты, которой судьба дала красоту и к ней в приданое бесконечное страдание, написанное у тебя на челе. Почему ты не менее прекрасная или не более сильная, чтобы заставить себя больше бояться и меньше быть любимой теми, кто кажутся пленены твоей прелестью и которые, однако, вызывают тебя на смертный бой? Я бы тогда не увидел тебя с мечом, тебе не принадлежащим, сражающейся руками чужеземных народов, чтобы, став победительницей или побежденной, вечно пребывать в рабстве» (перевод сокращенный). — *Прим. пер.*

отражение на страницах теперь истлевших и забытых книг итальянских писателей того времени*.

Чего только не следовало ожидать от народа, который лишь за три века сумел, так сказать, предугадать все, что наша эпоха приобрела за шесть столетий труда и усилий? Вот о чем, кажется, совсем забывают непоколебимые поборники статус-кво, когда они осмеливаются утешать Италию общими примерами материального процветания, которое ныне наблюдается в итальянских провинциях Австрии. Говорить жителям Ломбардии, как это делают постоянно: «На что вы жалуетесь? Разве у вас нет хорошо возделанных земель и разве вы не вкушаете блага мира и обеспеченности?», это значит напоминать, выворачивая наизнанку, смысл остроумных карикатур, развешанных на витринах бульваров, на которых изображены бывшие legionеры в лохмотьях, жаждущие революции, показывающие своему офицеру голые ноги и пустые вещевые мешки. Офицеры им отвечают: «На что вы жалуетесь? Разве у вас нет лавров? И разве вам не принадлежат сокровища всех народов, которых вы покорите?» Оскорбительное утешение, постоянно расточаемое в адрес итальянцев, принимает характер почти утонченной жестокости, когда оно исходит из уст французов, наиболее чувствительных к вопросу национальной независимости. Сделайте их английскими или немецкими подданными и тогда посмотрите, как они встретят благосклонно философа, утверждающего, что чужеземное господство не мешает им варить говяжий суп и растить сен-жерменские груши. Как же у француза хватает дерзости предлагать итальянцу, своему

* Так, Мундано, профессор Академии в Падуе (1315—1326), положил начало современной анатомии; Галилей в XVI в. был до некоторой степени отцом астрономии и физики; Бразавола основал в XVI в. в Ферраре первый ботанический сад со времен Теофаста и, следовательно, сделал возможным эмпирическое изучение растений, что позволило Линнею в XVIII в. осуществить их окончательную классификацию. В то же время Чезальдино (род. в 1529 г.) не только первый дал идею естественного метода, введенного два века спустя Жюссье, но и объявил еще своим недоверчивым современникам о великом явлении — кровообращении, научное доказательство которого в дальнейшем обессмертило имя английского ученого Гарвея, по сути почерпнувшего свою науку в Италии, и главным образом в Падуе, где он был учеником Фабриция Акваленте. Наконец, с середины XIV в. знаменитый художник и всеобъемлющий ученый Леонардо да Винчи предугадал природу и громадное значение ископаемых органических тел. Это блестящее предвосхищение помогло в XVIII в. построению великого здания геологической истории нашей планеты и увековечило имя Кювье.

Эти лишь отдельные примеры, которые можно было бы умножить, убедительно доказывают, что в истории современной цивилизации Италия имеет право требовать признания ее приоритета не только в искусстве, но и в науке. Она сохранила бы свое выдающееся место, если бы даже отнять у нее ее великих художников. А надо быть сверхъестественно богатой, чтобы, не разоряясь, отделить от своего сокровища, не обесценив его, такие драгоценности, как Рафаэль, Микеланджело, Караваджо, Тициан и т. д.

старшему брату по цивилизации и свободе, утешение, которое он сам отверг бы как кровное оскорбление?! Или, может быть, он пожелает убедить нас, что делает это из-за деликатности или нежной заботы, чтобы не создавать опасного прецедента, могущего послужить примером другим покоренным нациям — потребовать независимости? Это, действительно, вызовет много волнений. Но и на это история дает нам ответ. Она доказывает, что среди всех народов, лишенных ныне своей государственности, нет другого, который имел бы такое прошлое, как итальянцы, и который оставил бы столь яркий след в мировой истории и создал бы невосполнимую потерю своим исчезновением.

VII

Беглый взгляд на условия развития цивилизации в Италии показывает, что, чем глубже мы изучаем историю этой страны, тем больше убеждаемся, что режим террора, особенно чужеземного, останавливает всякий прогресс мысли, но не делает ее покорной. А это ставит Европу перед двумя неприятностями: во-первых, видеть одного из важнейших членов своей семьи обреченным на страдания и, во-вторых, хранить в себе неугасимый очаг смут и разногласий. Пора прекратить это совершенно несовместимое как с принципами цивилизованной Европы, так и с соображениями ее собственного покоя и безопасности, казалось бы, настало. Как и все важные политические переустройства, затрагивающие самые противоположные интересы, восстановление Италии и Турции, несомненно, встретит многие серьезные препятствия. Но поскольку этот щекотливый вопрос должен быть так или иначе разрешен, ибо отсрочка может только осложнить положение, то ясно, что из всех возможных способов его решения наименее грубый окажется лучшим. Подобно как при выборе хирургической операции, необходимой для сохранения жизни больного, мудрый врач всегда выберет наименее болезненную, даже если результат ее скажется не сразу. В этом случае, пожалуй, наиболее подходящий способ — передать Австрии придунайские княжества в компенсацию за Ломбардию и венецианские провинции, а также создать независимое славянское государство, включающее Сербию, Болгарию, Албанию, Герцеговину, Хорватию и Боснию*. Такое государство служило бы барьером между Австрией и провинциями Европейской Турции (Фракия, Румелия, Фессалия и острова Архипелага), которые временно останут-

* Население этих провинций: Сербия — 1000 тыс., Болгария — 2818 тыс., Албания — 1000 тыс., Босния, Герцеговина, Хорватия — 1500 тыс. Таким образом, население славянского государства насчитывало бы более 6 млн.

ся в составе Османской империи. Необходимо, чтобы в момент, когда Австрия станет владелицей княжеств, у нее безвозвратно отняли бы всякую надежду расширить свою территорию. Таково именно назначение нового славянского королевства, которое будет одновременно служить предостережением для Австрии, залогом и предвестником близкого освобождения остальных христиан Европейской Турции.

Разумеется, передача княжеств в компенсацию за Ломбардию и венецианские провинции может быть не по вкусу Австрии и, несомненно, вызовет самые резкие возражения со стороны княжеств. Но каковы бы ни были связанные с этим трудности, они бы намного оказались более серьезными, если бы для изгнания австрийцев из Италии и в целях изъятия у них владений без всякой компенсации сразу же была применена сила. Такая мера прежде всего ввергла бы Европу в отчаянную борьбу, исход которой никто не может предвидеть, несмотря на благоприятные шансы, предоставленные освободительным армиям, во стократ умножающие их материальные возможности. Однако не следует закрывать глаза на мощь противника. Им окажется, несомненно, вся Германия*. К ней рано или поздно присоединится Англия, а не Россия. Назначение России будет в этих обстоятельствах содействовать Италии, нейтралитет России будет больше, чем ее участие в войне**. Как бы то ни было, преж-

* По последним, наиболее достоверным опубликованным данным, федеральная германская армия в мирное время насчитывает 645 978 человек, в том числе: 458 215 пехотинцев, 79 030 всадников, 59 172 артиллериста, 11 913 саперов, 1291 генштабиста и 91 327 нестроевых. Австрия предоставляет 198 344 человека, Пруссия — 176 047, другие германские княжества — остальных.

** В войне Франции и Сардинии против Австрии роль России предопределена ее нынешней позицией и ее участием в Восточной войне. Современное положение России, которая занята собственным обновлением после войны, не позволяет ей вновь вступить в разорительную войну, не имея для этого интереса более существенного и определенного, чем борьба за возрожденную Италию. Если Россия не будет уверена, что она окупит новые жертвы реальным возмещением, русское правительство сможет занять в войне между Францией и Австрией лишь позицию, подобную позиции Австрии во время последних событий. Принимая Австрию за образец и воспользовавшись всеми плодами полученных от нее уроков, Россия соблюдает свои интересы и интересы своих союзников: она сможет, не пролив ни капли своей крови, перевесить чашу весов в сторону франко-итальянского флага, сосредоточив вдоль австрийской границы мощь своих армий. Россия таким способом несомненно добьется тех результатов, которых достигла Австрия, соблюдая видимость мирных намерений. Итак, если Австрия была по существу подлинным виновником бедствий, поразивших Россию, никогда не применяя против нее оружия, Россия в свою очередь нанесет ей самый страшный удар, сохраняя роль пассивного наблюдателя. Словом, вооруженный нейтралитет России будет настолько полезен Франции, что, рассматривая войну с этой точки зрения, нельзя не признать за Францией благоприятных шансов, даже если ее противниками станут вся Германия и Англия.

де чем начать европейскую войну, было бы в высшей степени важно использовать сначала все мирные способы. Одно из наиболее действенных средств — это созыв международного конгресса представителей всех христианских держав, малых и больших, Старого и Нового света. Этот внушительный ареопаг, возможно, имел бы некоторые шансы добиться уступок от Австрии во имя цивилизации и всеобщего мира, при этом при необходимости напомнив ей, что в такого рода требованиях нет ничего произвольного, оскорбительного и нового. А напротив, они вытекают из свежих примеров, когда Европа сочла, что некоторые народы, объединенные под одним скипетром, не в состоянии продолжать жизнь сообща, не нарушая всеобщего мира и не удручая человечество зрелищем напрасного кровопролития. Тогда Европа не отступила перед необходимостью их разделения и даже при их сопротивлении сделала это насильственно и без всякой компенсации. Именно в силу таких соображений вопреки Венскому договору Бельгия была отделена от Голландии, а Греция — от Турции, и, несмотря на давность объединения, были разделены навсегда. На длительное объединение главным образом могла бы сослаться Турция*. Но такого рода аргумент говорит скорее против государства, ссылающегося на него. Ведь именно длительность несовместимости дает право считать ее непреодолимым, а судье — право произвести окончательный развод, не подвергая дело предварительному испытанию временем**. Повторяем, что принесение в

* Греция была составной частью Османской империи с XV в. Австрия же владеет Миланским герцогством лишь с 1706 г., Мантуей — с 1785 г. и древней Венецианской республикой — лишь с 1797 г.

** Лучший способ выявить полную и непоправимую несовместимость между Австрией и ее итальянскими подданными, состоит в том, чтобы сравнить ее в этом отношении с другими державами, владеющими, как и она, провинциями, населенными разными народами. А Франция и Россия дают нам в этом отношении многозначительные примеры. В первом случае изводем Эльзас и Лотарингию, а во втором — прибалтийские провинции. Действительно, в отношении рас и религий эти страны еще более отличаются, чем итальянские провинции, от государств, в которые они были включены. Кроме того, за исключением Эльзаса, присоединенного к Франции с 1648 г., названные провинции находятся под французским и русским владычеством с гораздо менее отдаленного времени, нежели владычество австрийцев над Ломбардией: Литва и Эстония принадлежат России 138 лет (по Нейштадтскому миру 1721 г.), Курляндия — 64 года (с 1795 г.), Финляндия — только 50 лет (по Фридериксгамскому трактату 1809 г.), а Лотарингия принадлежит Франции 93 года (с 1706 г.), Миланское же герцогство принадлежит Австрии 153 года.

Следовательно, в отношении ассимилируемых групп, как и в отношении продолжительности взаимных контактов, германские провинции, присоединенные к Франции и России, были в менее благоприятных условиях для слияния, чем итальянские по отношению к Австрии. Во всяком случае, нужно было ожидать, что они так же прочно привьются, как и первые, к инородному телу. Но итальянские провинции совсем не привились и являются собой зачатую бесплодную ветвь, в то время как немецкие провин-

жертву княжеству со всеми данными им надеждами, а также и со всеми разочарованиями, которые за ними последовали, было бы конечно, очень прискорбным фактом. Однако если нужно делать выбор в этой тяжелой альтернативе — либо обречь на вечное страдание Италию, либо упразднить сомнительную политическую независимость княжеств, то невозможно не отдать предпочтение Италии, тем более если принять во внимание, что для румын австрийское владычество не повлечет за собой печальных последствий, которые оно имеет и всегда будет иметь для итальянцев. Такая надежда основывается на двух соображениях. Во-первых, по своему географическому положению, расе и нравам румыны несравненно ближе, чем итальянцы, стоят к некоторым группам, входящим в состав разнородного населения Австрийской империи, и которые, как, например, славяне, легче поддаются слиянию. Во всяком случае, они не вызывают у императорского правительства ни антипатии, ни недоверия. Оно охотно предоставляет весьма важные посты своим подданным хорватам, иллирийцам или далматинцам, чего никогда не делало по отношению к своим итальянским подданным. Во-вторых, сошлемся на историческое прошлое этих двух народов. Итальянцы, старшие сыновья и давние законодатели цивилизации и свободы Европы, никогда не забудут свое славное прошлое, живое воспоминание о котором возбуждает у них ненависть к любому чужеземному владычеству. Румыны же, находясь свыше четырех столетий в вассальной зависимости, гнетущей и постоянно унижительной*, от

ции России и Франции совершенно отождествились с древом новой родины и украсили его чудесными побегами. Эльзас и Лотарингия сейчас совершенно французские душой и телом, как и все остальные провинции Франции. Также и балтийские провинции совсем слились с Россией, и это несмотря на соседство державы, от которой их отделили и с которой, казалось, они были навеки соединены узами расы, религии и воспоминаний. Ничто не подвергло более решительному испытанию слияние этих провинций с Россией, нежели последняя Восточная война, когда союзные государства, опиравшиеся на громадный флот, несмотря на многочисленные попытки не сумели поколебать верность немецких подданных России и добились лишь того, что она засияла с новым блеском.

* Выражения, в которых составлен фирман Порты (опубликован 12 января 1859 г.), подтверждающий избрание Милоха, прекрасно показывают, как Турция смотрит на политическое положение своих вассалов, а также язык, которым она считает возможным обращаться к их главе. Во-первых, фирман не допускает, чтобы сербы могли отрешить от своих обязанностей князя Александра. О нем говорится: «Князь, которого мы ранее назначили князем Сербии, только что подал в отставку, принятую нами, и на его место избран носитель настоящего фирмана и настоящего августейшего и высочайшего рескрипта, прежний князь Милох Обренович... мы его пожаловали в князя декретом нашей императорской милости» и т. д. А далее фирман объявляет, что князь Милох был назначен Портой лишь потому, что «он твердо будет придерживаться послушания и покорности (sic!), что он будет стараться при всех обстоятельствах заслужить ее благосклонность и не преминет докладывать константинопольскому двору о всех событиях в княжестве, надлежащих быть доложенными...».

восточного деспорта, могут иметь самое большее лишь надежды, а не жгучие воспоминания прошлого, отравляющие настоящее. Прежний гражданин Венеции или Милана, превращенный в подданного иностранного государства, останется, что бы с ним ни делали, униженным патрицием, дворянином, поверженным в плебейскую грязь. Турецкий вассал, наоборот, став подданным христианского государства, совершает выгодный обмен: он покидает знамя Магомета и становится под знаменем Креста, подобно тем средневековым пленным воинам, которые попали в глубь Востока, где их новые хозяева подняли их до самых высоких должностей, были счастливы возвратиться на родину и заменить золоченую чалму паши железной каской простого христианского воина. Кроме того, отказываясь от видимости (с каждым днем все более лживой) некоторой политической независимости, чтобы объединиться со своими братьями-христианами под более скромным, но и более весомым названием австрийских подданных, румыны получают полную компенсацию — преимущество быть допущенными австрийцами не в качестве соперников, а сограждан к использованию прекрасной реки, оказавшейся отныне под одним флагом. Исчезают все препятствия, которые могущественный сосед постоянно возводит в ущерб слабому...

Нельзя забывать, а это очень легко доказать, что политическое освобождение Ломбардии неизбежно повлечет за собой моральное возрождение всей Италии.

VIII

Отнимая у Австрии ее итальянские владения, Европа тем самым заявляет, что настал час, когда путы, сковывающие

Если когда-нибудь княжества сделаются провинциями Австрии, то более чем вероятно, что их губернатор встретит при венском дворе более вежливое и почтительное обращение.

Во-вторых, ответ князя Милоха на этот фирман составлен в таких унижительных выражениях, что лишний раз показывает все лицемерие и отношения между христианами и турками вообще.

Эта система в применении к зависимым от Порты государствам лишает всякой серьезности их политическое положение и делает это положение загадкой, которую можно истолковать самым различным образом. Действительно, 21 февраля Милох послал письма султану и державам, которые гарантировали в Парижском трактате права и привилегии Сербии. В письме к султану Милох называл его «мой августейший повелитель», а сербов — верными подданными Порты, которые неизменно будут стараться лучше заслужить милость его величества султана!! К тому же это письмо подписано просто Милох Обренович. Совершенно иное дело с циркулярным письмом, адресованным монархам Европы. Оно не только подписано Милох I, так как князь утверждает в нем, что он обречен династической властью. Более того, в этом циркуляре «августейший повелитель» сведен к более скромным, но более правильным размерам — «высокого сюзерена».

свободное интеллектуальное развитие народов Италии, должно полностью исчезнуть. То, что Европа провозглашает справедливым для северных районов полуострова, она не может не признать справедливым и для других его областей. Если бы Европа считала законченным свое дело освобождением Ломбардии и венецианских провинций от иностранного господства, то она впала бы в макиавеллистское противоречие. Разве угнетение перестает быть угнетением, если оно осуществляется во имя австрийского императора или итальянского монарха? Нельзя, чтобы Европа одновременно, с одной стороны, спасала ломбардцев, а с другой — приставляла штыки к груди римлян с целью нового их порабощения. Поступая так, Европа загубила бы свое дело еще в зародыше. Она бы скомпрометировала себя в глазах народов Италии. Ее искренность была бы поставлена под сомнение. В ее пристрастном вмешательстве, жертвой которого народы были уже не раз, усматривали бы под либеральной маской злоеущие планы завоевания. Нет, разрешить итальянский вопрос Европа может, лишь водрузив на ее земле знамя освобождения повсюду, где затронуты священные интересы цивилизации и свободы. В центре полуострова это, разумеется, натолкнется на препятствие, до сих пор казавшееся непреодолимым. Либеральная Европа всегда отступала там перед трудностью, тем более опасной, так как она касается самых щекотливых вопросов религии. Возникает угроза — взорвать снаряд и тем затронуть священный принцип, который мы почитаем. Поэтому папство представляется всегда в виде скалы, о которую вечно будут разбиваться любые попытки создать новый строй, по отношению к которому римская теократия есть и всегда будет полным отрицанием, выраженным в знаменитом изречении, подлинном девизе папского знамени: «*Sit ut sunt aut non sint*» *.

Было бы жестокой насмешкой, кровавым и неосновательным оскорблением духа и достоинства папского престола предлагать ему совмещение принципа свободы дискуссий с принципом слепого послушания, а также подчинить его действия контролю своих подданных, продолжая быть их непогрешимым главой. Напрасно пытались бы смягчить это нелепое и чудовищное противоречие при помощи схоластических тонкостей, различая духовного законодателя и светского властителя, хотя никто и никогда не мог сказать, где кончается один и начинается другой. Вот самая серьезная трудность из тех, с которыми столкнулось бы в Италии установление либерального режима. Таким образом, успех или неудача этой крупной затеи в конечном счете будет зависеть от решений всемирного конгресса — насколько и как

* Да будет так, как есть, или не будет (лат.). — *Прим. пер.*

будут затронуты интересы католицизма в случае упразднения если не папства, то по меньшей мере его светской власти. Не осмеливаясь дать на это ответ, мы только хотим заметить, что, обсуждая такой вопрос, невозможно не считаться со следующими соображениями. Те, кто жил в Италии и изучал ее, прекрасно знают, что подавляющая часть ее общества относится настолько неблагоприятно к папской власти, что если бы этот вопрос мог быть решен всеобщим голосованием, то вне всякого сомнения его результаты были бы в пользу отмены светской власти папы. В значении голосования было бы трудно усомниться, так как оно отражало бы мнение 18 млн. католиков. К тому же католические державы остальной Европы могли бы противопоставить такому решению противоположное голосование. А разве при таком положении нужно навязывать итальянцам порядок, в котором, по их заявлению, они не нуждаются, только потому, что другие (неитальянские державы) считают его полезным для себя? Очевидно было бы справедливым, если бы те, кто желает из этого извлечь выгоду, сами несли издержки. Вот поэтому, если эти державы действительно считают себя неспособными управлять своими собственными духовными делами по примеру протестантских стран, то не следует ли установить папский престол вне Италии, для которой он стал обузой? И было бы ошибкой полагать, что станет легче, если папа будет оставлен духовной главой в Риме наряду с независимой от него светской властью. Такой пагубный дуализм стал бы источником многих разногласий и трений. А в конечном результате произошло бы быстрое крушение этого призрачного сооружения. Отсюда совершенно бесспорно, что если в какой-либо форме захотят сохранить папство, то никогда не сумеют сделать это на итальянской земле. Вспомним город Авиньон, где в XIV в. в течение 68 лет (1309—1377) была папская резиденция, причем ни католицизм, ни итальянское население не испытывали от этого серьезных неудобств. Папские области, освобожденные от вековых цепей, образовали бы независимое государство, королем которого стал бы принц одного из царствующих домов Италии. А может быть, предпочли бы сардинского принца, который, учитывая его происхождение, предоставил бы Европе более солидные гарантии на будущее. Само собой разумеется, что среди обязательств, наложенных на новое римское королевство, будет обязательство вместе со всеми католическими державами содержать папу. Следовательно, самые большие трудности в восстановлении Италии оказались бы устраненными. А трудности, возникшие ввиду личных возражений некоторых итальянских принцев, исчезли бы после преодоления гораздо более тяжелых. Наконец, карта Италии подверглась более существенным изменениям только

в двух пунктах. Там, где сейчас значится папская область, будет Королевство римское. Названия «Ломбардия и венецианские провинции» будут заменены — «королевство Ломбардия»*, или же эта территория будет называться «королевство Сардиния».

IX

По своеобразной взаимосвязи, существующей между Италией и Османской империей, переустройство первой должно значительно изменить политические и моральные условия второй. Создание славянского государства явится в Восточном вопросе большим шагом вперед и подготовит почву для его окончательного решения. Одновременно с освобождением итальянцев произошло бы освобождение более 4 млн. райя (жителей Болгарии, Боснии, Албании, Герцеговины и Хорватии), включенных в Сербию ради создания нового государства. Под османским владычеством остаются более 8 млн. райя, а именно: 4,8 млн. в Европейской Турции (во Фракии—2 млн., в Румелии и Фессалии—2,2 млн. и, наконец, на островах Азии и Европы—около 600 тыс. жителей) и около 3,4 млн. в азиатских и африканских провинциях империи. Освобождение 4,8 млн. христиан совпало бы с моментом окончательного раздела остатка Европейской Турции, ибо одновременный раздел нагромождал бы множество потрясений. К тому же, если начать сразу раздел с реорганизации Италии, то это переустройство может быть отложено на неопределенный срок из-за трудностей, которые возникнут в переговорах с Константинополем. Ведь в любом проекте раздела Османской империи Константинополь, этот восточный Рим, представляет собой опасный подводный риф, подобно в Италии папскому Риму, который предстает пугалом перед реформаторами этой страны. Такое своеобразное совпадение прибавляет еще одно сходство ко многим общим чертам Италии и Османской империи. Необходимо поэтому, чтобы большая восточная драма была разделена на два акта, которые будут разыграны с некоторым интервалом. Первое действие включит лишь создание славянского королевства, назначение которого мы уже упомянули. Это явится необходимым дополнением к передаче Австрии придунайских княжеств, передаче, которая в свою очередь станет необходимым следствием освобождения Ломбардии от иност-

* Во всяком случае, если Ломбардии суждено быть независимым государством, им она действительно может стать лишь под управлением итальянского принца. Австрийский эрцгерцог на троне этого нового королевства всегда будет олицетворением чужеземного владычества под другим именем. Это была бы полумера, которая может скрыть огонь под пеплом, но не угасить его.

ранного ига и, следовательно, морального возрождения всей Италии. Когда это великое дело завершится и в Европе восстановится спокойствие, можно начать второй акт драмы. Его предметом будет освобождение провинций Европейской Турции, оставленных временно под властью Османской империи (Фракия, Румелия, Фессалия и острова Архипелага). Упомянутые провинции, почти исключительно населенные греками, образуют естественную по национальному составу группу, тяготеющую к Греции. Таким значительным усилением эллинского государства Европа исправила бы ошибку, состоящую в том, что она определила для него столь ограниченные размеры и ресурсы. Европу можно было заподозрить в несерьезности ее намерений в отношении Греции и в том, что она якобы хотела лишь воздвигнуть временный шатер, украшенный королевским флагом*. Передача Фракии Греции приблизит Грецию к самым вратам Константинополя, и нельзя будет обходить дальше вопрос о древней столице Византии. Однако легче сказать, кому эта столица не будет принадлежать, нежели угадать, кому она достанется. Вероятно, не захотят, чтобы она стала русской, или австрийской, или английской, или даже французской, и возможно, что логически придут к тому, чтобы оставить ее Греции как составную часть Фракии. Во всех случаях желательно, чтобы освобождение Европейской Турции протекало без раздела всей Османской империи. Тогда роль европейских держав не носила бы бескорыстного и филантропического характера. Европа вполне может довольствоваться тем, что она оттеснит турок на противоположный берег Босфора. На сторону цивилизации будет привлечено свыше 10 млн. раб — форпост христианства, встающий перед турками Азии как постоянная угроза для защиты 3 млн. христиан, оставленных на временное попечение мусульманского господства. Мы говорим временное, ибо европейские державы определенными соглашениями должны обеспечить им право свободной эмиграции. Это, конечно, повлечет быстрый выезд из Азиатской Турции оставшихся там христиан. Таким образом, осуществилось бы желание, которое все шире распространяется среди мусульман.

Во время многих и длительных путешествий по всем провинциям Турецкой империи меня часто поражало, насколько народ, и особенно обезбеченные классы, инстинктивно пред-

* Население эллинского королевства меньше, чем население столицы Франции. С аннексией Фракии, Фессалии, Румелии и островов Архипелага оно будет иметь около 6 млн. жителей. Это не слишком мало, не слишком много, чтобы соответствовать всем требованиям европейского равновесия и чтобы обеспечить этому молодому государству возможность всестороннего развития, которое постоянно сковано его нынешними ресурсами.

видят такой исход. Вера турок в будущее так поколеблена, что христианство представляется им мечом, висящим над их головами на ниточке, которая вот-вот оборвется. Впрочем, в их глазах перспектива быть изгнанными из Европы гораздо менее страшна, нежели возможность попасть в Азию под владычество христиан и увидеть всю Оттоманскую империю разделенной между неверными. И не любопытно ли, что единственным государством, которому ныне действительно грозит раздел, является именно то, которое всегда старалось применить эту меру к другим. Как бы подтверждается старая поговорка о вырытой яме для своего ближнего, которая становится могилой для того, кто ее вырыл. Действительно, с тех пор как Оттоманская Порта была вынуждена отказаться от надежды расширить территории за счет Европы, она пыталась удовлетворить свои аппетиты путем дипломатических интриг. Она использовала благоприятные случаи для внушения европейским державам планов завоеваний и разделов, а также приглашала не совсем естественных союзников делить с ней расходы и барыши от такого рода предприятий. События подобного рода, происшедшие в XVIII в., весьма любопытны и малоизвестны. Они заслуживают, чтобы о них кратко упомянули.

В 1724 г. султан Ахмет III заключил с императором Петром Великим соглашение о разделе западных провинций Персии, бывшей в то время предметом раздора нескольких претендентов на шахскую корону. По этому соглашению, безусловно заслуживающему особого места в кодексе дипломатической морали, оба монарха одновременно захватили вожделенные области и соответственно присоединили их к своим государствам. Такое своеобразное действие послужило позже непосредственным образцом к разделу Польши. Но Турция как бы хотела умножить подобные примеры прошлого и сделать популярной в Европе политическую систему раздела. Она поспешила выдвинуть новый раздел в связи с предложениями о посредничестве, сделанными ей в 1769 г. императором Иосифом II и Фридрихом Великим, — монархами, пытавшимися положить конец кровавой войне между Турцией и Россией, роковой исход которой для Турции можно было предвидеть. Вместо обсуждения предложений державами-посредницами реис-эффенди (министр иностранных дел) предложил послу Австрии г-ну де Тюгу проект коалиции между Турцией и Австрией против России, конечным результатом которой должен был быть ни больше ни меньше как раздел Польского Королевства между двумя союзными государствами. Предложение турецкого министра было выражено следующим образом: «Когда русские будут изгнаны из Польши, Австрия будет решать вопрос, следует ли дать королю этой стране или разделить ее между Австрией и Пор-

той». Момент, выбранный Турцией для такой гнусной инсинуации, придавал ей совершенно особый характер коварства и предательства. Ведь Турция только что обещала Польше поддержку и помощь, когда та обратилась к ней, чтобы искать спасения от России. Правда, макиавеллийский план константинопольского двора не был принят Австрией. Тем не менее план, по-видимому, нашли настолько соблазнительным, что тут же (в 1771 г.) Пруссия предложила Австрии применить его не только к Польше, но и к самой Оттоманской империи. А год спустя (в 1772 г.) он был действительно применен в отношении Польши, но без участия Порты в барышах от проекта, автором которого она являлась. Раздел произошел исключительно в пользу России, Австрии и Пруссии. Турции осталось лишь жалкое утешение, что она временно избежала западни, которую сама готовила для других. Изложив весьма любопытную историю ряда политических интриг, г-н Гаммер заканчивает свой рассказ остроумным замечанием: «Одного факта этой политики раздела Порты достаточно, чтобы приговорить Оттоманскую империю испытать на себе ее применение» *.

Теперь, если в общем рассмотреть политическое переустройство, предложенное нами как средство для решения двусторонней проблемы Италии и Востока, то можно быстро убедиться, что оно охватывает основные условия, без которых любая попытка изменить карту Европы попадает в область разных бесплодных утопий, революционных увлечений или грубых захватов. Но каковы же эти условия? Их можно выразить следующим образом:

1. Всякое изменение или упразднение установленного порядка должно обуславливаться моральным принципом и, следовательно, иметь целью лишь действительные нужды, выявленные длительной практикой народов, политическое положение которых необходимо изменить.

2. Изменения эти должны допускаться только в строго ограниченных рамках необходимости, не подвергая Европу слишком резким потрясениям и не рискуя скомпрометировать успех операции, связывая ее с сомнительным шансом всеобщей войны. Для избежания такой опасности необходимо, чтобы Европа сперва ограничила сферу своего действия христианским населением. Ведь если для нового установления границ между государствами достаточно было их мотивировать тем, что они будут благоприятствовать цивилизации, то непонятно, почему Европа не вынесет решение о присоединении к своим владениям всех народов Востока. Во всяком случае, то, что было бы применено к Турции, долж-

* «Schon durch solche turkische Theilungspolitik ist die Türkei kunftigen Theilung verfallen», Hammer, Geschichte des Osm. Reichs, t. III, стр. 619.

но также быть применено к Персии, Японии и т. д. Между тем, ограничиваясь отделением христиан от турок, овладение восточными государствами не пойдет дальше освобождения европейской части Турции. Азиатская часть ее, так же как и остальной Восток, будет надолго нетронутой.

Первое из упомянутых условий было бы осуществлено отделением итальянцев от немецкой нации и объединением в две естественные группы населения Европейской Турции, а именно: славянскую ветвь, которая сформировала бы независимое государство, и греческую ветвь, которую вернули бы в родное лоно, предоставленное эллинским королевством. Второе условие могло бы быть выполнено прежде всего на небольшом пространстве, связанном с перекройкой европейской карты, и затем осуществлено с осторожностью. За исключением Ломбардии, Папской области и Европейской Турции, все осталось бы в прежнем положении. Ни одно из крупных государств не расширило бы своей территории, а из небольших лишь Греция и, возможно, королевство Сардиния расширились бы в той мере, в какой это необходимо для их существования как независимых государств.

Х

Изучив способы, которые могут быть использованы для решения двух важных злободневных проблем — Италии и Востока, проблем, взаимосвязь которых мы старались показать, нам остается рассмотреть теперь, какая же из европейских держав располагает необходимыми условиями, чтобы иметь право дать сигнал к началу такой крупной операции и взять на себя руководство ею. Когда присматриваешься к положению великих держав в свете последних событий, неизбежно приходишь к мысли, что эту важную роль должна взять на себя Франция. Окруженная двойным ореолом военной славы и нравственного авторитета, Франция заняла в европейском ареопаге стран такое место, на которое бог возводит своих избранников лишь тогда, когда поручает им обращаться к народам от его имени и выполнять его непреложную волю. От такой миссии безнаказанно не отказываются. Монарх, которому она поручена, волей providения призван одновременно исправить ошибки минувшего и оправдать надежды грядущего. Первые налагают на Францию обязательства тем более грандиозные и неотложные, так как она имела несчастье содействовать их совершению. Разве она не укрепила в Италии власть Австрии, принеся ей в жертву Венецианскую республику*, правда устаревшую и разрушающуюся, но седые волосы которой скрывали лавры,

* Договором Кампо-формio Венеция была передана Австрии.

полученные ею за одиннадцать столетий борьбы за христианство и за мировую цивилизацию? Разве не сама Франция вызвала надежды и тяжелые разочарования Италии, попеременно одевая ее в республиканскую тогу и в королевский пурпур, чтобы затем, несколько дней спустя, заменить блестящие одежды ее прежней ливреей? *. Разве она не покинула Италию в торжественный час, когда присутствие французской армии на итальянской земле могло оставить на ней иные следы, чем бомбардировка Рима?

Одних этих воспоминаний достаточно, чтобы Франция приняла на себя роль законного и обязательного защитника Италии. В настоящее время, когда Франция кажется облеченной властью определять судьбы народов, такие воспоминания, несомненно, приобретают вес...

* В 1797 г. Милан, Мантуя и часть Пармского герцогства были соединены в Предальпийскую республику. В 1798 и 1799 гг. были поочередно провозглашены республики: Лигурийская, Римская и Парфенонейская. В 1802 г. Предальпийская республика была преобразована в Итальянскую республику. В 1805 г. все эти республики были объединены в королевство Италии. Наконец, в 1814 г. королевство Италии пало, в свою очередь. Итальянские принцы вернулись к своим прежним владениям, а Австрия, захватив обратно Ломбардию, сохранила в то же время венецианскую территорию, полученную в качестве компенсации за Ломбардию, которую она по трактату Кампо-формии уступила Франции.

Снова среди потоков крови встает грозный Восточный вопрос. Напрасно пытаются замаскировать его под скромным названием «Вопрос о Сирии»¹, никто не сомневается в его истинном значении. Противоестественная позиция всей Европы, повсеместное вооружение, угроза, которую ощущает на себе деспотизм, противоборство страстей, соперничество и подозрительность, бессилие устаревших идей и общее брожение умов — все это говорит о том, что достаточно одной искры, чтобы произошел взрыв, который превратит мир в развалины. Такой искрой может оказаться первый же выстрел европейских армий на Востоке.

По существу, Восточный вопрос существовал всегда. И пока его не решат, он будет одной из страшных язв, отравляющих весь организм. Под воздействием внутренних дел, прикрыв лоскутами при помощи дипломатии, на некоторое время можно упустить его из поля зрения, но это ненадолго. Недуг слишком реален и дает о себе знать сильнее, нежели когда-либо. Не полумеры, а только смелая ампутация может спасти от гангрены.

Однако не дипломатия решит этот вопрос. Она почти бессильна: ее снадобья минувшего века абсолютно не действуют.

Дипломатия это не так давно показала. Призванная оказать помощь, она сделала все, чтобы ухудшить состояние больного, осложнить и затруднить по возможности решение вопроса.

Отныне есть лишь один путь, если только не желают запутаться в лабиринте, — необходимо, чтобы какая-либо сила взяла верх над дипломатией и заставила ее идти вперед. Такой силой является общественное мнение, всегда более разумное, более справедливое, более благородное и более практичное.

Сейчас это уже возможно. Перед нами пример Италии². Он показывает остальной Европе, что стоят прогнившие сооруже-

ния дипломатии перед энергией, лояльностью и смелостью прогрессивных сил.

Навсегда ушли в прошлое времена, когда дипломатия позволяла себе делать вызов общественному мнению. Если теперь его игнорируют, то это может быть только потому, что оно еще более малодушно, чем дипломатия.

Преступления, творимые дипломатией, совершаются ею всегда умышленно; ошибки общественного мнения происходят чаще всего из-за неосведомленности.

Одно из главных заблуждений дипломатии в одном из наиболее запутанных вопросов современной политики — это роль, которую отводят России в Восточном вопросе.

Европа даже не может представить себе положение дел в России, так как она не знает русского языка и не имеет возможности следить за нашей литературой (лишь она точно отражает развитие идей и чаяний в России), а черпает сведения только из газетных корреспонденций, которые большей частью написаны под определенным воздействием или же людьми, чуждыми России.

Вот почему слово «Россия» до сих пор в Европе неотделимо от понятий: агрессия, завоевание, казачьи войска.

Такую же роль ей обычно отводят в Восточном вопросе.

Мы попытаемся, насколько это возможно в пределах данной статьи, объяснить подлинный взгляд русских на Восточный вопрос и показать, что интересы России, совпадая с интересами всей Европы, требуют решения, основанного только на идеалах справедливости и прогресса, на чувствах гуманности, а не на праве силы.

I

Анализируя решения последней конференции в Париже³, трудно поверить, что они были приняты по этому важному вопросу. Но если вспомнить, что эти решения продиктованы дипломатией, на них сразу можно обнаружить ее след.

Пронизанная интригами, эгоизмом, недальновидная из-за своей беспринципности, дипломатия — самый грозный враг прогресса. Замкнутая в узком кругу ложных понятий, унаследованных от прошлых веков, она лишь тормозит продвижение мира вперед; находясь между рутинной и прогрессом, она естественный союзник первой; она не осмеливается открыто сопротивляться могучему дыханию новых идей, а только пытается строить козни, чтобы остановить их развитие. А поскольку эти козни, воздвигаемые неуверенной рукой, быстро раскрываются, то дипломатия, застигнутая врасплох, спешит признать факт свершившимся, надеясь втайне расставить новые ловушки. И все, чего она добивается, сводится к новым страданиям человечества.

Для доказательства этого можно привести множество фактов, но мы остановимся лишь на некоторых.

Двенадцать лет назад дипломатия потопила в крови итальянский вопрос⁴ и венгерский вопрос⁵. Итальянский вопрос теперь разрешен. Что касается венгерского, то он вновь может встать на повестку дня, как и прежде. К чему же тогда так много жестокостей?

Дипломатия делала все возможное, чтобы в корне пресечь чаяния румынского народа, но, несмотря на это, дунайские княжества объединились.

Она делала все, чтобы помешать присоединению провинции Эмилии к Пьемонту, но и это свершилось.

Дипломатия настолько была потрясена героизмом Гарибальди, его энергией, что смогла прийти в себя лишь спустя три месяца; сейчас она предпринимает все, чтобы спасти проигранное дело.

Дипломатия пускала в ход все средства, чтобы поддержать турецкий деспотизм. По ее милости пять лет назад погибли сотни тысяч людей. А что стало с деспотизмом сейчас?

Перечисление фактов могло бы составить целые тома.

Если мы позволяем себе напоминать об этих печальных событиях, то лишь потому, что сейчас дипломатия продолжает упорствовать. Ведь постановка Восточного вопроса в таком виде может только вовлечь Европу в ужасные беды...

Среди положений конвенции, подписанной недавно в Париже, нельзя найти ни одного, которое указывало бы на искреннее и разумное разрешение вопроса.

Что станут делать, если 12 тыс. солдат будет недостаточно для умирения Сирии, если беспорядки продлятся более шести месяцев, если в европейских провинциях возникнет резня? Эти вопросы весьма естественны и очень просты, чтобы конференция не могла их не предвидеть. Они слишком серьезны, чтобы конференция оставила их нерешенными, если только она не разыгрывала комедии.

Нам могут возразить, что все эти вопросы рассмотрит и разрешит следующая конференция. Но если их не смогли разрешить сегодня, когда для этого был выбор средств, то смогут ли это сделать в разгар конфликта? И будет ли время для этого?

Одним из последствий вмешательства европейцев в дела Сирии станет разгул фанатизма во всей Турецкой империи. Таково мнение наиболее осведомленных людей. К чему может привести резня христиан в Македонии, Болгарии, Албании? Что произойдет, если турецкие войска, вместо того чтобы выступить на стороне христиан против своих единоверцев, предпочтут объединиться с ними для истребления гяуров, если в Константинополе восторжествует смута, если население всей империи встанет на защиту своей веры и независимости?

А если все это случится, то во имя гуманности Россия введет войска в европейские провинции, Франция сделает то же самое в отношении Сирии, Англия захватит Египет, а дипломатии, застигнутой врасплох, не останется ничего иного, как признать раздел Турции свершившимся фактом.

Этого ли ожидает дипломатия? Если нет, то чем объяснить решения пресловутой конференции?

Несомненно, что, приняв решение о вмешательстве, хотели приостановить резню. Но почему тогда ограничивать численность войск 12 тысячами? Рассчитывали ли на малодушие мусульман, на то, что стоит им увидеть европейские армии, как они сразу же усмирятся? Если это так, то нужно признать, что, по мнению держав, прекращение резни — дело нетрудное и что, раз турецкое правительство не сделало этого по своей воле, значит, оно не хотело или не могло.

Если турецкое правительство не хотело этого, значит, оно самым беззащитным образом нарушило соглашение 1856 г. и тогда следовало бы послать войска против него в Константинополь, а также против друзей⁶. Если же оно не могло, тогда налицо полнейшая слабость султанской власти по отношению к своим подданным и не 12 тыс. солдат могут укрепить ее положение. Скорее всего присутствие войск, ожесточая турок, ожесточит и христиан и побудит европейские провинции сбросить с себя страшное иго. Вторжение войск, следовательно, повлекло бы за собой распад Турции. Если конференция этого не предвидела, то это ошибка; если же она это предвидела, то виновна в том, что с самого начала не приняла достаточно энергичных мер для достижения цели, избегая крупных жертв.

Но если мысль о том, что резню прекратить легко, понятна в брошюре, то она ни в коем случае не должна была высказываться на конференции, в решениях которой затрагиваются судьбы миллионов людей. К решению столь серьезного вопроса нельзя подходить необдуманно, нельзя даже допускать, что может произойти противоположное, тогда как такая возможность по всем физиологическим и историческим данным должна была быть предусмотрена как более чем вероятная. Видано ли, чтобы человек в порыве своих страстей, добиваясь цели, ради которой он уже совершил преступления, остановился бы на полпути из-за какой бы то ни было угрозы, тем более слабой и неопределенной? А разве когда-либо удавалось свернуть с дороги того, кто считает, что он выполняет свой священный долг, решившись заранее идти на все, даже на смерть?

Таково именно положение, усугубляемое превосходством коллективной силы и энергии масс над отдельным человеком.

К тому же можно ли привести хоть один пример, когда магометане без боя уступали христианам? Не доказывают ли

сегодня примеры Алжира, Кавказа, Марокко, что борьба с ними, как и прежде, трудна?

Об этом нельзя не думать. Иначе чем объяснить посылку 12 тыс. солдат?

Участники конференции полагают, что они все продумали, когда заверяют, что если необходимы новые меры, то они предусмотрены. Вот и превосходно. Разумеется, они их примут, когда возникнет новая резня и когда, как и прежде, этому будут попустительствовать. Затем соберут конференцию и примут решение послать другие 12 тыс. человек, и будущее будет обеспечено. Если именно так решаются вопросы, то мы, признаться, ничего в этом не понимаем.

Что можно сказать о шестимесячной оккупации Сирии? Посылая 12 тыс. солдат против друзей, европейцы поистине полагают, что друзья — это капризные дети, которые становятся благоразумными, как только увидят розги. Но забывают при том, что стоит лишь унести розги, как они снова начинают капризничать. Следовательно, рассчитывать на то, что присутствие солдат усмирит друзей, — значит не думать о том, что они тотчас же начнут все сначала, как только войска уйдут. Не придется ли конференции принимать тогда еще одно решение о шестимесячной оккупации? Оккупация может стать, таким образом, постоянной.

Эта резня или, скорее, бесжалостное истребление, проводимое с такой яростью и упорством, наверно, не пикник, который друзья устроили от нечего делать. Несомненно, что за этими фактами кроется серьезная психологическая или политическая причина — не местная, а всеобщая, не временная, а постоянная. Военная оккупация может ее устранить, но не шестимесячная, не полугодовая оккупация.

Нам, возможно, скажут, что речь просто идет о мести за оскорбление христианской религии, т. е., в конце концов, об истреблении еще нескольких тысяч христиан, чтобы уничтожить еще большее число друзей; иначе говоря, речь идет о повторении действий тех, кого хотят покарать!

Итак, неумолимая логика убеждает, что решения конференции могут иметь два значения. Либо они являются западней человечеству, либо фактическим признанием дипломатии в том, что она больше не в состоянии противостоять событиям.

И в том и в другом случае было бы лучше, если бы дипломатия не вмешивалась и предоставила возможность событиям развиваться самостоятельно.

II

Идеи, приобретающие господство в мире, заключаются в невозможности дальнейшего существования Турецкой империи в Европе. Важнейшие основы этой империи диаметрально

противоположны устремлениям Европы и всему тому, что для нее становится повелительной потребностью.

Европа стремится к политической свободе, к упразднению произвола в правлении, т. е. того, что составляет quintessence турецкого деспотизма.

Европа провозглашает торжество национальных принципов, Турция же существует лишь благодаря угнетению народов.

Европа стремится к олицетворению прогресса и цивилизации, ислам же в основном — к неизбежности.

После Восточной войны часто утверждали, что Турция встала на путь прогресса, однако это абсолютно невозможно в силу органических элементов, составляющих Турцию. Действительно, можно сказать, что, встав на путь прогресса, т. е. обуздав деспотизм, освободив народы, сделав ислам веротерпимым, Турецкая империя перестанет существовать.

Искренность султана, его усилия, направленные на осуществление реформ, о которых так много шумит дипломатия, на деле не что иное, как ширма, помогающая той и другой стороне прикрывать интриги. Если же эту ширму убрать и посмотреть на это в истинном свете, то станет очевидным, что положение турецкого правительства уже давно ненадежно. Оно хотело бы провести реформы, но против них выступает все мусульманское население, которое считает всякую реформу, внушаемую христианами, изменой вере своих предков, покушением на его привилегии. Если султан этого не сделает, то Европа выступит с угрозой раздела его владений; если же он попытается оставить все без изменения, то объединит против себя и турок и европейцев, т. е. произойдет то, что мы наблюдаем сейчас.

В действительности турецкое правительство пользуется лишь искусственной поддержкой, созданной дипломатией ради того, что поддержка Турецкой империи необходима для европейского равновесия. Подобное положение, разумеется, не может быть продолжительным. Но его можно долго поддерживать, чтобы предоставить дипломатии возможность приносить новые страдания и жертвы.

Целостность Турции, выдвигаемая как необходимость для сохранения европейского равновесия, — одна из самых варварских и самых безнравственных выдумок дипломатии. Она принесла уже плачевные последствия.

Обманутый дипломатией, великий английский народ запятнал себя кровью. Англия пала настолько, что стала на службу гнуснейшему деспотизму. Именно Англия постоянно покровительствовала шаткой власти султана и защищала его от смертельных ударов. Таким образом, английский народ стал защитником варварства и угнетения.

Для чего же необходимо существование Турецкой импе-

рии? Для того ли, чтобы свыше 10 млн. христиан постоянно подвергались грабегам, оскорблениям и несправедливости; для того ли, чтобы никто из них никогда не мог быть гарантирован от покушений на их жизнь, честь, счастье; для того ли, чтобы их жены, сестры и дочери попали в гаремы; для того ли, чтобы развращенность, невежество, варварство находили притом поддержку в Европе? Вот те услуги, которые Турция может принести, если сюда не прибавить возможность спекулянтам разбогатеть, создать широкое поле для дипломатических интриг, иметь постоянный предлог для войны у правительств, которые считают длительный мир самой большой опасностью.

И именно ради этого Европа в течение многих лет приносит огромные жертвы. Она приносит их ради укрепления сооружения, которое, разумеется, не может быть упрочено и которое рушится даже в результате самого ремонта. И разве предшествующие события не убеждают Европу в бесполезности ее усилий? А те, кто помнит Восточную войну, бесконечные заговоры, которые замышляются в султанском дворце, жалобы христиан, резню в Сирии, наконец, не видят, что единственный результат стольких жертв сводится к тому, чтобы требовать их еще больше, не зная при этом, чем все это кончится.

III

Главная причина того, что Турецкая империя так долго существует, заключается в идее ее раздела.

Великие державы, опираясь на право самых сильных, считают себя законными наследниками Турции. Их интересует не уничтожение турецкой тирании и не освобождение угнетенных народов, а раздел империи между ними. Поэтому, с тех пор как существует вопрос о безнадежно больном, каждая из пяти великих держав озабочена прежде всего долей, которая может достаться соперникам; и, пока кажется, что соседу достанется больше, они не могли до сих пор и никогда не смогут договориться.

Вопрос останется неразрешенным до тех пор, пока о нем не будет сказано всей правды. Чтобы его решить, необходимо прежде всего отбросить мысль о разделе.

Эта мысль должна быть отвергнута во имя права. Вероятно, никто не осмелится утверждать, что в нем есть хоть крупица юридического смысла. Единственное право, на которое могут ссылаться, так это право силы — действие само по себе грубое, пренебрегающее справедливостью и народами. Благодаря такому действию по воле меньшинства была раскроена карта мира, а нам завещано, таким образом, искупить ошибки и преступления предков ценой тягчайших жертв. Если эти

жертвы не научили нас презирать решение вопросов силой, если опыт не избавил нас от ошибок наших отцов и мы переедаем нашим сыновьям те же пороки, от которых мы столько страдали, то не следует ли прийти в отчаяние от человеческого разума?

Такое понятие также должно быть отвергнуто во имя общего блага.

Выгоды, которые жаждут получить при разделе, — вот великий соблазн. К сожалению, это доказывает, что страсть к завоеваниям продолжает царить в нашем мире и что вопреки принципам и суровым урокам истории некоторые настойчиво добиваются территориальных приобретений.

Приносятся огромные жертвы ради попрания права и справедливости, еще большие жертвы — чтобы держать в повиновении и угнетать побежденного; далее, ослабление завоевателя и освобождение побежденных, а в результате — разрушения и разорение. Вот что влечет за собой стремление к завоеваниям и что испытывают народы при нежелании отказаться от этого стремления.

Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы понять, чего вопреки справедливости и естественному праву добиваются такими аннексиями при помощи меча.

Может быть, недалек тот час, когда колоссальный внутренний прогресс Англии уравновесит бремя, возлагаемое на нее войной. Владение Индией для нее более губительно, нежели полезно. Научные теории, опыт Соединенных Штатов показывают, в какую сторону склонятся весы, когда на одну чашу кладут коммерческие выгоды, полученные от угнетенного народа, а на другую — выгоды от торговли с тем же народом, но свободным. Индия имеет дефицитный бюджет. Установить равновесие будет все труднее, по мере того как идея независимости станет обходиться все дороже. Добровольное освобождение Индии принесло бы Англии выгоду, исключило бы все ее военные затраты.

Новая Зеландия объята восстанием. Рано или поздно оно может вспыхнуть и в других колониях. Никто не скажет, какие суммы поглотит война в Китае. Возможна чудовищная война на Востоке. 300 млн. ф. ст., утвержденные недавно на нужды внутренней обороны, естественно, не предел. Разумеется, так долго не должно продолжаться. И Англия это ясно видит по своим авуарам. К тому же ее непрекращающаяся агрессия, ее эгоистическое и часто грубое поведение беспрестанно снижают ее моральное влияние. В ее же интересах изменить свою политику.

Франция дважды расплачивалась унижением за честолобие своей автократии. Людовик XIV оставил ее изнуренной, без внешнего влияния. За победами Наполеона последовал 1815 год.

Что касается французских колоний, то, по компетентному свидетельству самого главы французов, Алжир стоил Франции золота и крови.

Истощение, от которого Испания с таким трудом избавляется, ставшая ныне ничем Голландия — вот единственный итог былого превосходства этих двух стран, достигнутого завоеваниями. Жажда к завоеваниям вывела Швецию из разряда первых держав мира.

Теперь посмотрим в противоположную сторону — на государства, которые были завоеваны; они или освободились, или же находятся на пути к освобождению. Превосходящие силы Голландии и Турции не помешали Бельгии и Греции обрести свободу. Италия, бывшая некогда страной-завоевательницей, а затем покоренной, в свою очередь избавляется от угнетения. Шлезвиг и Голштиния ждут лишь случая, чтобы освободиться от датчан. Польша является неиссякаемым источником слабости и беспокойства для тех, кто ею владеет, а народы, силой включенные в состав Австрии и Турции, угрожают этим государствам отделением.

Какие же выгоды сулил бы державам раздел Турции? Никаких. Напротив, он создал бы неудобства, которые всегда влечет насильственный захват, неудобства, усугубляемые моральным превосходством идей покоренных наций над завоевателями.

IV

Мнение, распространенное в Европе, о том, что раздел Турецкой империи особенно выгоден России, а также, что эта страна стремится к завоеванию Турции, считается само собой разумеющимся. Легенда о завещании Петра Великого⁷ известна каждому читающему газеты. Единство рас, вероисповедание, исторические традиции, тесно объединяющие славянское население Турции с русскими — все это содействует распространению различных беспочвенных слухов.

Ниже мы попытаемся доказать, насколько несостоятельно такое мнение Европы и что есть серьезные причины, которые являются помехой территориальному расширению России за счет Турции, что подавляющее большинство русского народа враждебно относится ко всяким захватническим или военным планам.

Некогда стремление русских монархов обеспечить свое господство над Турцией считалось совершенно естественным. Развитие событий, исторические традиции, географическое положение, веяния времени — все оправдывало монархов.

То ли в силу эгоизма, то ли в силу своей слабости, но латинско-германский мир и пальцем не шевельнул, чтобы воспрепятствовать вторжению ислама в Восточную Европу. Татары

обрушились на Россию, погрязшую в раздорах и междоусобной борьбе, и захватили ее. Только необъятная территория России спасла Запад, утолив воинственную жажду татарских орд.

Турки захватывают Латинскую империю; Европа же остается равнодушной к ее падению. Героически сражались сербы, но, не получив поддержки, вынуждены были отступить перед численным превосходством врага. Венгрия храбро отражала удары, но была разбита. Вена с ужасом смотрела на турецкие войска, которые находились у ее стен. Но не Запад спас Вену.

Более двух веков Россия стонала под татарским игом; все ее попытки сбросить с себя ярмо поначалу лишь побуждали победителей к новым жестокостям. И все же московским князьям удалось в конце концов установить свою власть над соседними князьями. Россия сумела объединиться. Она сама освобождается и в свою очередь покоряет своих бывших завоевателей. Именно с тех пор и начинаются наши войны с Турцией, — войны бесконечные, длившиеся веками; иногда наступала короткая передышка, но лишь для того, чтобы с новой силой возобновить борьбу.

Ни разу Запад не пришел нам на помощь. Европа, охваченная религиозным фанатизмом, даже не пошевелилась при виде страданий народов иного вероисповедания. Правда, иногда на стороне русских против общего врага сражались австрийские армии, но лишь тогда, когда речь шла о защите или расширении австрийских владений.

Следовавшие одно за другим поражения свели на нет былую мощь Турции. В каждом договоре Россия оговаривала статьи в пользу своих угнетенных братьев.

Свершается революция. Франция объявляет миру о торжестве свободы; ее армии свергают троны, но никто не помышляет о народах, которые продолжают стонать под гнетом самого чудовищного деспотизма.

Наполсон I, задушивший революцию, всей своей мощью поддерживает деспотизм. В то время как 20 народов, подчиняясь его повелениям, направляются к Неману, подкупленная Наполеоном Турция предпринимает безуспешные усилия, чтобы вынудить Россию отказаться от договоров в пользу христиан.

Россия, атакованная с двух сторон деспотизмом, подымается, как один человек, сражается, побеждает и дает новые гарантии своим братьям, а также независимость Европе.

До этого момента воинственные устремления России были не только естественными, но почти законными. Из всех европейских держав Турция была наиболее опасной для России; Турция была ее непосредственным соседом, и русские не могли рассчитывать на иностранную помощь; Россия должна бы-

ла побеждать, чтобы не быть побежденной. Вместе с тем народы, стонущие под турецким игом, надеялись лишь на Россию, на своих единоверцев.

Таким образом, любая победа России над Турцией означала: ослабление Турции, обеспечение собственной безопасности, освобождение угнетенных христиан и победу христианской веры над исламом — словом, все то, чего можно было желать в эпоху, когда дух войны и религии господствовал в Европе.

Положение с тех пор коренным образом изменилось.

С одной стороны, Турция стала настолько слабой, что не может уже внушать страх России; с другой — повинаясь новым взглядам, вся Европа взяла на себя опеку над Портой, претендуя одновременно на защиту европейских подданных от Порты и себя от России.

Вполне очевидно, что последнее положение делает всякую мысль о завоеваниях бессмысленной.

А император Николай, имел ли он захватнические идеи? На этот вопрос ответить довольно трудно. Мы склонны дать скорее отрицательный ответ. Ведь Николай был человеком, осуществлявшим принятые планы с большей энергией, нежели та, которую он проявил, начиная Восточную войну.

Но как бы то ни было, под предлогом защиты Турции Европа напала на нас. Война оказала нам неоценимую услугу. Она была для нас тем ударом грома, который потряс до основания дряхлое здание и пробудил его обитателей от глубокой спячки.

Самой страшной была минута пробуждения. Впервые за 150 лет Россия оказалась побежденной; национальной гордости была нанесена глубокая рана. Но такое состояние длилось недолго. За ним последовало совсем иное чувство.

Господствовавший до того времени деспотический режим держал нас в мертвом сне. Мы жаждали действия, но цепи сковывали наши руки. Мы желали говорить, но на наши уста была наброшена повязка. Мы хотели думать, но наши головы сжимал железный обруч. Полные сил и энергии, мы были обречены на бездействие, инертность, в то время когда вдалеке слышался гудок парохода, увозившего Европу. Так прошло более 30 лет. Падение Севастополя — мы это ощутили — вернуло нас к жизни.

Парижский мир мы приняли со вздохом облегчения. Он был нужен, чтобы начать реформы, крайняя необходимость которых признавалось всеми.

И реформы действительно начались, но с первых же шагов перед нами встала самая главная из них — раскрепощение крестьян.

Не ставя перед собой задачу рассмотреть все развитие этого важного вопроса, мы считаем необходимым все же кратко

означить с ним, чтобы иметь точное представление об истинном положении дел в России.

Освобождение крестьян — краеугольный камень всех наших реформ. До тех пор пока оно не будет осуществлено, невозможно двигаться вперед. Самая добрая воля может лишь осуществить полумеры, паллиативы, которые скорее запутывают положение, нежели приносят реальную пользу, не удовлетворяя истинных нужд и не отвечая законным надеждам. Крепостное право — право помещиков на крестьян — являлось главной основой государственного устройства. Безусловно, это устройство не изменится, пока такое право не будет отменено. Упразднение крепостничества встречает совсем иные трудности, нежели те, о которых предполагают в Европе.

Каждый раз, когда там затрагивается эта проблема, можно быть уверенным, что непременно услышим слова: старая русская партия, сопротивление дворянства и т. д. Мы категорически заявляем: все, что говорится и пишется в связи с этим, свидетельствует лишь об абсолютном незнании положения дел в России.

Прежде всего, если бы знали эту страну, то были бы осведомлены, что в России не существует никакой партии — ни старой, ни молодой. Это большое несчастье, но это так. Совсем нет партий, потому что их создание было всегда невозможным.

В России не существует также и парламента, совершенно запрещены политические общества и клубы, политическая жизнь сведена к нулю. Всякая попытка создать партии постоянно пресекалась, так как, с точки зрения правительства, слова «партия» и «заговор», к сожалению, были и остаются синонимами. В таких условиях в России могут быть лишь отдельные высказывания — за или против прогресса. И в вопросе раскрепощения крестьян такие тенденции, как всегда, играют свою роль, но противников освобождения гораздо меньше, чем его сторонников.

Неверно также и то, что оппозиция исходит от какой-то партии. Впрочем, если бы такая оппозиция и существовала в противовес правительственным взглядам, то правительство располагает таким перевесом, что при желании оно легко ликвидировало бы ее.

Говоря кратко, действительное положение сводится к следующему: народ, естественно, выступает за освобождение, вся печать поддерживает это, большинство дворян желает его осуществления.

В желании дворянства можно было бы усомниться. Однако дворянство в своем подавляющем большинстве не только желает раскрепощения крестьян, но и хочет осуществить это немедленно. Оно, возможно, не взяло бы на себя инициативу, но, так как сильнейшее брожение народа после Восточной

войны побудило императора поднять этот вопрос, дворянство отдает себе отчет в том, что, коль скоро вопрос поставлен, затягивать его решение невозможно. Дворянство понимает уже сейчас, что отношения между обоими классами становятся все более напряженными и обостренными, что крестьяне теряют терпение, отказываются то в одном, то в другом месте платить налоги, исполнять барщину, и, что если, наконец, такое положение будет продолжаться, то под угрозой окажутся не только богатства помещиков, но и их жизнь.

О раскрепощении крестьян говорят более трех лет, и если три года небольшой срок для государства, то он кажется вечностью людям, которым обещали свободу, но которые продолжают мучиться в рабстве.

Дворянство это чувствует, и именно это заставляет его желать скорейшего решения вопроса. Оно требует лишь от правительства финансовых и административных гарантий, которые бы защитили его от разорения и произвола. Именно из-за гарантий разгорелась дискуссия и выявились значительные разногласия между дворянами и правительством.

В качестве доказательств мы сошлемся на решения дворянских собраний. Собrania, которым было поручено выработать проекты раскрепощения крестьян, основывающиеся на двенадцатилетнем переходном периоде, предусмотренном программой правительства, единодушно высказались за отмену крепостничества. Кроме того, 37 дворянских собраний из 42 представили проекты, идущие намного дальше официальной программы. Этот факт засвидетельствовала правительственная финансовая комиссия. В конечном счете препятствия на пути проведения грандиозного мероприятия сводятся к отсутствию энергии и доброй воли. А основное — мешают интриги бюрократической аристократии, среди которой и находятся главные противники освобождения. Отлично понимая, что ее интересы связаны с сохранением злоупотреблений, бюрократическая аристократия делает все возможное для защиты крепостничества. С освобождением крестьян наступит конец ее царству. А пока что ее власть, это надо признать, еще очень велика.

Вот как на самом деле выглядит вопрос о раскрепощении крестьян. Но чтобы составить себе полное представление о положении, не следует упускать из виду, что этот вопрос повлек за собой массу других. Коль скоро встал вопрос о крепостничестве, пришлось задуматься и о полном государственном переустройстве. Ясно, что развитие новых идей приведет к тому, что будет невозможно оставить нетронутым хоть один винтик громоздкой государственной машины, и что все связанное с внутренним управлением, юстицией, полицией, финансами, просвещением, торговлей, армией требует радикальных реформ. За это дело взялись и создали комиссии, усилия которых

смогли лишь до настоящего времени доказать невозможность продвижения вперед, пока не будет решен вопрос о крепостном праве. В итоге наше будущее представляется более чем туманным, а это влечет за собой всеобщую тревогу.

Такова обстановка. Каждым думающим человеком в России владеет лишь одна идея, одна цель, а именно: осуществить внутренние реформы. Все понимают, что мы стоим накануне революции, революции грандиозной, мирной, если правительство окажется на высоте и сумеет проявить инициативу. Революция может оказаться ужасающей и кровавой, если нация будет изнурена длительным и бесплодным ожиданием.

Возможно ли в такое время, чтобы великий народ помышлял о территориальных приобретениях? Разве уже сейчас мы не ощущаем, что одним из самых серьезных препятствий осуществления реформ могут стать необъятные размеры империи?

Нам могут возразить: а религиозный фанатизм народа?

Он, равно как и пресловутая старая русская партия, существует лишь в европейских газетах.

Подлинные чувства русского народа совсем иные, нежели полагают. И мы позволим себе на этом остановиться.

Если и есть сила, направляющая общественное мнение, так это пресса. Она поддерживает просвещенную часть общества; ее помыслы и устремления направлены на претворение внутренних реформ. Она враждебно относится ко всяким честолюбивым намерениям или воинственным замыслам, отлично понимая, куда бы это могло нас завести. Восточный вопрос ее, безусловно, занимает, но прежде всего с точки зрения общечеловеческой. В ее оценках политический или религиозный фанатизм играет незначительную роль. Возмущенная злодеяниями мусульман по отношению к христианам, просвещенная часть общества была бы в такой же мере возмущена, если бы речь, например шла о преследовании друзей ради насильственного изменения их веры. К чести России следует сказать, что истинно просвещенная часть народа подвижима в первую очередь гуманными чувствами. Для нее не существует обрядовых, национальных, кастовых предрассудков. Когда она видит страдания и несчастья людей, она, прежде чем узнать, кто эти люди, говорит: торжествует несправедливость, страдают люди. Вот почему ее сочувствие распространяется как на христианина, стонущего под турецким господством, так и на любую человеческую личность — пролетария, крепостного, еврея, с которым худо обходятся христиане, или политического изгнанника. Понятно, что это неподходящие взгляды для походов и раздела наций.

Если пресса и выступает за то, чтобы Турецкая империя прекратила свое существование, то для того, чтобы на ее месте увидеть освобожденные народы. По той же причине она

выступает и за упразднение Австрии (понимая под Австрией ее правительство), к которой в России все, без различия мнений и классов, испытывают глубокую ненависть и непримиримость.

В армии солдаты, как и повсюду, выполнили бы приказы своих начальников. Что же касается начальников, то большинство их принадлежит к той части общества, о которой мы только что говорили; другие выполняют свои обязанности, не очень задумываясь о политике; наконец, многие не имеют иных мыслей, кроме порождающих безделье. А те, кто хотят повоевать, хотят этого скорее от праздности или желания продвинуться, нежели из-за убеждения.

Духовенство, к счастью, не слишком фанатично и не пользуется таким престижем, чтобы оказывать влияние на кого бы то ни было.

Купцы, в большинстве своем воспитанные в религиозных убеждениях, может быть, и не возражали бы против защиты православной веры, однако они достаточно хорошо знакомы с финансовым положением страны и понимают, во что может обойтись новая война. И это сдерживает их набожность.

Остается *народ* — этот достойный восхищения, трудолюбивый, умный народ, который не развратили три столетия рабства. Народ, в котором зиждется сила и грядущее России. Именно он выплачивает чуть ли не все государственные налоги; благодаря ему существует правительство, живет в роскоши дворянство, а сам он в награду влачит жалкое, полное лишений и нищеты существование. Война для него не имеет иного значения, нежели ненавистный рекрутский набор, который он презирает всеми фибрами души. Кроме того, война означает для народа увеличение налогов, которыми его столь тяжело обременяют. Что касается народных помыслов, то все они связаны с жадной раскрепощения, или, как говорят, свободы, которую народ тщетно ждет целых три года. Не такие ли чувства могут склонять его к войне?

Если слухи о брожении в народе хотя в какой-то мере обоснованны, то причина его кроется исключительно во внутреннем положении.

Сторонников войны в России можно найти лишь среди приверженцев прежнего режима, той же бюрократической аристократии, которая, как мы видели, противостоит всякому прогрессу. К ней можно добавить людей слабых духом — прежних сторонников реформы, но затем напуганных возможным развитием событий. Для таких людей война является средством отвлечения всеобщего внимания от внутренних проблем. И они были бы не прочь начать войну.

К несчастью, мнение этих людей еще довольно сильно оказывает влияние на судьбы России. В этой связи мы признаем, что у Европы есть основания относиться к нам с недоверием.

Но она должна убедить себя, что устремления, которые она считает для себя опасными, опасны, кстати, еще в большей мере для России, где они вовсе непопулярны.

Расчеты на то, что можно отложить решения внутренних проблем, создавая внешние осложнения, являются большой ошибкой. Прежде всего потому, что вопрос о реформах в России зашел слишком далеко и его нельзя откладывать. Им следует заняться вплотную или же пренебречь всем, что сделано в течение пяти лет, и отступить. К тому же по своей натуре русские не склонны до такой степени вдохновляться войной, чтобы ради нее забыть свои собственные дела. Если речь идет о защите родины, они готовы на любые жертвы, но к завоеваниям в общем остаются равнодушными, а теперь еще более, чем прежде.

Эти соображения имеют немаловажное значение, если вспомнить, что в России сосредоточение власти в одних руках лишает правительство возможности действовать в нескольких направлениях. Занятое в последние четыре года внутренними делами, оно воздерживалось от всяких внешних вмешательств. А всякое внимание к внешним проблемам непременно влечет свертывание работ внутри страны, чего народ особенно опасается.

Последний и сильный аргумент против всякой воинственной политики связан с финансовым положением. Оно уже весьма напряженное и может вынудить правительство, несмотря на недавние займы, начать досрочные сборы податей. Правда, Россия располагает достаточным количеством природных богатств, поэтому может быстро оправиться. Однако это при условии, что положение не ухудшится мобилизацией армии и войной.

Надо быть русским, чтобы ощутить, как сердце обливается кровью, когда он в столь напряженный момент слышит разговоры о войне. Если бы Россия могла выразить свои чувства, то Европа, которая видит в ней олицетворение честолюбивых притязаний, была бы удивлена ее отвращением к любым захватническим планам.

Разумеется, как только реформы будут осуществлены, мощь России станет действительно колоссальной. Но бояться этого должны сторонники не прогресса, а реакции. Реформы будут способствовать распространению цивилизации, и по стремлениям просвещенной части русского народа можно видеть, кто является их противниками.

Таковы истинные чаяния русской нации. Если мы видим, что правительство, не считаясь с ними, вмешивается в дела других государств и вынашивает планы аннексий, Европа должна это приписать чрезмерному влиянию реакционных идей в государственном управлении.

Каковы могут быть последствия такого влияния? Никто

определенно этого не скажет. Не исключено, что подобное влияние задержит на какое-то время проведение реформ; и возможно, наоборот, что это влияние приведет к взрыву, ибо народ устал от страданий. Словом, нет ничего более разорительного для России и более непопулярного, нежели агрессивная политика. Такой вывод правомерен вообще и особенно в отношении Восточного вопроса.

В самом деле, если, находясь во власти предрассудков, хотят выдать как выгоду расширение русских владений за счет Турецкой империи, мы ответим: такой выгоды нет. Допустим, Россия вступит в Константинополь — случай наиболее благоприятный, что повлечет за собой это событие? Два неизбежных последствия: в плане внешних отношений — возникновение коалиции держав для уравнивания превосходства России; внутри страны — рост тех элементов, которые содействуют распаду гиганта. История доказывает, что ни одно государство безнаказанно не может нарушить определенные пропорции. Восточная война, первый шаг к территориальному уменьшению России, показала, что она нарушила эти пропорции со стороны Европы.

V

Если Россия ничего не выиграет, захватив трофеи в Турции, то какая другая держава от этого поживится?

Отнюдь не Пруссия; любая часть турецкого наследства ее бы лишь в высшей мере обременила. Не имея морского флота, она была бы вынуждена направить в новые провинции значительные вооруженные силы. Отношение же пруссаков к этому хорошо известно. К тому же Пруссия никогда не занималась Востоком, и подарок, вынуждающий ее расстаться со своими привычками, совсем ей не подходит. Но обойти Пруссию в случае дележа невозможно. Возможно, ей дадут компенсацию за счет Германии? Но принц-регент заявил недавно, что Пруссия никогда не согласится на обогащение за счет своих немецких братьев. Его утверждение заслуживает доверия, поскольку оно полностью отвечает интересам самой Пруссии. Если когда-либо это государство станет основой для единства Германии, то только благодаря стихийному движению народов. Аннексия дипломатическим путем вызвала бы озлобление к ней населения немецких земель, породила бы бесчисленное множество столкновений, сделала бы Пруссию ненавистной в глазах национальной партии, ослабила бы ее современные позиции и создала бы самое серьезное препятствие на пути к единству — высшей цели Германии.

А что можно сказать о выгодах для Австрии при разделе Османской империи? Ныне это звучит как ирония. Разумеется, Австрия претендовала на владение Дунаем, но Париж-

ский мир показал, как к этому отнеслись другие державы. Чтобы получить Дунай, Австрия должна была бы поглотить княжества, что совершенно невозможно. То же самое можно сказать о Сербии и Боснии.

Приобретения Австрии могли бы иметь положительную сторону, если бы это усилило брожение внутри империи и, как следствие, ускорило бы распад этой вредной для развития свободы географической комбинации.

Остаются Франция и Англия. Первая, возможно, жаждет получить Сирию, а вторая — Египет.

Представим себе, что стремления этих держав осуществились, и посмотрим, что они в результате приобретают.

Прежде всего они столкнутся с ненавистью фанатичного населения, восстаниями, которые надо подавлять, затем с возросшей завистью других держав, иначе говоря, с постоянным состоянием войны. А это потребует бесконечных жертв со стороны завоевателей. Подсчитал ли кто-либо численность войск, которые Франция вынуждена будет ввести в Сирию, чтобы ее подчинить? Известны, разумеется, и те, кого надеются покорить. Среди племен, населяющих Сирию, самое многочисленное племя бедуинов хвастается тем, что оно никогда никем не было завоевано и что оно никогда, даже формально, не признавало власти султана. Известно также, на что способны друзья, курды, туркмены и выходцы из того племени, которое, подвергшись нападению, наводило ужас на крестоносцев и было прозвано убийцами.

Добыча не из легких — Сирия, ограниченная с одной стороны Аравийской пустыней с ее воинственными народами, а с другой — Малой Азией, многомиллионное мусульманское население которой еще более фанатично и настроено более воинственно, нежели турки, живущие в европейской части. Держава, вознамерившаяся их покорить, вероятно, должна будет бороться против происков своих соперниц. А они не упустят случая ей досадить. Какие только усилия не потребуются, чтобы преодолеть столько опасностей? Не рассчитывают ли победить их с помощью Абд-эль-Кадера⁸, которого для такого случая произвели бы в независимого султана? Но если великодушный эмир мог протянуть руку безоружным христианам, то его же великодушные помешает ему прийти на помощь христианским армиям. Разумеется, человек такого склада не может изменить своим верованиям и предать своих братьев... даже ради трона. Таким образом, вместо того чтобы рассчитывать на его помощь, хозяева Сирии должны будут считать себя счастливыми, если не увидят эмира во главе своих врагов.

Это все, что касается Франции.

Не больше шансов и у Англии в отношении гордого Египта, стремящегося вырваться из объятий султана. Но чтобы его

удержать, Англия далеко не располагает такими силами, которые ее соперница за Ла-Маншем может бросить в случае необходимости в Сирию.

Следовательно, выгоды, которые могли бы извлечь пять держав от раздела Турции, выглядят приблизительно следующим образом.

Россия затормозит свое внутреннее развитие, развитие ее подлинных сил.

Пруссия столкнется с трудностями, которые она не знала до сих пор, а ее престиж в Германии упадет.

Австрия ускорит свой распад.

Франция и Англия обрекут себя на постоянное состояние войны.

В моральном отношении раздел приведет нас к малопоучительным выводам. В разделе Турции увидят картину агрессивной и грубой силы, завуалированного лицемерия; картину угнетения, скрывающегося под маской гуманизма; картину общества, кичащегося своими успехами и в то же время спокойно разделяющего народы спустя 70 лет после провозглашения Хартии о правах человека, общества, наконец, довольно горячо преданного культу цивилизации, чтобы навязать ее огнем и мечом далеким народам, в то время как в его собственном лоне массы погружены в невежество, близкое к варварству.

Однако, стремясь указать на отдельные последствия этого злосчастного раздела, мы упустили многие важные общие соображения, ибо, чтобы иметь упомянутые нами результаты, надо начать с такого раздела. Между тем, как только речь начинает всерьез идти о претворении этой идеи, немедленно возникает непреодолимое препятствие: невозможность достигнуть согласия между державами о доле, которую каждая из них должна получить. А это, как известно, может привести к всеобщей войне.

Есть и другое заслуживающее внимания обстоятельство. Им Европа до сих пор не занималась. Речь идет об ожесточении мусульман Азии и Африки, равно как и других народов, с давних пор подвергающихся атакам со стороны Европы.

Униженное Марокко; захваченный Алжир; ожидающее подобной участи все африканское побережье; Китай, унижаемый на его же земле; Индия, жаждущая сбросить ненавистное ярмо; Персия, существование которой находится под постоянной угрозой; покоренный Кавказ, — может быть, достаточно поводов для ненависти, чтобы не добавлять к ним еще один — раздел Турции, быть может, наиболее сильный из всех поводов.

Известно уважение, которым пользуется это государство в магометанском мире, и можно себе представить, что его падение явилось бы сигналом к крупным выступлениям масс. В то же время Индия и Китай, у которых есть свои обиды,

могли бы воспользоваться этим случаем, чтобы жестоко отомстить христианам за свое поражение. Разумеется, Европа не имела бы повода для ликования, если бы она, собираясь делить Турцию, увидела, как ее войска подверглись внезапному нападению неисчислимых врагов.

Напрасно будут ссылаться на невозможность такого исхода. Это надо еще доказать. Если учитывать сильное брожение среди мусульман, 200 млн. индусов и 415 млн. китайцев, то нельзя отрицать, что на Востоке происходит нечто необычное. И в этой связи мы не знаем, что грядущее нам уготовит.

Эти причины, естественно, заставляют Европу действовать умеренно и осторожно.

VI

Мы выяснили, что поддержка статус-кво в Турецкой империи невозможна. Мы показали, что идея раздела Турции должна быть отвергнута. Остается поговорить о мерах, которые надо предпринять, чтобы, избегая больших бед, выйти из создавшегося тупика.

Нам кажется, что такие меры заключены в широком и разумном применении национального принципа, т. е. в освобождении народов, населяющих Турецкую империю.

Коль скоро этот принцип будет претворен в жизнь, все станет на свое место. Нам хотелось бы лишь указать на его характерные черты:

1. Прекращается турецкое господство в европейской части ее империи. Европейские провинции и острова, которым предоставлено право распоряжаться своей судьбой, образуют по их желанию либо независимые государства, объединенные оборонительным союзом, либо федеративное государство, аналогичное Соединенным Штатам Америки или Швейцарии*.

2. Константинополь, большая часть населения которого мусульмане и который в силу своего исключительного положения является объектом всеобщего вожделения, становится свободным городом. Его статут определяется договорами. Это исключает соперничество и вместе с тем служит лучшей гарантией свободного пользования Дарданелльским проливом.

3. Из турецких владений в Азии образуется одно или несколько государств без всякого вмешательства Европы.

4. Египет становится независимым государством.

5. Турки, живущие в европейских провинциях, получают право стать гражданами новых государств наравне с христианами либо выехать в Азию.

6. Взаимные условия предусматриваются и для христиан

* Подобную мысль мы находим в высказываниях Прудона в «L'Essai de la philosophie populaire», № 4, стр. 191.

Азии. Европа не устанавливает своей опеки над ними и не оставляет за собой права вмешиваться во внутренние дела турецких государств.

Вот к чему, на наш взгляд, должно привести применение национального принципа в Восточном вопросе. Нам кажется, что они сами себя оправдают. Прежние вмешательства Европы в дела Турции и все заключенные ранее договоры, несомненно, ставили своей целью установление такого положения вещей, которое избавляло бы от новых жертв. Однако опыт неопровержимо показал, что до сих пор ошибались в выборе средств. Надо, очевидно, найти другие. И мы убеждены, что это невозможно, помимо тех, на которых мы только что остановились.

Итак, до тех пор пока Восточный вопрос не будет разрешен, он останется извечным препятствием на пути прогресса, источником осложнений и бед для всей Европы.

Политика, которую до сих пор проводила Европа, включая и меры, предложенные последней Парижской конференцией, не смогла разрешить этот вопрос, а лишь запутала его.

Нельзя надеяться на иной результат, ибо такая политика опирается на ограниченные взгляды, не отвечающие веяниям времени, на закоснелые предубеждения, интриги и эгоизм.

Чтобы разрешить Восточный вопрос, необходимо отказаться от такой политики, заменив ее другой, основанной на подлинных широких и либеральных принципах.

Способна ли Европа сделать решительные шаги в этом направлении? По многим причинам мы не смеем на это надеяться.

Париж, 1860 г.

I

В нашу эпоху, когда политическое лицо мира стремительно претерпевает самые удивительные метаморфозы, за которыми трудно уследить, а тем более понять их, особенно важно видеть разницу между происходящими в государствах изменениями, которые мы можем непосредственно наблюдать, и теми, о которых мы узнаем из отдельных сведений, противоречащих нашим представлениям о странах, где якобы эти непонятные явления совершаются.

Если подобные сведения касаются только событий, удовлетворяющих лишь любопытство толпы и которые ни к чему не обязывают, то их относят к безвредным вымыслам, могущим вызвать не более как временное раздражение обманутых и излечить от наивности. Но дело обстоит совсем иначе, когда обман приводит к материальным жертвам, которые никакое позднее раскаяние не может возместить. А ведь со времен знаменитого открытия новой обетованной земли Икарии¹ легковверная французская публика не получила ничего более странного, нежели сообщение господина Мирэ о Турции. Турция Мирэ намного отличается от прежней Турции, которая стоила Европе огромных сумм; Турция Мирэ, напротив, становится источником необыкновенных барышей пожелавшим содействовать ее укреплению и согласившимся на скромный девятипроцентный доход.

Чтобы уверить мир в том, что новая Оттоманская империя способна сдержать свои прекрасные обещания, г-н Мирэ предъявил публике свидетельство, выданное Турции самой же Турцией. Этот драгоценный документ, воспроизведенный всеми крупными газетами Парижа, должен положить начало новой империи, возникновение которой является тем более неожиданным, так как произошло в тот момент, когда Европа, полагавшая, что имеет одну Турцию, оказывается, располагает двумя Турциями.

До 1860 г. многие имели несомненно простительную слабость принимать всерьез утверждения целого легиона публицистов и государственных деятелей, представлявших Турцию в течение почти века в виде ветхого сооружения, обширные и пустынные пространства которого лежат в прекрасных районах планеты, однако они обречены на разорение и лишены всякой перспективы до тех пор, пока будут оставаться в роковом загоне. Такие мрачные предсказания, изложенные во многих серьезных трудах, основывались на многочисленных сообщениях. Напомним лишь о некоторых:

1. Восстановление Турецкой империи морально невозможно без полного слияния проживающих в ней национальностей, потому что угнетенные народы имеют там наибольшие шансы для развития и лучшего будущего.

2. Турки никогда не пойдут на слияние, равносильное для них смертному приговору из-за бесспорного превосходства христиан и той власти, которую оно бы им обеспечило над турками. Слияние превратило бы победителя в побежденного. Действительно, как только христиане получают все гражданские и политические права, они тут же станут хозяевами государственной власти и двигателями благосостояния страны. Если бы комплектование турецких полков офицерами осуществлялось по принципу открытого конкурса, то все офицеры-христиане испытывали бы гораздо больше симпатии к своим единоверцам вне армии, чем к своим старшим по чину сослуживцам-мусульманам. Флот подпадает исключительно под начальство греков, настолько искусных и смелых моряков, насколько турки не обладают этими качествами. Наконец, финансы, промышленность и торговля перешли бы в руки раий, а мусульманам осталась бы роль чисто номинальная и пассивная. Как бы нация ни была ослеплена, возможно ли, чтобы она согласилась сама лишить себя собственных прав?

3. Не имея возможности принять добровольно условия, необходимые для возрождения Турции, она никогда не пойдет на вынужденную и противоестественную жертву, пока Европа рассматривает ее как совершенно самостоятельную державу. Итак, было бы нелепо и наивно верить обещаниям страны, которая не в состоянии их выполнить, не погубив себя. С момента, когда эти обещания были необдуманно даны и им наивно поверили, прошло 20 лет. С тех пор Европа и Турция по отношению друг к другу все время играли роли обманщика и обманутого, а прежний порядок оставался под иным названием.

4. Из этого естественно и неизбежно вытекает, что Турция, предоставленная исключительно мусульманскому режиму, который является самоотрицанием всякого интеллектуального и прогрессивного элемента, оказалась в весьма плачевном со-

стоянии. Чтобы составить себе представление о гигантских развалинах, называемых Оттоманской империей, ее следует изучать не по официальным или официозным сообщениям, а непосредственно на месте. Когда проезжаешь по самым отдаленным и в то же время самым красивым и богатым провинциям, то цепенеешь от могильного безмолвия, царящего в этом величественном уединении. Эта тишина нарушается лишь падением осколков, ежеминутно отваливающих от векового здания, или ударами молота жалких тружеников, днем и ночью его разрушающих. А ведь среди разрушителей мы можем обнаружить и его хранителей, облеченных самыми различными титулами и должностями, начиная от самых мелких чиновников. Так, августейший глава правоверных поглощает для своего личного удовлетворения около седьмой части всего дохода империи (300 млн. фр. максимум). Поскольку расходы двора были определены султаном Махмудом в 40 млн. фр., которые постоянно перерасходовались его наследниками, то получается, что государь страны, доход которой относительно к ее населению (30 млн. человек) является самым низким в Европе, тратит на себя больше, нежели самые богатые монархи мира. Королева английская, например, располагает лишь 396 500 ф. ст., т. е. двухсотой частью государственного дохода — 65 477 284 ф. ст. Нет среди наиболее крупных трат на содержание двора европейских государств таких, которые равнялись бы сумме, расходуемой турецким монархом. В Австрии этот расход в среднем 8 млн. флоринов и составляет тридцать пятую часть дохода империи (282 540 723 флорина). Во Франции (максимум 40 млн. фр., включая все дотации членов императорской фамилии) он составляет почти пятидесятую часть государственного дохода (1 882 957 778 фр.). Даже в России, где такой расход может быть самым высоким в Европе (10 млн. руб.), он составляет двадцатую часть государственного дохода (200 млн. руб. серебром) *.

Так как в Турции ничто не ограничивает расходы ее государя, естественно не получающего уроков политической экономии от жен гарема, то турецкое правительство, если даже оно пожелает сократить государственные расходы, никогда не сделает этого в ущерб священному представителю пророка. Между тем тот, кто знаком с традициями восточных принцев, прекрасно знает, что им немыслимо что-либо изменить в своем быту, не подвергшись судьбе знаменитого римского гастронома Апициуса, умершего от огорчения, когда он, раздав долги, узнал, что впредь сможет расходовать на свой стол лишь 1 млн. фр. в год.

* Все данные о доходах и расходах дворов европейских стран заимствованы из работы г-на Ж.-Ф. Колба «Handbuch der vergleichenden statistic». Эта работа самая новая (1860) и, возможно, самая добросовестная, которая сейчас имеется по этому вопросу.

Но желательные или обещанные сокращения расходов не могут также с каким-либо успехом быть применены и к сановникам. А только о них и должна была бы идти речь, так как низшие чиновники настолько плохо оплачиваются, что их вознаграждение напоминает вексельную, невероятно малую сумму, которую правительство выдает на обездоленное население. Сократив содержание сановников (по крайней мере 30 министров и 120 мюширов, или маршалов), которые вместе получают 31 млн. фр., т. е. более одной двенадцатой доли государственного дохода*, добьются, вероятно, лишь одного результата — незаконные поборы пашей станут еще разорительнее. Учитывая отсутствие всякого действенного контроля со стороны центральных властей, они не замедлят восполнить потери за счет своих подчиненных. Это предположение весьма вероятно, если учесть, что и это жалованье, независимо от его колоссального размера, — лишь малая доля дохода, который приносит занимаемая должность. В силу привычки и безропотности (а это стало совершенно естественным явлением) почти во всех провинциях (пашалыках) сумма такой позорной ренты столь же хорошо известна населению. Она принимается им как доходы от какого-либо имения или хозяйства. Из бесчисленного множества приведем лишь один пример. Когда мы были в Эрзуруме (в 1858 г.), все знали и открыто говорили, что обширная провинция, центром которой был этот город, приносит паше ежегодный доход в 4 млн. пиастров (около 800 тыс. фр.). Его превосходительство находил необходимым и приятным присоединять их к 200 тыс. фр. своего жалованья. Когда в Турции такое положение стало устойчивым и оно не поддается изменениям без полного разрушения здания, то нет ничего более нелепого, как надеяться укрепить это здание частичным ремонтом. Поэтому у Турции, которая скатилась к крайней точке наклонной, что неотвратимо влекло ее к полному исчезновению, остался лишь отчаянный выход: оттянуть роковой исход, продаваясь подороже, даже если при этом она распоряжалась уже проданными ценностями. Именно подобное зрелище Турция являет собой ныне удивленной Европе, зрелище тем более удручающее и унижительное, ибо независимое государство никогда еще не попадало в такое положение. В самом деле, впервые мы видим обширную империю, оказавшуюся под опекой не иностранного правительства, а компании дельцов, цель которых — во что бы то ни стало продлить хотя бы на несколько лет ее агонию.

* Так было два года назад (в 1858 г.) во время моего последнего путешествия в Турцию. И если некоторые цифры с тех пор изменились, то это лишь номинально и внешне, как всегда бывает с так называемыми реформами в Турции. А ежегодно жалованье каждого министра составляло 250 тыс. фр., а каждого маршала — 200 тыс. фр., что даст в сумме 31 500 тыс. фр.

Такова Турция, к которой Европа привыкла со времен Турнефора и до наших дней. А рядом с этой умирающей Турцией, как по волшебству, возникает Турция Мирэ и именем своего покровителя представляет себя как единственную подлинную Турцию.

III

Нет ничего лаконичнее и проще, нежели аргументы, которыми пользуется г-н Мирэ, чтобы доказать Европе законность такой претензии, а также убедить ее в том, что все прежние сведения о Турции были лишь заблуждением, иллюзией, предвзвешенностью *. Секрет его диалектики состоит прежде всего в замалчивании или полном отрицании некоторых фактов, которые ему мешают. То, что до сих пор всеми рассматривалось как доказательство слабости, несостоятельности и деспотизма турецкого правительства, г-н Мирэ выдает за свидетельство его силы, мудрости и филантропии. Достаточно г-ну Мирэ найти в законах империи или в обещаниях зафиксированные известными хартиями (Гюльхане и Хатти хумаюн) либеральные и терпимые положения, чтобы сделать вывод, что они укоренились в стране, процветают и развиваются. Такая аргументация дает то неоспоримое преимущество, что избавляет от утомительных изысканий по стране и позволяет изучать турецкую империю в кабинете г-на Мирэ или в канцелярии его симпатичного друга — великого визиря. Тем, кто в подтверждение несостоятельности турецкого правительства ссылается на факт, что богатейшие естественные ресурсы империи веками остаются неиспользованными, г-н Мирэ отвечает, что именно существование этих ресурсов доказывает, что провидение уготовило Турции блестящую судьбу (sic!).

До наших дней также полагали, что если различные враждующие национальности, находящиеся в течение многих веков под мусульманским скипетром, оставались безмолвными и покорными, то это потому, что, лишённые любых прав и доведённые до бессилия, они томились в глубоком оцепенении и пребывали в том торжественном покое, который никогда не покидает гробницы и небытие. А г-н Мирэ объясняет это, заявляя, что если турецкое правительство так долго сохранило власть над христианами, то оно обязано этим лишь своей умеренности и уж одно это доказывает, что османское правительство обладает большой жизненной силой (sic!).

Но и это еще не все. Г-н Мирэ нам сообщает, что «Турецкая империя далеко не истощенная страна. Наоборот, она менее других стран обременена налогами, так как налог колеб-

* См. описание административного, финансового и политического положения Турции, опубликованное г-ном Мирэ во всех крупных газетах Парижа, в том числе и в «Revue des deux Mondes» от 15 декабря 1860 г.

летят от 5 до 1,5 процентов, а его общая сумма составляет 275—300 млн. фр. при населении 30 млн. человек, т. е. по 10 фр. с человека; в Англии же он равен 55 фр., в Австрии — 30 фр.».

Из этого г-н Мирэ заключает, что сравнительно небольшие размеры налога и национального дохода убедительно доказывают, что если турецкое правительство не получает больше, то лишь потому, что оно не хочет больше требовать у населения, впрочем вполне способного принести государству гораздо больший доход. Это должно было рассеять утверждение о том, что из всех стран Европы именно Оттоманская империя подвергает свое население (особенно немусульманское) наибольшим материальным жертвам, ибо узаконенный налог — только ничтожная часть произвольных поборов, которыми местные власти систематически облагают жителей. Следовательно, при существующем порядке турецкое население достигло предела своих возможностей. И если 30 млн. жителей выплачивают относительно небольшую сумму, несмотря на великолепные возможности, которыми природа одарила эти прекрасные провинции, то это свидетельствует о том, что лишь при оттоманской системе страна, которую другой режим превратил бы в одну из самых богатых стран в мире, обречена на вечную бедность.

Доказав при помощи аргументов, незавидная монополия на которые всегда будет ему принадлежать, что оттоманское правительство бедно лишь вследствие рыцарской щепетильности и чрезвычайной деликатности, г-н Мирэ рассенвает с той же легкостью грозовые тучи, которые, казалось бы, нависли над государственным долгом империи. Для этого он отмечает, что 774 млн. фр., составляющие долг, — очень небольшая сумма по сравнению с государственным долгом Англии — около 20 млрд. фр. Такой довод убийственно правдив. Нельзя отрицать, что 20 млрд. больше, чем 774 млн., так же как и единица меньше двух. И здесь, как и в других утверждениях относительно Турции, г-н Мирэ победоносно громит неутомимых и неделикатных злопыхателей его империи, тех, кто до сих пор смел заявлять, что моральное значение и материальный вес всякого государственного долга зависят не только от подлинной цифры дохода, но и от природы обстоятельств, вызвавших дефицит, а также от больших или меньших шансов избежать впредь этого дефицита. Поэтому злопыхатели Турции позволили себе следующее рассуждение: дефицит может быть как по происхождению, так и по последствиям двух видов. Либо он вызван постоянным и необъяснимым разрывом между расходом и доходом, и тогда государство идет неотвратно к разорению, так как нет никаких средств избежать такой ситуации; либо речь идет о временном отклонении от нормального порядка вещей, вызванном чрезвычайными обстоятельствами — война, неурожай и т. д., либо необходимостью вложить

в полезное и в высшей степени продуктивное предприятие капитал, которым не располагают в данный момент. Дефицит подобного рода может возникнуть у самых богатых и мудрых правительств. Так, в Англии и Франции на займы были созданы железные дороги, каналы, мосты. Долги такого рода вписаны не только в большую книгу государства, но начертаны, так сказать, на памятниках благосостояния и национальной мощи. Но иначе обстоит дело с турецким долгом. Особое значение он имеет не потому, что он вдвое выше государственного дохода, — обстоятельство, которое могло бы не иметь никакого значения, ибо многие другие обещающие страны превысили такое соотношение. А потому, что турецкий долг — это бесплодные и ненужные расходы, не оставляющие никакого благотворного следа в стране и не могущие быть объяснены даже чрезвычайными обстоятельствами, такими, как Восточная война. Война стоила Турции гораздо меньше, чем Англии, вынужденной перебрасывать войска и снаряжение вокруг всей Европы. И тем не менее, по докладу г-на Дизраэли в палате общин, ущерб, причиненный Восточной войной, определяется для 1858 г. в 3990 млн. ф. ст. В Турции за тот же год дефицит превышал 70 млн. фр., т. е. около одной трети ежегодного дохода государства. В то время как у других народов Европы составные части их долга нарастали медленно и в зависимости от обстоятельств с большими интервалами, в Турции было достаточно восьми лет, чтобы его создать (1853—1860). Он нарастал со скоростью и непредотвратимостью, характерной для движения лавины, которая, однажды покотившись по роковому склону, движется непрерывно, увеличиваясь в объеме и сметая все препятствия на своем пути. Вот соображения, которые в противоположность утверждениям г-на Мирэ заставляют считать турецкий долг огромным бременем и намного превосходящим долг Англии, где прошлое, настоящее и будущее являются предметом строгого общественного контроля. Правда, г-н Мирэ сообщает нам, что в Турции существуют не только система контроля, но даже и национальное представительство. Вот его слова: «Пусть не воображают (это к сведению людей, одаренных воображением), что доход с налогов в Турции неустойчив. Закон в этом отношении категоричен, он запрещает всякое увеличение и предоставляет всем членам нации право контролировать и наблюдать за всеми расходами». Итак, позор этим наглым клеветникам, позволившим себе потешаться над заседаниями турецких муниципалитетов, торжественность которых они дерзнули осквернить своим присутствием и нарисовали портрет-эпиграмму греческих и армянских депутатов, сидящих на корточках у ног своих степенных мусульманских коллег*. Позор дипломатам и суетливым лег-

* См. наши: «Письма о Турции», стр. 59—60 (см. в данной книге «Письма о Турции», стр. 126—127. — *Прим. ред.*).

коверным государственным людям, своими докучливыми требованиями заставившим первого сановника Турецкой империи разыграть роль героя Сервантеса, вынудив его высочество великого визиря разъезжать по Румелии в поисках воображаемых угнетателей и фанатиков, вместо которых его высочество обнаружил повсюду христиан в венках из цветов, поющих гимны во славу любимого монарха.

IV

После столь значительных официальных заявлений, увенчанных подписью Купрели-паши, а также Мирэ, не остается никакого сомнения настаивать на прежних заблуждениях, так как это означало бы наводить тень на ясный день. Мы признаем, что испытываем искреннее раскаяние в том, что приняли участие в распространении этих заблуждений в многочисленных публикациях, таких, как «Парижский договор», «Письма о Турции», «Италия и Турция», «Новая фаза Восточного вопроса», которые (увы!) имели досадный отзвук, и это наполняет нас отчаянием. Впрочем, жертвуя собой как публицистом, мы утешаемся убеждением, что спасли наше имя ученого. Хотелось бы верить, что предоставленные жестокой судьбе наши кощунственные писания об административном и политическом положении Турции, сделанные для ознакомления читателей с физическими богатствами этой империи, сохраняют известную ценность и что никто, даже великий визирь и г-н Мирэ, не будут нам опасным конкурентом в области геологии, ботаники и вообще во всем, что относится к точным наукам и позитивным знаниям. Итак, с нами лично расправиться легко. Единственная жертва, которая нас глубоко удручает, — это необходимость решительно и смело порвать с теми уважаемыми людьми, которые придерживались и, вероятно, впредь будут придерживаться гибельных воззрений, к несчастью защищаемых нами. Мы испытываем глубокую скорбь при мысли о необходимости отныне заклеить как краснобаев и простофиль всю славу европейской журналистики, как «Деба» и «Таймс», некогда бывших предметом наших преступных симпатий. Эти известные цивилизованные издания, стало быть, тоже заблуждались. Ведь они, вероятно, повторяли нелепые вымыслы, когда оплакивали неизбежное банкротство Турции или когда потрясли Европу рассказами о мнимых случаях грабежа, фанатизма и угнетения, которые якобы постоянно происходили не только в азиатских провинциях Турецкой империи, но и совершались даже в той самой Румелии, которую его высочество великий визирь только что объехал, увидев там счастливое и спокойное население, для полного блаженства которого недостает лишь высылки нескольких задиристых греческих священников. И что теперь сказать о доблестном

французском войске, выступившем под столь пустяковым предлогом, как незначительные стычки в Дамаске, наводить порядок в государстве, где отеческая власть сильного, богатого и просвещенного владыки имеет столько рук для услужения, столько умов для того, чтобы ее оценить, и столько сердец, чтобы ее обожать!

Нам лишь остается выразить лучшие пожелания успеха великому начинанию, связанному с именем г-на Мирэ. Мы искренне желаем, чтобы оно принесло Турции такую же пользу, как и ее великому реформатору. Дай бог, чтобы ее не постигла судьба, которая слишком часто постигает намерения самые благородные и великодушные! Пусть Оттоманская империя продолжает здравствовать! Пусть она не исчезнет вследствие какой-нибудь комбинации, которую заранее следует заклеить как преступную, а г-н Мирэ может быть уверен, что никогда не натолкнется на злую волю, пока ему будет достаточно этого захотеть. Пока будет жить Турецкая империя, 30 млн., ежегодно собираемые агентами г-на Мирэ, не минуют его рук; г-н Мирэ испытывает слишком большую заботу об интересах своих компаньонов и слишком большое уважение к святости данного слова, чтобы тут же непременно присвоить их, даже если они и представляли бы собой все имущество оттоманской казны. Если, наоборот, Турция, не дай бог, исчезнет, обязательства, взятые Оттоманской Портой, будут приняты тем, кто будет иметь преимущество ее заменить под менее образным названием.

Итак, ничто не может угрожать будущему г-на Мирэ, пока 30 млн. фр. будут собираться тем или иным способом. Он их не получит лишь тогда, когда их не будет в оттоманской казне. Само собой разумеется, что защитники Турции г-на Мирэ отбросят с возмущением и презрением возможность подобного случая. Но для тех, кто еще не понял и не принял новую доктрину смелого реформатора, эта возможность не имеет ничего фантастического. Они сделают следующее заключение: с недавних пор, когда расточительность султанов и растраты их чиновников помогли мусульманам преодолеть глубокое религиозное и традиционное отвращение, которое они испытывали ко всяким финансовым сделкам с христианами, займы лишь способствовали и умножали безумные траты оттоманского правительства. Весьма вероятно, что новая помощь, оказанная филантропами Мирэ, лишь увеличит пропасть и ускорит кризис. Следовательно, Порта, вероятно, сможет оказаться не в состоянии задолго до срока, назначенного для полной выплаты амортизационного долга, выплачивать ежегодный процент в 30 млн. фр. Возможно, что более тщательное изучение ее архивов приведет к печальному открытию того, что шелка, табак и масло, предназначенные на покрытие этой суммы, были уже перед этим проданы другим. Впрочем, подобная рас-

сеянность может быть объяснена загруженностью оттоманских канцелярий и путанностью их бухгалтерии. Это вполне могло ускользнуть от проницательности г-на Мирэ.

Что же будет делать г-н Мирэ в подобном случае? Будет ли он взывать к поддержке Франции, чтобы силой добиться уплаты причитающихся ему сумм? Ведь бесспорно, что долг и честь всякого правительства состоит в защите своих подданных. А императорское правительство, безусловно, не привыкло нарушать свой долг. Однако правительство не может принимать сторону своих подданных лишь по причине, что их интересы ущемлены обстоятельствами, независимыми от воли и предвидений жалобщиков, иначе правительство было бы обязано брать на себя ответственность за авантюры, которые оно совершенно не оправдывает.

Но, несмотря на предостережения прошлого и мнений относительно Турецкой империи, заслуживающих большого доверия, г-ну Мирэ показалось, что он открыл новую Турцию, дающую ему все гарантии, которые невозможно было бы требовать от старой Турции. Он поспешил заключить с этой идеальной империей соглашение, которое может дать ему очень значительный барыш, так же как и весьма жестоко разочаровать его. Поэтому совершенно естественно, что императорское правительство, которое не покровительствовало и не препятствовало этому блестящему предприятию, предоставит его своей доброй или злой судьбе. Именно это отсутствие другой, не турецкой гарантии и составляет в высшей степени авантурную сторону спекуляции г-на Мирэ. Мы повторяем (и никогда не перестанем повторять), что гарантия, представленная Турецкой империей, — колоссальная иллюзия и что потребуется немного времени, чтобы выявить ее истинную ценность. Ведь речь идет о правительстве, которое, находясь в нынешнем состоянии и не желая его изменить, не только не может увеличить свой доход и сократить свои расходы, но даже вынуждено увеличить их хотя бы для того, чтобы сохранить видимость власти над собственными подданными. Итак, первый шаг, который турецкое правительство должно предпринять, состоит в переустройстве государственной власти, настолько слабой, что большинство провинций Азии оказалось без войск. Сирийская резня сделала эту истину настолько очевидной, что не приходится ее повторять.

И от правительства, находящегося в таком положении, смеют требовать ежегодной жертвы в 30 млн. фр., в то время как общей суммы займов едва хватит на выплату огромной задолженности, требуемой армией. Для создания и содержания новой армии необходимо не только сократить, но и, наоборот, прибавить к ежегодному расходу несколько сот миллионов. Вот страшные разоблачения, которые неблагодарная Турция сможет скоро сделать в ответ на пресловутый вексель...

ПРИЛОЖЕНИЯ

(15 мая—11 октября 1853 г.)

В 1867 г. в Германии известный немецкий географ доктор А. Петерманн опубликовал дневники путешествий П. А. Чихачева по Малой Азии, совершенных им с 1847 по 1863 г. *.

Дневники эти были подготовлены крупным немецким ученым Кипертом (Н. Kiepert). В них подробно, не только по дням, но и по часам, описываются все маршруты П. А. Чихачева по Малой Азии, в том числе и маршрут его шестого научного путешествия, начавшегося 15 мая 1853 г., т. е. за месяц до вступления русских войск по приказу Николая I в дунайские княжества (Молдавию и Валахию).

Закончив научное путешествие 24 августа 1853 г., П. А. Чихачев находился в Самсуне до 18 сентября. 20 сентября он прибыл в Константинополь, который покинул 11 октября, через неделю после официального объявления Турцией войны России, и 24 октября достиг границы нейтральной Австрии.

Ниже мы приводим сокращенный перевод описательной части этого маршрута (набран петитом), сохранив полностью весьма интересные высказывания различных официальных и неофициальных лиц Османской империи, с которыми П. А. Чихачев встречался во время своего путешествия по Турции в 1853 г.

14 июня. Направились на юго-восток, оставив справа деревню Мысырлы (египетский), расположенную на склоне Алычбурну (сливовый мыс). На всем пути от Ладика вдоль дороги встречается множество античных архитектурных фрагментов и различных надписей на камнях, а также следы древней мостовой. Равнина, поднимающаяся на юго-восток, пересечена узкими долинами. Справа деревня Сиснар, а слева — длинные хребты Каракайя (черная скала) и Кандил-даг. Едем вниз по узкому, теперь уже пересохшему, однако покрытому свежей растительностью руслу к деревне Докуз-Ханлар (девять каравансарая), у входа в которую стоит изуродованный мраморный лев. Высота местности

* A. Petermann, Mittheilung aus justus perthes geographischer anstalt über wichtige neue erforschungen auf dem gesamtgebiete der geographie, Gotha, 1867.

1259 м. Спускаемся по пересеченной равнине. К востоку стоят круглые высоты из пресноводного известняка. Встречаются остатки античной окантовки колодца. Оставляем дорогу, идущую слева на Конью. Следуем через разорванное пропастями плато, над которым возвышается Дженидаг и другие трахитовые горы. Направляемся к городу Силле, состоящему примерно из 600 греческих и 600 турецких домов. Между тем в соседнем городе Конья из 2500 домов христианских только 300.

Через правительственного курьера только что поступило известие о предстоящем отъезде русского посла из Константинополя. Оно очень взволновало население обоих вероисповеданий. Турки, особенно проходящие войска, ежедневно оскорбляли беззащитных христиан. Причем эти оскорбления зачастую принимали особо зверский характер. Многие греческие и армянские семьи укрылись в монастыре, находящемся в Силле, и просили меня о защите. Мое положение могло быть еще более затруднительным, если бы не местные турецкие чиновники, оказавшиеся отнюдь не фанатичными и крайне заинтересованными в моей безопасности. Губернатор Коньи Хафиз-паша тайно нанес мне в Силле визит, во время которого пытался меня уговорить добраться кратчайшим путем к морю и вернуться в Европу. Моя смелость все же выполнить свой план едва не кончилась для меня трагически. После недельной остановки я уехал незаметно при полном отчаянии и плаче христианских жителей.

20 июня. Взяли курс на юго-юго-запад к высотам, оставив справа деревню Сераль. Далее, через короткое и узкое ущелье, спустились на обширную равнину. Слева — огромный колодец «Коджачешме». Проезжаем зону садов и дач Коньи, известную под именем Мекрем. Сам город остался восточнее; началась однообразная пустыня. Справа, у подножий высот Акчешме (белый колодец) и Бейбеси, на высоте 1286 м расположена деревня Хатап с большими плодовыми садами, где растут главным образом огромные ореховые деревья. С северо-запада местность окаймлена живописными скалами. Проезжаем Койдени и Памукчы (хлопкобумажный ткач) по пересеченной местности к поднимающейся к югу равнине. Затем по ущелью долины к мосту, построенному из древних развалин, перекинутому через заболоченную впадину. Едем по равнине к деревне Кадын-Сарай (дамский дворец), состоящей из 20 саманных хижин с колодцем, построенным из античного материала, у северо-восточного подножия гор, простирающихся с северо-запада на юго-восток.

21 июня. Едем по болотистой ровной долине в деревню Кавак (тополь). Затем на юго-юго-восток вдоль цепи известковых гор и сухого ложа ручья, над которым справа возвышается голый Ассар-даг. У входа на большую равнину пересекаем мост, построенный из античного материала. Проезжаем деревню Алибейкёй, состоящую приблизительно из 150 хижин, носящих следы древних архитектурных остатков. Вода здесь колодезная, солоноватая.

22 июня. Начали свой путь в юго-западном направлении по голой пыльной равнине. У высокого пятиарочного моста, построенного через пересохший ручей, оставили дорогу на Караман справа и отправились на восток. Здесь, на равнине, встречаются остатки древности — одиноко стоящие или упавшие колонны.

Едем вверх вдоль северо-западного подножия Кара-дага к деревне Сулейман-Хаджи, состоящей из сотни саманных хижин. Деревья и даже кустарник отсутствуют. На последнем отрезке пути встречаются сначала

отдельные лужайки, затем большие луга, покрытые низкорослой желтоватой травой *Briza spicata*, известной здесь как прекрасный корм, от которого мы с трудом увели наших лошадей. Стоило бы развести это растение в Европе.

23 июня. Направились на юго-юго-восток по черноземной равнине, усыпанной многочисленными трахитовыми глыбами. Едем вверх по плоскогорью, покрытому пышной растительностью, к расположенному на растянутом в длину с запада на восток плато Бинбир-Килеси (1001 церковь), изобилующему античными и средневековыми руинами, между которыми разбросаны десять хижин турецкой деревни Маденшехир (город горного дела). Далее направляемся через широкий хребет к немного поднимающемуся в восточном направлении, не очень высокому Кара-дагу, вершины которого образуют кратерообразную, открытую к югу впадину. Справа к юго-западу предгорья далеко и полого кончатся холмами Сапыр-тепе и Кале-даг. Отсюда пологой тропой спускаемся к деревне Калбасан, расположенной у подножия горы. Высота 1228 м. В окрестностях руины, многие колонны еще стоят. Едем через поднимающуюся равнину к городу Караман. Высота 1267 м.

Благодаря рекомендации, полученной мною от паши Коньи, нас приветливо приняли в доме главы города, разумные рассуждения которого дали мне новое доказательство отвращения образованных чиновников к войне с Россией.

24 июня. Направились вверх по плоскогорью, а потом через ущелье спустились к деревне-саду Куден, расположенной на правом берегу Куден-су. Далее следуем на юго-восток вверх по живописной долине, окруженной известковыми горами (с обилием многоцветных окаменелостей). Высота 1537 м. Переезжаем каменный мост через речку, которую позже пересекаем еще несколько раз. Едем на восток вверх по узкой боковой долине к деревне Ахыр (стойло), состоящей из естественных гротов в отвесных скалах с весьма узкими входами. Несколько дальше вновь встречаемся с подобными многочисленными гротами, несомненно античными жилищами, которые теперь частично используются как пчелиные ульи.

Направляемся вверх на юго-восток по боковой долине через очень пересеченное плато, над которым высятся хаотично разбросанные горы Мигхал и Гашилар-даг (в одном и двух часах езды от Куден) к западу от Соумак-дага. Через узкое ущелье попадаем на пустынное плато (высота 1954 м), образованное известковыми отложениями и разорванное многочисленными ущельями, загромажденными валунами. Дорога очень плохая. Постепенно спускаемся между закругленными высотами в долину с речушками Ламас-су или Саркан-дере-су, служащую теперь пристанищем отряду туркмен из племени ашлы-оглу под водительством Али-бея. Высота местности 2039 м.

Жители, которые зимуют на побережье у Селефке, проводят тут только четыре месяца — до конца августа, когда уже выпадает снег (и в эту ночь термометр упал до 0); теперь они убирали урожай посеянных здесь злаков. Самого Али-бея я застал, когда он ссорился с турецким чиновником, прибывшим сюда, чтобы набрать для войны против России 150 рекрутов из его племени, в чем предводитель последнего отказал наотрез. В ответ на угрозы чиновника Али-бей высказал свое неодобрение наступлению, спровоцированному по чужому наущению, открыто выразил также свое презрение бессилию турецкого правительства в проведении самостоятельной политики;

тут же он сообщил мне о происшедшей ссоре, изложил содержание разговора с турецким чиновником и заверил в том, что, несмотря на мою хорошо известную ему национальность, мне нечего бояться, пока я нахожусь у его племени (т. е. у туркмен).

26 июня. Поехали в том же юго-восточном направлении по долине, которая сильно сузилась. Затем по левой бровке склона направились к притоку ручья и вниз по нему через узкое ущелье, которое снова переходит в открытую долину. Местность каменистая и безводная. Высота 1923 м.

Дважды пересекали речку, потом выехали из долины с правой стороны. Сперва едем по совершенно сухому, потом по покрытому можжевельником неровному плато-к месту развалин древних колонн.

Въезжаем в яйлу Караташ. Высота 1923 м. Здесь находится пять-шесть хижин, около которых несколько фруктовых деревьев. За последние три дня фруктовых деревьев я не встречал.

27 июня. Спускаемся по долине. Опять обломки древних колонн. Направление южное. Следую все время вдоль некогда мощной дороги, через плоские вершины горной цепи Джебель-Хисар, живописно заросшие дубами и особой породой можжевельника (в Европе встречается только в Греции), дающей сладкие съедобные плоды. Перед нами естественное короткое ущелье, закрывающееся хорошо сохранившимися древними воротами. Продолжаем все время спускаться по той же дороге. Наконец проезжаем между искусственными каменными нишами (вероятно, могилами) к деревне Узунбурдж, находящейся на высоте 1576 м и состоящей из восьми — десяти хижин, — летней резиденции живущего здесь в Селефке начальника района Джебель. Здесь мюдир обитает среди руин некогда значительного города, которые свидетельствуют, что в далекие времена эта область не могла быть столь безводной, как теперь. Узкая долина, простирающаяся на запад и на юг юго-восточнее поселения, никак не может быть долиной реки Ламас-су, ибо по крайней мере и этим сухим летом она совершенно выгорела. Трехарочные городские ворота еще стоят прочно. В юго-восточном направлении имеется 16 коринфских колонн, образующих как бы три группы. Тут же несколько больших кирпичных обломков огромного здания. Немного севернее, по направлению к горам, стоит квадратная башня. Вся остальная площадь покрыта массой развалин, которые, по-видимому, относятся к лучшему периоду греческого строительного искусства. Среди них несколько камней с надписями. Провести более тщательное исследование, которое здесь было бы целесообразным, мне не позволили ни отведенное время, ни подозрительная назойливость турецких войск, остановившихся здесь на привал и, к счастью, не знавших моей национальности.

28 июня. Продолжаем спускаться в южном направлении. Часто встречаются руины древних строений. Местность очень неровная. Простирающиеся цепи скалистых гор разделены параллельными ущельями, покрытыми роскошными лиственными (бесценные для кораблестроения, но теперь не используются). Едем дальше по сухому, усыпанному глыбами ущелью. Высота 823 м. Над левой бровкой склона долины возвышается древняя крепостная стена, построенная на скале. Пересекаем далее более обширную долину, но совсем безводную. Мы взяли с собой бурдюки с водой. Отсюда до Селефке все время продвигаемся вдоль или по разрушенной древней мощной дороге, большей частью очень тяжелой для движения, особенно в местах спуска. Слева на холме — небольшой храм, покоящийся на четырех коринфских колоннах. Справа, также на возвышенности, стоят две рядом и несколько отдельно аналогичные колонны. Проезжаем около очередного храма с греческой надписью на фронте по крутому и довольно опасному спуску между разбросанных в беспорядке плит старинной мостовой, так как огромные груды развалин

и густой кустарник не позволял проезжать стороной. Полая тропа ведет вниз. Она вьется по живописному лиственному лесу, состоящему из дуба, мирта и других пород. Переезжаем через каменный мост, построенный через реку Эрменек-су (Гёксу.— В, Ц.) с чуть теплой водой, и попадаем в город Селефке, насчитывающий около 300 домов. Повсюду большие красивые плодовые сады и особенно великолепные лимонные деревья, оливковые насаждения и виноградники. Вблизи много палаток кочующих цыган, здесь называемых обычно абдал, которые относительно независимы от местных властей. Они имеют своих собственных предводителей.

29 июня. Едем обратно через мост на восток, пересекая равнину, частично засаженную хлопком, частично покрытую кустарником олеандра, аврамова дерева, тамариска и др. Кустарник простирается до северного подножия горы. С левой стороны из скалы бьет источник, образуя ручей, впадающий в Эрменек-су. Болото равнины объезжаем по каменистой дороге отрогов гор. Затем по равнине направляемся к деревне Першембе.

30 июня. Выехали на северо-восток вдоль песчаного побережья, через предгорье, покрытое развалинами византийских строений. Потом через долину и второе предгорье — к бухте, окрестности которой заросли, как и все другие долины этих мест, рожковыми деревьями, олеандрами и т. д. Здесь я узнал у пастуха о существовании вблизи в скале большого прекрасного грота.

Экскурсия в корицийскую пещеру. Через 15 минут некрутого подъема по труднопроходимой разбитой античной мостовой мы у полуразрушенного древнего строения; к северу от него ступеньки ведут вниз в узкое ущелье, в конце которого через 15 минут мы встретили разрушенную церковь со следами византийской живописи внутри; сейчас эта церковь используется как мечеть. Тут же у церкви-мечети находится удобный вход в грот. Грот полон сталактитов и сталагмитов. На его стенах — греческие надписи. Он понижается в северо-восточном направлении. Основная часть грота имеет среднюю высоту 50 м (у входа более 80 м) при ширине 20 м и длине 270 м. Далее грот сужается в непроходимую щель, откуда слышится журчание ручья. Описание грота, оставленное древними авторами, а именно Страбоном и Мелой, поэтически приукрашено; нет никаких следов якобы имеющейся здесь богатой растительности (гл. обр. *Stocus*). Внутри грота нет ничего необычного. Вообще он намного уступает гроту Антитороса и другим менее знаменитым.

Поехали по очень трудной дороге через четыре разделенные бухтами низкие, но скалистые предгорья. На последнем из них имеются византийские развалины, именуемые Коргос. Недалеко от них находится островок с руинами средневековых укреплений Кызлар-Калеси (девичий замок). Все время едем между обломками античного *Согусуса* — храмов, сводов, саркофагов, иногда вырубленных в гранитных скалах, чаще с надписями на греческом языке. В открытой бухте, окруженной развалинами, а также еще стоящими коринфскими колоннами, относящимися к древнему городу Себасте, расположена на высоком крае побережья деревенька Аяис с чудесным видом на море.

Ночью на лагерь напала пантера, очень сильно взбудоражившая наших лошадей; но было очень темно, и нам не удалось ее убить.

1 июля. Направляемся на северо-восток вдоль побережья. Часто встречаются остатки античного зодчества: то водопровод, то дома...

Проезжаем Аккале (белая крепость), мимо покинутой деревни Ламас к Ламас-Кагеси. Руины многобашенной крепости находятся на отдельном холме в песчаной долине реки Ламас-су, через которую несколько выше проложен двухъярусный водопровод из 8 и 12 арок. Тут следуем вброд по довольно прохладной реке, глубина которой в устье равна одному метру; затем, через полог на холмы и травянистую равнину, отделенную от моря дюнами, заросшими кустарником, до высот, на которых стоят невидимые с дороги деревни Эрдемли и Алаташ. Далее пересекаем речку Сарпа-чай, которая, не достигнув моря, по эту сторону дюн образует болото. Потом идем по каменному мосту через другую глубокую прохладную реку Делидже-су (бешеная вода), многочисленные источники которой берут начало выше деревушки Темюк, насчитывающей около десятка хижин. Многочисленными каскадами низвергаются ручьи, образуя острова. В плодородной приморской равнине много дикорастущих оливковых деревьев, выращиваются зерновые, кукуруза и хлопок.

2 июля. Продвигаемся прибрежной долиной, по каменному мосту, построенному через вторую речку Делидже-чай. Справа красивый вид развалин. Причем 45 коринфских колонн еще стоят.

Едем через неглубокий, но быстро текущий ручей Мезетлю-чай; пересекаем мосты через Сермин-чай и Гюзель-дере (красивая долина) к деревне Мерсин, насчитывающей примерно 20 хижин ансаирских арабов и несколько красивых, вновь выстроенных домов греческих, а также европейских купцов и летних дач для консулов Тарсуса. Порт имеет уже некоторое значение. Все дома построены на высоких сваях для лучшей защиты от мириадом москитов.

3 июля. Скачу два с половиной часа галопом на горячей лошади русского консула, приехавшего за мной в Мерсину, чтобы сопровождать меня до Тарсуса. Там намечалось мое публичное выступление, которое могло бы несколько успокоить греческих христиан, находящихся под покровительством русского консула. В Тарсусе 1700 домов, среди них 80 греческих, 50 армянских, 200 арабских. Летом из-за жары и лихорадки в городе остается едва четвертая часть жителей. Зимой же в нем находится много иногородних греческих и армянских купцов. Жара была угнетающей (в полдень до 34°C в тени, 48° на солнце), в то время как в Мерсине близость моря немного снижала температуру; поэтому и виноград в этой местности еще не совсем созрел, как в Тарсусе и Адане; лимоны и апельсины здесь выращиваются в изобилии, финики же вызревают лишь в исключительных случаях. Самая плодородная восточная часть большой низменности Чукур-Ова засеяна почти только пшеницей и хлопком. Эта часть низменности без внесения удобрения дает в самые засушливые годы урожай 10—20 сам, а после влажных зим — обычно в тридцатикратном размере, а иногда и выше. Холодные ночи бывают еще в середине и в конце мая. Поэтому хлопок высевают здесь только в конце мая — начале июня.

Учитывая опасное волнение среди магометанского населения, вызванное известиями с театра военных действий, паша Аданы пытался в очень вежливом письме убедить меня вернуться в Европу морским путем. Ведь мой план отправиться на север через Антитавр (Козан-даг) давал мне возможность еще больше выявить слабость турецкой организации, турецких порядков, ибо там не так давно повстанцы нанесли войскам паши сильный удар. Консулы Тарсуса также присоединились к высказанному в письме мнению паши. Однако это меня не остановило в осуществлении намеченного мною действительно опасного похода.

11 июля. После недельного отдыха направились на северо-северо-запад по совсем плоской равнине. На пологих холмах, поросших кустарником, справа расположена деревня Коджаорен, а слева — гора Джебель-кейф, изыскиваемая турками Едн кардаш (семь братьев), — место, связанное со сказаниями о семи братьях-сонах. Спускаемся в долину Сусузлар. Справа стоит деревня Байрамлы. Затем направляемся в долину Кёч-Бююк-дере (изогнутая долина). По долине протекает река Циднус. Вода в

реке теплой. Едем по левому берегу в том же северо-северо-западном направлении через горы, покрытые лесом, в другую долину вдоль восточной бровки склона, поднимающегося к северу. Далее круто поднимаемся по долине, над которой возвышаются голые вершины Булгар-дага. Похоже на швейцарский ландшафт.

Слева, далеко внизу в долине, — деревня Джона. Спускаемся в узкую долину реки, текущей на юго-восток, и направляемся вдоль отвесной бровки склона. В известковых скалах встречаются нуммулиты. Потом через узкое скалистое ущелье поднимаемся к большой деревне Немрун (высота 1305 м), состоящей из разбросанных деревянных домов, похожих на швейцарские; восточнее деревни находятся средневековые, хотя частью состоящие из античного материала обломки крепости Немрун-Калеси. Крутая, высеченная в белой известковой скале тропа ведет вверх, через пять ворот, которые украшены грубыми фигурами львopodobных животных. Большинство многочисленных четырехугольных башен высечено в скалах; длинное здание из трех отделений внутри имеет готические окна. Воды наверху нет. Ее можно найти только у западного подножия дворцовой горы.

14 июля. То поднимаемся, то опускаемся по лесистым горам, через ущелье, справа — Баклар-Кей.

Затем круто спускаемся в орошаемую одним из притоков Циднуса Джехеинем-Дереси (адская долина). Высота 495 м. По боковой долине следуем на северо-восток через неровное лесистое плато в другую глубокую долину, где слева раскинулась деревня Гинкю. Следую вверх по долине. Слева — деревня Генен. Поднимаемся дальше мимо деревни Пазы-Чукур (свекольная яма) к богатой садами деревне Кюлек (около 50 хижин), в летнее время она населена почти одними греками и армянами из Тарсуса. Высота 1305 м.

Над деревней Кюлек отрог горы Булгар-дага со старинными стенами Кале-даг (гора-крепость), простирающимися к востоку вплоть до западной бровки знаменитого Киликийского перевала. Здесь я пробыл два дня, как бы в гостях, у известного венского ботаника, коллекционера Кочи.

17 июля. Отправились на северо-восток, вниз ко входу на Киликийский перевал, называемый здесь Кюлек-богазы. Переезжаем через перевал, ширина которого в самом узком месте 8—12 м; затем через плато с пышным кедровым лесом въехали в ущелье, по которому протекает небольшая речка Бозанты-су, где рядом с Аккёпрю (белый мост) находится таможенный сторожевой пост Бозанты-Гюмрюк (таможня Бозанты, от античного Подандус). Высота местности 916 м.

18 июля. Направляемся на северо-северо-восток через несколько речушек, потом поднимаемся по отлогой тропе через лес, где растут лиственницы, можжевельник и кедр. Меняем курс на северо-восток. Продвигаемся через хребет, возвышающийся на 200 м, Ак-дага, и снова спускаемся до 1576 м в долину, обрамленную каменными колоннами и простирающуюся на юго-восток. Переправившись через высоты, испещренные скалистыми глыбами, попадаем в высокогорную долину, которая заканчивается узким ущельем. Проезжаем по северному, очень обрывистому краю через фантастические нагромождения известковых скал к расположенным под прекрасными ореховыми деревьями и платанами 10—12 дощатым хижинам Кызыл-дага (красная гора), которые с конца мая до начала сентября (когда здесь уже опять идет снег) служат дачами, летним станом жителям Аданы. Постоянно в этих местах живет только правительственный чиновник (хаймакам) сильного рода афшаров менеменджи (1500 семей), которые в отличие от своих сородичей из Козан-дага признают в известной степени турецкую администрацию. Говорят, что в двух с половиной часах хода на юг якобы имеются в горах «эски таш» (старые камни), т. е. древние руины.

19 июля. Стали спускаться через известковые холмы между кедрами, можжевельником и киликийскими пихтами; затем поехали вверх по

высокому горному хребту. Теперь стали встречаться сосны, австралийские дубы, восточные грабы и боярышник. Спускаемся круто в долину Коркун-су, ведущую к Сейхану. Слева, через лабиринт острых лесных макушек, проглядываются многоэтажные вершины гор Ала-дага, места, покрытые снегом. Постепенно поднимаемся к прекрасному лесу, за которым открылось травянистое плато, окаймленное справа более высокими горами, также покрытыми лесом. Идем вниз, в долину, изгибающуюся с северо-запада к юго-востоку, где у реки мы увидели палаточный лагерь менеменджи.

20 июля. Направились по долине, затем оставили ее слева и направились по травянистому высокогорному плато. Слева от нас возвышается Ала-даг. Спускаемся в долину, в которой расположено несколько афшарских деревень. Здесь опять появляется виноградник, не встречавшийся нам уже несколько дней. Высота 1151 м. В гористом ландшафте приютилась афшарская деревня Карсанта-Оглу, состоящая из 30—40 домов, разбросанных на восточном склоне одного из юго-восточных отрогов Ала-дага.

Эту последнюю часть пути мы вынуждены были пройти под конвоем толпы вооруженных афшаров. Главарь их, просмотрев мою охранную грамоту (фирман), в которой указывалась моя национальность, объявил меня военнопленным. Однако благодаря рассудительному и отнюдь не враждебному отношению к русским местного каймакама после довольно бурных объяснений этот главарь был отослан вместе со своими людьми.

22 июля. Отправились на северо-северо-восток, вниз по горам, к греческой деревушке Гяуркёя, через высоты, покрытые тысячами обломков горных пород, которые то и дело скатываются с горного хребта. В окрестностях Гяуркёя выращивается отличный виноград. Затем направляемся через долины, покрытые лесом, к реке Килерджик-су, притоку Сейхана. Порода всюду имеет желтовато-красную окраску. Поднимаемся круто вверх по мелафировым скалам и лиственному лесу, расположенному на горе Чалтыгиби-даг. Спускаемся к речке Чалтыгиби-су, текущей на северо-восток, по крутой тропе через долину Хаджиман-дереси к каменному плато Хаджиман-яйласы — месту летнего пребывания отряда афшаров карсанта.

Дневное путешествие было чрезвычайно трудным. Все время приходилось ехать то вверх, то вниз по горам с крутыми и довольно опасными тропами. Здесь нет кедров. Встречаются отдельные платаны, красивые, пригодные для корабельных мачт лиственницы, а на самых высоких местах растет обыкновенный можжевельник.

23 июля. Направляемся на северо-северо-восток к айле Барзама через глубокую долину, спадающую в северо-восточном направлении к реке Заманти-су. Слева — серо-белые известковые горы Ала-дага, справа — менее высокие, но очень обрывистые, островерхие, красноватые мелафировые горы. Направляемся по западной бровке склона к ныне необитаемой деревне Барзама. Река здесь расходится на несколько рукавов, затененных платанами. Едем по открытой долине вниз к каменному мосту; далее по западному краю текущего теперь справа ручья въезжаем на простирающийся с северо-запада на юго-восток горный хребет, который преграждает путь и принуждает к обходу на юго-восток. Спускаемся в воронкообразную ложину, над которой слева возвышается Ала-даг, разделенный несколькими ущельями. Потом держим путь по восточному краю воронки к холмистому плато вниз в главную долину к Фарашу (поселение из 250 хижин), расположенному в очень бедной растительностью местности.

Помня о плохом приеме, который испытал пять лет назад (25 сентября 1848 г.), я заранее послал со слугой вместо бесполезной здесь охранной грамоты султана рекомендательное письмо каймакама Карсанта своему афшарскому соплеменнику, мюдиру Фараша. Оно возымело хорошее действие. Хотя и шел проливной дождь, навстречу мне в темноту вышла толпа факельщиков, а при въезде в деревню меня встретил сам мюдир с большой свитой. На следующий день, который мне пришлось здесь провести, чтобы дать отдых людям и крайне усталым лошадям после десятичасового труднейшего подъема, я также пользовался радушным гостеприимством мюдира. Несмотря на настойчивые уговоры мюдира и других местных жителей не ехать дальше по намеченному пути, я не изменил своему намерению проникнуть еще дальше на восток, в еще незнакомую, собственно центральную, область афшаров на Козан-даге. Однако четыре каваса (жандарма), предоставленные мне пашой Тарсуса для охраны, отказались туда следовать, боясь за свою безопасность на обратном пути. Поэтому я их отпустил.

26 июля. Мы отправились вниз к деревянному мосту через Самантису. Покинув долину, переходящую в узкое ущелье, мы взяли курс на юго-восток к высоким, лишенным растительности горам. Проехали через ущелье в открытую долину, окруженную с северо-запада горами и пересекаемую речкой, в которую справа впадает приток. Потом едем по левой бровке склона долины вниз к деревне Каракей, где я заметил, что, вопреки установившемуся турецкому обычаю, здесь, как и в Армении, запасают на зиму сено и виноградные лозы.

Проживавший здесь глава афшарского племени Сарканты-оглу меня принял хорошо. Пожимая крепко мою руку, он назвал меня молодцом, который, наверно, очень понравится его господину великому афшарскому князю Чатырджи-Мехмедбею, и дал к нему рекомендательное письмо. При этом он посоветовал припрятать служебную форму (красную куртку с галунами) моего татарина, а также не показывать мою охранную грамоту людям, для которых, «как я, будучи сообразительным человеком, мог уже понять, турецкий султан — просто дерьмо».

Снова карабаемся, как дикие козы, по горам, пробираемся между скалами. Спустились круто вниз к текущему на северо-запад очень холодному ручью, затем снова некоторое время едем вверх вдоль его берега. Далее через хребет ко второй параллельной долине и полчаса вверх по ней к платообразному северному склону Гедин-Бели, где на высоте 2312 м раскинулся палаточный лагерь афшарского племени Сарканты-оглу. Широко открытый вид только к западу окаймлен колоссальной стеной Ала-дага. Горы, через которые мы перебрались, казались с этой высоты лишь слегка холмистой местностью. Ночью здесь бывают крепкие морозы при сильном северном ветре.

27 июля. Поднимаемся на вершину Гедин-Бели, далее вид на расположенный восточнее, глубоко под нами лабиринт преимущественно простирающихся с юго-запада на северо-восток гор, покрытых лесом. Круто спускаемся снова через лес, где растут кедр и киликийские пихты. Направляемся по тропе, осененной платанами, вдоль речки к дерев-

не Багдечик (сачок), населенной греками, по языку и одежде не отличающимися от афшар. Здесь гроза задержала нас на четыре часа. Высота 1691 м.

Продолжаем свой путь дальше вниз по очень живописной долине. Поднимаемся круто вверх. Едем по кедровому лесу, потом попеременно на северо-восток, юго-восток и восток с горы на гору к Чидме, деревушке из 10—15 деревянных хижин, покрытых еловыми ветвями. Из-за сильного холода в это время года и постоянного северного ветра все афшары в толстых овчинных шубах.

Направляемся на северо-восток вверх по горе, у северо-западного склона которой расположено село. Спускаемся к подножию горной вершины, покрытой развалинами стен и башен. Едем небольшой отрезок пути вверх, потом резко вниз — в долину к палаточному лагерю Еребакан. Здесь сильно развито виноделие. Уже висят спелые красивые гроздья винограда. Высота 1209 м.

Здесь я встретил внушающего страх верховного главу всех афшарских племен Чатырджи-Мехмед-бея. Он был одет в самую простую одежду, сплошь обвешан оружием. Сначала он встретил меня холодно. Но, прочтя письмо из Карсанта, сразу стал относиться ко мне по-дружески и обещал мне полную защиту в пределах своей области. В ответ на его вопрос о мотивах моего чрезвычайно смелого предприятия в столь опасное время я объяснил, к его большому удивлению, сказав комплимент, что общение с единственным племенем, сохранившим свою полную независимость от османского деспотизма, мне, как и каждому либеральному европейцу, доставляет высокое наслаждение. После этого он предложил мне остаться здесь на некоторое время, а если это будет необходимым в отношении моей личной безопасности (в связи с последними слухами об уже вспыхнувшей войне), то пробыть у него до заключения мира. Но мне все же удалось убедить его в том, что я не могу воспользоваться предложением, и доказать, как необходимо в моем положении немедленное возвращение (особенно если я при более длительном пребывании мог бы прослужить шпионом русского правительства). Поэтому он сейчас же позаботился о проводниках и вооруженном эскорте из десяти человек, которые должны были проводить нас до Хаджина. Трезвый взгляд, обнаруженный этим простым человеком в длительной беседе о положении турецкого государства, привел меня в изумление.

29 июля. Мы отправились на северо-восток, вниз по теперь уже сухой долине, к деревне Кале-Дереси.

Затем по левому склону горы Кабаруша доехали до деревни Беленкёй, состоящей из 30 домов, — зимнее пребывание Чатырджи-бея. Деревня расположена на правом берегу мощного притока Сейхана.

Едем вниз по известковой долине, изобилующей окаменелостями, переезжаем реку, глубиной примерно один метр. Поднимаемся вверх по простирающимся с северо-востока на юго-запад лесистым горам.

Затем спускаемся по северному склону к Феке, деревне, насчитывающей около 150 афшарских и армянских домов, над которой высится одинокая гора с развалинами средневековых каменных стен.

30 июля. Спускаемся в скалистую долину очень глубокой реки Джейхан. Здесь этот участок реки называется Гек-су (голубая вода).

Продвигаясь вверх на северо-северо-восток по долине почти пересохшего западного притока Джейхана, пока долина становится непроходимым ущельем. Затем покидаем эту долину и по боковой тропе переходим в соседнюю долину, заросшую чинарами. Далее держим путь по очень крутой тропинке к заросшему лесом горному хребту. Отсюда открывается прекрасный вид на глубокую долину, простирающуюся к северо-северо-западу. Река, текущая по долине, сверкает, как серебряная ленточка.

В противоположной стороне, на склоне почти голой горы, виднеется город Хаджи.

Спускаемся по еще более крутой тропе между огромными глыбами горных пород и кустов к каменному мосту, построенному через быстро текущую реку Хаджин-су; затем поднимаемся к высоко лежащему над городом армянскому монастырю Сурп-Агоп (Св. Яков). В городе из 1500 домов только 30 турецких, все остальные — армянские.

Я застал город в состоянии междоусобицы: только что на узкой горной тропе, чрезвычайно затрудняя проезд, нам встретился глава племени фаршак Хаджи-бей с 300 воинами, направлявшийся к верховному правителю Чатырджи-Мехмед-бею, чтобы просить помощи против своего брата Юсуф-бея, каймакама Хаджина, и его союзника Черкес-бея. Только ссылка на обещанное мне покровительство Чатырджи, одно имя которого внушало страх, вывела нас из затруднительного положения, а то грубые парни, озорничая, уже потеснили меня и моих людей к самому краю страшной пропасти. Но Хаджи-бей пригрозил вместе с тем, что через несколько дней вернется с более сильным отрядом. Он предупредил, чтобы мы не задерживались в Хаджиге.

Люди Хаджи-бея пять дней наводили ужас в монастыре. Все запасы были растащены, лошади и рогатый скот угнаны, бочки с вином разбиты, сады опустошены, посевы растоптаны. И вот только что пришел приказ Юсуф-бея, который, со своей стороны, ожидал доходов от новых поборов с христианского населения. Он требовал не только продовольствие, утварь и ковры, т. е. то, что они могли добыть в монастыре, но и красивых девушек, которых захватывали насильно для увеселения гостей.

Несчастные христиане осаждали меня со всех сторон с мольбой о защите; я вынужден был пообещать им трехдневную остановку. Но, к счастью, на рассвете второго дня получил возможность поторопиться в дальнейший путь под охраной 10 всадников Юсуф-бея (которые мне были необходимы ввиду возможной встречи с Черкес-беем).

1 августа. Направились на восток-северо-восток вверх по горе, возвышающейся над городом. Спустились по холмистому плато в долину с редким кустарником, где вновь появились кедры и лиственницы. Проехали молочную ферму, принадлежащую монастырю Хаджина, и стали спускаться, буквально на четвереньках, по весьма крутой и опасной тропе, идущей между дубовыми деревьями и можжевельником. Лошадей мы все время вели на поводу. Вошли в узкое ущелье долины Сейхан, образующей здесь изгиб, пересекли широкое, но мелкое русло реки. Вода в реке не особенно холодная. Далее двигались по восточному отрогному

склоны горы, потом через лесистое плато пересекали простирающуюся к юго-юго-востоку долину с небольшой речкой и затем вверх по бровке склона долины, где между можжевельником и кедровым лесом раскинулся палаточный лагерь афшаров.

2 августа. Направились на северо-восток сначала по равнине, потом через узкое ущелье спускались между слюдяными сланцевыми скалами и через покрытые лесом холмы к их восточному краю. Затем через равнину с буйными пшеничными полями к расположенному на изолированном холме городку Гёксин, насчитывающему около 150 хижин. Необработанная часть равнины покрыта многочисленными палатками афшаров, особенно из дикого, внушающего страх племени теджелли, которое насчитывало около 2 тыс. палаток. Здесь более 500 мужчин, способных носить оружие. Зимой, которая здесь продолжительна и сурова, все они переезжают в Киликийскую низменность (Чукур-Ова).

3 августа. Направились на восток к притоку Гёксин-су. Вскоре черноморская равнина закончилась, местность стала пересеченной. У дороги заметны следы античных строений. Слева у подножия горы расположена деревня Каилыкавак (красавый тополь).

Направляемся через ровные, простирающиеся с северо-востока на юго-восток, покрытые лесом высоты к Ирджин-су, притоку Гёксун-су; слева, за высотами, — деревня Кизилджик, справа, вдали, — высокий Бардын-даг с большим луговым плато, которое служит яйлой для племени теджелли. На самых высоких вершинах видны островки снега. Едем через холмы к другому, текущему на юго-восток ручью. Продвигаемся по горе Нишанлы. Справа высокий Бардын-даг понижается до размеров небольшого кряжа.

В течение часа путь лежит то вверх, то вниз через невысокие холмы. Затем, по равнине до Ярпуза (Арабисус древности), поселения в 300 хижин. Здесь суровый климат — иногда зима длится пять месяцев, поэтому виноградарством не занимаются, но выращивают много плодов, высевают пшеницу, ячмень, убирают обильные покосы сена, разводят коз.

Рядом с теджелли здесь и до самого Эльбистана живет менее дикое афшарское племя рахана — около 7—8 тыс. палаток. Зиму они проводят на равнине Атакья и в Сирии.

4 августа. Поехали по горизонтальной богатой долине (окаймленной невысокими известковыми горами) к деревне Изгин, стоящей на заросшей лютиком неглубокой (0,1 м) реке Хумрачай, текущей с северо-запада. Затем пересекли лишенную деревьев равнину и речку Сёгютлю-чай (ивовая река) и направились к городку Эльбистан, стоящему на высоте 1170 м. Через город протекает разветвленная на несколько рукавов река Джейхан. На юго-востоке за низкими предгорьями возвышается местами еще заснеженная гора Коч-даг (баран-гора).

Моя палатка, которую я, к несчастью, разбил на привлекательном, затененном тополями островке реки Джейхан — месте отдыха праздной толпы, привлекла внимание, когда стало известно, что здесь присутствуют европейцы, да еще моей национальности. Вскоре разъяренная толпа, подстрекаемая муллами, ринулась на мою палатку. Мюдир с трудом спас меня, укрыв в своем доме. Чтобы уберечь меня от дальнейших нападений, он отправил нас на следующее утро, задолго до восхода солнца, под охраной 15 всадников по кратчайшей дороге дальше на север (но не через Даренде, как я хотел).

5 августа. Выехали на северо-северо-восток по равнине к деревне Ахтырын. Слева от нас виднелась деревня Мараба, а справа — Екелик. Через три четверти часа проехали Япылар (стройка), а еще через час с четвертью достигли северного конца равнины, после чего началась пере-

сеченная холмистая местность. Проехав узкое ущелье, попали в горную известковую долину. Высота местности 1600 м. Через пересеченное пустынное плато спустились в долину к текущему на юго-восток ручью, в известковых скальных берегах которого около 1500 гротов с выдолбленными узкими входами, вероятно большей частью созданные природой, которые образуют поселение Кечи Магара (козья пещера). В долине нет деревьев. Зима здесь долгая и суровая, лето жаркое.

6 августа. Направились на север вверх по узкому извилистому ущелью через разорванное местами плато с тощим можжевельником и редкой травой. Отсюда как раз из-за высохших колодцев уходили афшары из племени деликан со своими стадами овец и верблюдов. Наконец мы добрались к небольшому источнику. Здесь в два часа дня на солнце 43,5°C. Высота 1760 м.

Затем едем по узкому ущелью, которое выходит в изобилующую садами долину Токма-су, у большой деревни Демир (железо).

Далее следуем через сады, вдоль разделенного на несколько рукавов, шириной в 10 м, Токма-су в Гюрю — город, насчитывающий 1500 домов. Много тутовых деревьев, но нет виноградников. На некоторое время располагаемся лагерем под тенью тополей на берегу реки рядом с караваном в 800 вьючных лошадей, сопровождаемых 520 мужчинами. Они следуют с шелком из Халеба в Анкару. Несмотря на эту силу, они уже дважды подвергались нападению курдов и афшаров.

7 августа. Меняем курс на северо-северо-восток, едем через извилистые ущелья между известковыми скалами. Далее через пересеченное, совершенно голое известковое плато в травянистую долину Узун-Яйла.

Направляемся на северо-северо-запад вниз по долине с пышной растительностью из можжевельника, боярышника, роз; наконец попадаем в узкое ущелье и по его западному краю вверх на равнину, окруженную белыми мраморными холмами, а далее базальтовыми холмами. И в довершение через узкое базальтовое ущелье спускаемся круто вниз к армянской деревне Манджулик, яйла от которой находится западнее в двух часах езды.

8 августа. Сопровождаемые добровольным эскортом из 60 конных и вооруженных армян для защиты от бродячих афшарских орд, которые оказались по соседству, мы направились на северо-северо-восток через пересеченную местность, параллельно реке Чамурлу-су. Едем на северо-восток по более круто поднимающейся черноземной долине, засеянной ячменем и пшеницей. Потом через западный откос высот Деликташ (продырявленный камень), который остается справа, вниз и немного восточнее к деревне Каракёчлу.

9 августа. Продолжаем спускаться на северо-северо-запад в долину Терджил-су к Улашу по правому берегу речки. Едем по голой равнине, справа — подножие гор Хаджи-Мирза. Деревня Текмаж остается несколько в стороне от большой дороги, у левого берега ручья, текущего на север.

Мы застали деревню, состоящую из 30 армянских семей, очень взволнованной. Как христиане, не имеющие права носить оружие, а также из страха кровавой мести они не решились оказать сопротивление нападению всего лишь 20 афшарских всадников, которые только что разграбили все ценное и угнали скот. На следующее утро они вновь появились вблизи, как наши несчастные хозяева и предсказали, но не рискнули совершить новое нападение, боясь моих 13 вооруженных и мужественных спутников. По просьбе жителей мы оставались до четырех часов дня, пока они наспех убирали еще не совсем истоптанные посевы хлеба и прятали его в соседних пещерах, чтобы как-

прибудь прожить зиму. Только два статных афшара осмелились приблизиться к моим людям и добродушно спросили, кто мы такие и не являюсь ли я пресловутым Москов-беем, который вот уже 10 лет шпионит по всему турецкому государству. Они пожелали лично познакомиться со мной, так как уже много слышали о моих приключениях. После нашего знакомства они вели себя как очень любезные мошенники.

10 августа. Выехали на северо-северо-запад. Справа от нас у холмов раскинулась деревня Аджипынар (горький источник). Переезжаем несколько холмов и реку Кызыл-Ирмак, рядом с высоким мостом из 20 арок. Направляемся в Сивас, где останавливаемся на четыре дня. Высота местности 1250 м. Здесь при сильном западном ветре, который давал о себе знать почти ежедневно, температура воздуха в обед в тени 33°, а на солнце 54°C.

12 августа прибыл курьер, которого уже давно с величайшим нетерпением ожидали все жители города. Он привез известие о появлении русских войск в дунайских княжествах. Чтобы оградить меня от возможной вспышки ярости жителей, паша установил у отведенного мне армянского дома охрану из 10 человек и каждый вечер приглашал к себе. Он хотел, чтобы я не ехал по уже знакомому мне почтовому тракту через Токат и Амасью, действительно очень удобному для преследования, и не изменил своему плану достичь морского берега новым путем — через горы. По крайней мере, паша строжайше приказал всем подчиненным обеспечить мне безопасность.

Вообще же он убедительно говорил об отрицательном отношении образованных людей и почти всех чиновников к действиям турецкого правительства, а также союза западных держав.

13 августа. Мы отправились через голую, пересеченную равнину на северо-северо-запад. Затем через простирающуюся к югу долину Тавра и по левой бровке склона стали подниматься по крутой тропе. Проехали пересеченное глубокими оврагами безлесное плато, после чего через несколько невысоких, покрытых можжевельником цепей гор спустились вниз — в долину реки Эльмуш. Долина эта тянется к юго-западу. Высота местности 1270 м. Здесь стоит деревня Кайя-Эльмуш на расстоянии одного часа езды от реки Йылдыз-Ирмак (звездная река). Далее последовали на север через все более и более высокие холмы, с усиливающимся покровом дуба, барбариса и можжевельника, к деревне Газики (деревня победителя), расположенной у восточной бровки склона долины, по которой, извиваясь, быстро течет река Куртлама-су.

14 августа. Оставив долину слева, мы круто поднялись по пустынно-му высокогорному плато, где стоит Кузурен. Спустились в другую, идущую к юго-западу долину и по ней (из-за усиливающегося дождя) направились к деревне Юсуф-Оглу, раскинувшейся на западном склоне одноименной горы, над которой за ущельем возвышается более высокая гора Йылдыз-даг.

15 августа. Направляемся на запад. Спускаемся в долину и по ней вверх на северо-северо-восток по лесистой крутой тропе. Через час по отлогому спуску въезжаем в паркообразный ландшафт (граб, боярышник, орешник, кизил). Затем меняем курс на северо-северо-запад, север и северо-северо-восток по долине, покрытой травой, опять спускаемся

вдоль ручья к реке Эльма-су, текущей по обширной долине с богатыми посевами, главным образом кукурузы, которая называется здесь мысыр-бугдай (египетская пшеница).

16 августа. Спускаемся полого к устью Эльма-су и едем до входа в узкое ущелье. Далее движемся вверх по северному крутому, красивому, заросшему лесом склону к платообразному лесистому хребту, после чего спускаемся к деревне Гёзексе. Потом следуем по густому лесу круто вниз, оставив слева деревню Ува. Спускаемся в долину реки Никсар-су, которая течет по неглубокому гравиевому руслу несколькими очень бедными водой жилами между кустами тамариска.

Следуем вдоль северо-восточного края долины в Киксар, попадаем в город. В нем 800 домов, среди них 200 христианских, живописно размещившихся у склона горы около старой крепости, над которой возвышаются более значительные горные громады. Часть домов в Дербаге (долинный сад), находящихся на северо-востоке, окружена садами. Здесь имеются отдельные оливковые деревья (во времена Страбона они культивировались во всей Фанарое; теперь же на побережье на востоке от Самсуна нигде больше не встречаются). Главный продукт вывоза отсюда — рис (ежегодно примерно 2000—2600 ока, или 5000—6000 фунтов). Кроме того, вывозится хлопок, пшеница, рожь, ячмень. Плодородную черноземную почву удобряют здесь овечьим и козьим навозом и получают урожай 10—15 сам. Под культурами находятся лишь четвертая часть равнины.

17 августа. Поднимаемся к маленькому платообразному лугу. Затем к более высокому, просторному, хорошо обработанному полю, где расположены греческая деревня и монастырь Аргус, — верхняя граница виноградарства, а также произрастания граба и дуба.

Едем через лес лиственниц и можжевельника к яйле Аргуса. А далее спускаемся к обильному травой, относящемуся к Чаршамбе горному альпийскому пастбищу Чамичи. Над яйлой на северо-востоке возвышаются покрытые лесом горы. Говорят, что в этих горах водится много медведей, шакалов и диких ослов в черную и желтую полоску.

Двигаясь то вверх, то вниз, пересекаем пастбища. Затем круто спускаемся в идущую к северу долину, на которой находится несколько деревянных хижин. Спускаемся дальше к мосту по глубокой, текущей по узкой долине (возможно, верховью) реке Терме-чай.

Еще раз переезжаем через ручей и поднимаемся к воронкообразной впадине горного пастбища Селе-Яйсалы с 10 хижинами, над которым в северо-восточном направлении возвышается голая горная вершина Ай-тепеси (медвежья вершина). Ее склоны и вообще вся гора уже в последние два часа нашего пути покрыты только лиственным лесом: орешником, черной ольхой, грабами и др.

18 августа. Преодолеваем крутой подъем через хребет, местами болотистый, безлесный, покрытый (только здесь впервые появившейся) азалией и коротким, густым, бархатистым ковром травы. (Все следующие горные хребты похожи.)

Проезжаем между похожими на шерстяные мешки круглыми авгир-порфиrowыми камнями (разрушение которых образует самый лучший чернозем) вниз к текущему на северо-запад ручью. Затем спускаемся круто в другую пышнолесистую долину. Минуем многие ущелья, луговинные долины и плато. Направляемся вниз по все более густому лесу. Встречаем разбросанные деревянные хижины — приют для пастухов крупного рогатого скота и овец.

Полого поднимаемся на высоту, откуда впервые открывается вид на море. Круто спускаемся с горы по вязкой почве в котловину Кечи-дереси (козья долина). После прохладной ночи — очень сильная роса. Высота 878 м.

Слева находится деревня Серкис.

19 августа. Слева Кёссербуджа (закоулк). Едем все время по кукурузным полям. Пшеница здесь почти не встречается. Дома в деревнях

состоят из деревянных срубов в швейцарском стиле. Спускаемся по горам вдоль остающейся справа долины Серкис-дереси, где протекает крупная река Гулеман-чай; на пути к деревне Дуунук встречается все больше и больше каштанов и азалий. Высоты и долины простираются почти исключительно с северо-запада к юго-востоку.

Вперед трудный спуск по сырой лесной дороге в долину, вся ширина которой занята мелкой рекой Элекчи-чай. Дальше едем по левому берегу, справа — деревня Билжакей; здесь начинаются обремененные плодами грушевые и яблоневые сады.

Следуем по высотам правее поселения Чалтимора. Через него ведет другая, говорят, более близкая, но очень каменистая дорога из Дёнук в Фатнсу. Затем направляемся через высокий левый край очень узкой долины, откуда, говорят, вытекает кипящий источник.

Оставляя слева долину, поворачивающую к северо-северо-западу, едем через фиговый лес и равнины к городку Фатиса, мимо многих каменных домов, выгодно отличающихся от грязных, пришедших в упадок селений, удаленных от моря. Рейд гораздо лучше, чем в Самсуне. Ливень задержал нас здесь на день.

Меня развеселили забавные попытки старого мюдира, получившего из Константинополя указание: привести этот городок в обороноспособное состояние на случай нападения русского флота. Пробные выстрелы из заржавленных и лишенных колес пушек сбили с ног всех оборванных артиллеристов.

21 августа. Переехали многорукавную Элекчи-чай с почти застоявшейся водой. Затем отправились по берегу вдоль реки по гористой местности, покрытой азалиями и рододендронам.

Едем по очень узкому проходу между морем и круто спускающимися к морю горами, покрытыми лесом. В районе Джеviz-дареси горы несколько отступают от моря. Подъезжаем к Уние. В нем около 200 домов. Здесь живет много греческих купцов, моряков и судостроителей.

22 августа. Направляемся вдоль берега по скалистому побережью моря, где наши лошади охотно пьют морскую воду. Это веское доказательство небольшого содержания соли, как об этом уже сообщал Арриан в своем описании побережья Понта. Пересекаем довольно широко разлившуюся речушку Туре-чай (Тоарис). Справа от нас море, закрытое кустарником; потом переезжаем через широкую дельту застоявшейся в нескольких рукавах реки Ак-чай, за которой начинается почти непроходимый лес из диких фруктовых деревьев и кустарника.

Пересекли речку Мелич-су (Мелантус) и вступили в просторную, местами заросшую лесом низменность.

Переезжаем деревянный мост, переброшенный через широкую и глубоководную, но илистую, с теплой водой реку Терме-чай, по обоим берегам которой далеко разбросаны до 500 хижин поселения Терме, совершенно покинутого из-за эпидемии малярии. Здесь выращивается отличный виноград, но нет оливок. Продолжаем наш путь по паркообразной равнине к притаившейся за деревьями деревушке Яуртлы (кисломолочная), затем — к городу Чаршамба, насчитывающему 700—800 домов, разбросанных среди садов у обоих берегов илистого Ешил-Ирмака.

23 августа. Едем по равнине, местами заболоченной. Далее, через пыльную пустынно-холмистую местность к деревне Сарым-Сак (чеснок), изобилующей высокими ореховыми деревьями и грабом, снизу доверху обвитыми плющом и диким виноградином.

24 августа. Направление северо-западное. Продвигаемся вдоль северного подножия горы Кикизлюк по равнине в течение четверти часа между подножием и морем. Затем в течение одного часа пробираемся через крутое предгорье у самого моря, а еще один час — по прибрежной равнине к реке Мерд-Ирмак и в город Самсун.

Мой старый гостеприимный хозяин, английский консул Гурцино приютил меня на три недели, после того как я по его настойчивым советам отказался от своего плана вернуться в Константинополь по новой сухопутной дороге. Я отплыл в столицу 18 сентября и прибыл туда 20. Там все еще взаимно уравновешивались силы между военной партией, сторонниками европейских держав и теми, кто склонялся к соглашениям, к которым, в сущности, принадлежал и сам султан. В конце концов на заседании 26 сентября значительным большинством голосов было решено объявить войну. Старый Хозрев-паша, увидев себя побежденным Мухаммедом-Али и военной группой, поднялся со своего места, полный гнева, и, поглаживая длинную белоснежную бороду, покинул зал заседания со словами: «Эта борода не раз чернела от пороха, поэтому я выступаю против войны. У тех, кто за войну, бороды пропахли французской помадой».

Султан все еще колебался, но наконец 4 октября вынужден был, главным образом под давлением английского посла сэра Стратфорда Редклиффа, подписать текст объявления войны, составленный в очень сдержанных выражениях. Мне ничего не оставалось делать, как скорейшим образом покинуть страну. Причем я поступил так же, как поступал и в Малой Азии, т. е. избрал не самый короткий и наиболее безопасный маршрут, а, верный своему девизу: «Фортуна благоприятствует смелым», решил поехать по наиболее интересному с точки зрения театра военных действий пути. Мой багаж был уже заранее отправлен прямым путем в Марсель. 11 октября я отправился на австрийском пароходе Ллойда, капитан которого только один знал тайну моей личности. Выдавая себя за французского врача, я посетил 12 октября в Варне пестрый лагерь польских, венгерских и итальянских добровольцев. В тот же день из-за мелководья в Сулинском гирле нам пришлось пересечь на маленькое судно; а потом в Галаце, вследствие занятости всех транспортных средств перевозкой турецких войск, потерять целую неделю до прибытия венского парохода.

Разработанная якобы заранее русская операция против турок оказалась, судя по виду обоих дунайских берегов, иллюзорной. Справа — отдельные казаки в качестве представителей агрессивной силы, слева, на высоком болгарском берегу, особенно у Силистрии, — концентрация всех турецких вооруженных сил. В Рушуке и Видине я был приглашен к пашам, чтобы дать сведения о положении в столице, и угощен кофе и трубкой, так как свою роль, теперь уже венгерского офицера, сыграл достаточно уверенно. Наконец 24 октября я добрался до нейтральной австрийской земли и прибыл в Вену, но не на восьмой или девятый день пути, как обычно, а только на семнадцатый день моего отъезда из Константинополя.

Предисловие

¹ «Об англо-французской политике в Восточном вопросе» (*«De la politique anglo-française dans la question d'Orient»*) написана после возвращения из шестой научной экспедиции по Малой Азии, продолжавшейся с 10 мая по 24 августа 1853 г. Будучи сотрудником штаба горных инженеров, П. А. Чихачев счел целесообразным опубликовать свой труд в Брюсселе под псевдонимом «Дипломат в отставке» (*«Un diplomate retiré du service»*).

² В марте 1853 г. Франция направила часть своих военно-морских сил в Саронический залив к берегам о-ва Саламин. 2 июня сюда же из Мальты прибыл английский флот. 13 июня объединенный англо-французский флот пришел в Безнка-Бей (недалеко от Дарданелл). 23 октября, когда на Дунае начались русско-турецкие военные действия, англо-французская эскадра вошла в Босфор, а 4 января 1854 г. — в Черное море.

³ Крымская, или Восточная, война — война Турции, Англии, Франции и Сардинии против России в 1853—1856 гг. Важнейшей причиной войны явились экспансионистские устремления западных держав, главным образом Англии, сталкивавшиеся с интересами России, которая использовала национально-освободительное движение славян и других народов, находившихся под турецким игом, в целях укрепления и расширения своих позиций в этом районе.

⁴ Диван — высший совет при султанах или при великом визире в Османской Турции.

⁵ Парижский мирный договор положил конец Крымской войне. Он был заключен на конгрессе, проходившем с 25 февраля по 30 марта 1856 г. в Париже. В работе конгресса приняли участие Россия, Англия, Франция, Сардиния, Турция и Австрия. Уже в ходе конгресса по настоянию Наполеона был приглашен представитель Пруссии.

⁶ Речь идет о крестьянской реформе 1861 г. Учитывая требования экономического развития страны и обострившиеся, особенно после поражения в Крымской войне, крестьянские волнения против оброков, барщины и вообще крепостничества, царское правительство отменило в интересах нарождавшихся капиталистов крепостное право и тем самым ускорило превращение России в буржуазную монархию.

⁷ Во время седьмой научной экспедиции по Малой Азии (10 мая — 9 сентября 1858 г.) П. А. Чихачев по просьбе редактора французской газеты «Nord» направил в адрес редакции для публикации 15 писем. Позже эти письма вышли отдельной брошюрой (*«Lettres sur la Turquie»*) и получили достойное признание. Так, например, известный французский ученый и публицист Сен-Мар Жирарден в *«Journal des débats politiques et littéraires»* в 1859 г. отмечал: «Я читал много книг о Востоке, и особенно о Турции. Но не знаю ни одной, которая увлекла и научила бы меня боль-

шо нежелали „Письма о Турции“ г-на Чихачева. Он истинно европейский ученый первого разряда, а его путешествие по Малой Азии — выдающееся явление в науке... Я люблю в нем путешественника и наблюдателя и предоставляю право моим коллегам по Академии наук хвалить его как русского ученого. Особенно нравятся мне в „Письмах“ г-на Чихачева два качества. Во-первых, автор больше всего любит правду. Во-вторых, у него есть свое научное лицо, свой характер и собственный ум».

⁸ Впервые «Письма о Турции» на русском языке были опубликованы в 1960 г. (П. А. Чихачев, Письма о Турции, М., ИВЛ, 1960).

⁹ Берлинский договор заключен на Берлинском конгрессе, проходившем с 13 июня по 13 июля 1878 г. под председательством Бисмарка. В основном был направлен против Сан-Стефанского договора (см. прим. 9).

¹⁰ Сан-Стефанский договор заключен между Россией и Турцией 3 марта (19 февраля) 1878 г. в местечке Сан-Стефано (близ Стамбула). Положил конец русско-турецкой войне, начатой 24 апреля 1877 г. Договор предусматривал независимость Черногории, Сербии, Румынии. Создавалось новое государство — Болгария, включавшее в себе Восточную Румелию. Территория Болгарии определялась в 16 тыс. кв. км и простиралась от побережья Эгейского моря до Черного. Босния и Герцеговина получали самоуправление. России возвращалась Бессарабия, кроме того, к ней отходило устье Дуная. В Азии к России отходили земли с городами Ардаган, Карс, Батуми и др.

¹¹ Луи-Филипп (1773—1850) — герцог Орлеанский, затем король Франции (1830—1848). Во время февральской революции 1848 г. был свергнут с престола и эмигрировал в Англию.

Об англо-французской политике в Восточном вопросе (De la politique anglo-française dans la question d'Orient)

(опубликована в Брюсселе в 1854 г.)

¹ Речь идет о нашедшем скандальном деле португальца по происхождению, но находившегося под английским покровительством купца-финансиста Дона Пасифико. Поводом к этому послужило разграбление в 1850 г. в Афинах особняка Пасифико, который предъявил греческому правительству к оплате необоснованный счет. В ответ на отказ оплатить сомнительный счет английское правительство по настоянию Пальмерстона предъявило Греции резкий ультиматум и направило военные корабли для блокады Пирея.

² Имеется в виду конфликт, связанный с делом Пасифико (см. прим. 1).

³ Юлиус Якоб Гайнау (1786—1853) — австрийский фельдмаршал. Во время пребывания в Лондоне (1850) рабочие пивоваренного завода «Барклей и К°» избили его за жестокое подавление революционного движения в Венгрии и Италии (1848—1849).

⁴ Речь идет о так называемой опиумной войне (1839—1842), захватнической войне Англии, положившей начало колонизации Китая.

⁵ Лайош Кошут (1802—1894) — вождь венгерского национально-освободительного движения, выступавший против феодально-абсолютистского режима и за освобождение Венгрии из-под власти австрийской династии Габсбургов. Выражая взгляды либерального дворянства, возглавлял буржуазно-демократические элементы в революции 1848—1849 гг. После поражения революции эмигрировал в Турцию, затем в Англию и, наконец, в Италию, где и умер (в Турине).

⁶ Греческий остров в Ионическом море. В 1797 г. был захвачен вой-

сками Бонапарта. В 1798—1799 гг. русско-турецкая эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова освободила ряд Ионических островов, в том числе и о-в Корфу (19 февраля 1798 г.). В том же году Ф. Ф. Ушаков провозгласил на Ионических островах республику. В 1807 г. о-в Корфу по Тильзитскому миру вновь стал французским владением, а по решению Венского конгресса (1814—1815) отошел к Англии. Английские колонизаторы жестоко расправлялись с греческим населением, боровшимся за освобождение. В 1864 г. о-в Корфу воссоединился с Грецией.

⁷ Буржуазно-демократическая революция 1848 г. во Франции, свергнувшая монархию Луи-Филиппа. Февральская революция оказала большое влияние на буржуазно-демократические революции 1848 г. в Австрии, Венгрии, Германии и Италии.

⁸ Германский таможенный союз был основан в 1834 г. В него вошли почти все немецкие государства, за исключением Австрии. Во главе союза была Пруссия. Таможенный союз, установивший общую таможенную границу, способствовал политическому объединению Германии.

⁹ Роберт Пиль (1788—1850) — сын крупного промышленника, английский государственный и политический деятель. Занимал ряд ответственных постов, в том числе дважды был премьер-министром (1834—1835 и 1841—1846). В 1846 г. Пиль сумел отменить «хлебные законы», ограничивавшие или запрещавшие ввоз хлеба из-за границы, и тем самым нанес удар по земельной аристократии. Реформа Пили была воспринята как победа трудящихся, так как в результате свободной торговли произошло снижение цен на хлеб.

В действительности же реформа дала возможность промышленной буржуазии снизить заработную плату рабочим и увеличить свои прибыли.

¹⁰ Виги и тори — английские политические партии буржуазно-аристократической олигархии, возникшие в конце 70 — начале 80-х годов XVII в.

Первая из них выражала интересы главным образом торговой и банковской буржуазии, выступала за ограничение королевской власти и являлась предшественницей либеральной партии. Вторая опиралась на крупных землевладельцев-аристократов и верхушку духовенства; она являлась предшественницей консервативной партии.

¹¹ Эол — герой древнегреческой мифологии. Владыка ветров.

¹² Ганзейские города — Любек, Гамбург и Бремен.

¹³ Квартер — английская мера веса, равная 12,7 кг.

¹⁴ Имеется в виду грандиозный пожар Москвы во время Отечественной войны 1812 г.

¹⁵ Первое политически оформленное революционное движение английского пролетариата, зародившееся в 30-х годах XIX в.

¹⁶ Политическая партия мелкой и средней буржуазии Великобритании. В 30-40-х годах примыкала к чартистскому движению и стремилась удержать его в рамках мирной агитации.

¹⁷ Джон Буль (Джон Бык) — нарицательное имя английской буржуазии, которое впервые ввел в оборот писатель-просветитель Арбетнот в своем произведении «История Джона Буля» (1712 г.).

¹⁸ Омар-паша (Омер-паша) — командующий турецкой армией на Дунае.

¹⁹ Пальмерстон Генри Джон Темпл (Palmerston) (1784—1865) — английский государственный деятель и дипломат. Вначале он был сторонником тори, а с 1830 г. — один из лидеров вигов, опиравшийся на правые элементы этой партии. Министр иностранных дел (1830—1834, 1835—1841, 1846—1851), министр внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865). Яркий проводник английской колониальной системы. Защищал в интересах английской буржуазии принцип «целостности» Османской империи и тем самым угнетение Турцией балканских народов. Главным противником английской экспансии на Восток он считал Россию. Один из основных подстрекателей и организаторов Крымской войны.

²⁰ В 1850 г. с целью ускорения позиций Франции на Ближнем Востоке Луи Бонапарт разжег извечный спор между греко-православной и римско-католической церквами о так называемых святых местах, т. е. право распоряжаться христианскими святынями в Палестине. Этот спор разросся в крупный дипломатический конфликт и явился одной из причин Крымской войны.

²¹ Лорд Редклифф (Redcliffe) (1786—1880) — британский дипломат, известный своим влиянием на турецкого султана.

²² Правительство Тюильри — правительство Франции, по названию дворца — бывшей резиденции королей Франции. Сожжен парижскими коммунарами в 1871 г.

²³ Саламин — греческий город на о-ве Саламин в Сароническом заливе.

²⁴ Ришелье (Richelieu) (1585—1642) — французский государственный деятель, герцог, кардинал (1622).

В 1624—1642 гг. — первый министр Людовика XIII, активный деятель укрепления абсолютизма.

²⁵ Легитимисты (от *legitimus* (лат.) — «законный») — сторонники свергнутой в 1792 г. династии Бурбонов, представлявшей интересы крупного наследственного землевладения. В 1830 г., после вторичного свержения этой династии, легитимисты объединились в политическую партию, опирающуюся на финансовую буржуазию и аристократию.

²⁶ Орлеаннисты — сторонники династии Орлеанов, опиравшиеся на крупную буржуазию.

²⁷ Меншиков, Александр Сергеевич (1787—1869) — князь, военный и государственный деятель. В феврале 1853 г. возглавил чрезвычайную миссию, направленную царским правительством в Константинополь с требованием, чтобы Турция признала права покровительства России над православными подданными султана. Отказ султана обусловил разрыв дипломатических отношений. С целью оказать военное давление на Турцию русские войска по приказу Николая I 14 июня 1853 г. оккупировали «дунайские княжества» (Валахию и Молдавию). После отказа на ультимативное требование султана отвести войска с оккупированных территорий Турция 4 октября объявила России войну.

С 1853 по 1855 г. Меншиков — главнокомандующий сухопутными и морскими силами России в Крыму.

²⁸ Безика-Бей — бухта в Эгейском море, недалеко от Дарданелл (см. прим. 2, стр. 220).

Прочен ли Парижский мир? (La paix de Paris est-elle une paix solide?)

(опубликована в Брюсселе в 1856 г.)

¹ Имеется в виду нашумевшее дело Пасифико (см. прим. 1, стр. 221).

² Нессельроде, Карл Васильевич (1778—1862) — граф, канцлер (1845), министр иностранных дел России (1816—1856). Во внешней политике был сторонником согласованных действий с Австрией и Пруссией. Новая внешнеполитическая линия Николая I, выражавшаяся в стремлении к сближению с Англией и Францией, привела к ориентации Нессельроде на Англию. Ошибочность этой политики наглядно проявилась в Крымской войне. В 1856 г. после подписания Парижского мирного договора Александр II дал Нессельроде отставку и на его место назначил А. М. Горчакова.

³ «L'indépendance belge» («Бельгийская независимость») — ежедневная газета, основана в 1831 г. в Брюсселе. Орган либеральной буржуазии.

⁴ Вестфальский мирный договор подписан 24 октября 1648 г., положил конец Тридцатилетней войне в Европе (1618—1648).

⁵ Государственный переворот во Франции, в результате которого Луи-

Наполеон Бонапарт провозгласил себя французским императором под именем Наполеона III.

⁶ Людовик Бонапарт — брат Наполеона I, отец Наполеона III.

⁷ «Журналь де деба» («Journal des Debats») — сокращенное название ежедневной газеты «Journal des Debats politiques et litteraires», выходящей в Париже с 1789 г. В рассматриваемый период отображала интересы орлеанской буржуазии.

⁸ «Zietschrifte für allgemeine Erdkunde» — журнал по всеобщей географии.

⁹ «Corporation of Lloyd's» — английское страховое объединение, основанное в конце XVII в. предпринимателем Э. Ллойдом. В переносном смысле употребляется как общество для морского страхования, а также судоходства.

¹⁰ Понт — древняя область в северной части Малой Азии. Понт Эвксинский — название Черного моря в древности (букв.: гостеприимное море).

¹¹ Пьемонт — пограничная с Францией и Швейцарией область в северо-западной части Италии.

¹² Виктор-Эммануил II (1820—1878) — король сардинский, затем итальянский.

¹³ Кавур и де Вилламариана — итальянские политические деятели.

¹⁴ Кларендон (Вильерс, Джордж-Вильям) — лорд, английский политический деятель, либерал.

¹⁵ Валевский, Александр Флориан (1810—1868) — граф, сын Наполеона I и польской графини Валевской. Французский дипломат, был посланником во Флоренции, Неаполе, Мадриде и Лондоне. В 1855—1860 гг. — министр иностранных дел, активный сторонник участия Франции в Крымской войне против России.

¹⁶ Никомедия — древнее наименование города Измид.

¹⁷ «The Morning Advertiser» — лондонская ежедневная газета, орган радикальной буржуазии. Основана в 1794 г.

¹⁸ «The Morning Chronicle» — лондонская ежедневная газета, орган влиятельных консерваторов. Выходила с 1770 по 1862 г.

¹⁹ Магомет — имеется в виду султан Мехмет II эль-Фатих («Завоеватель») (1430—1481), талантливый турецкий полководец, завоеватель Константинополя (1453), Фракии, Македонии и многих других княжеств. Отличался чудовищной жестокостью. Царствовал с 1451 по 1481 г.

²⁰ Сулейман — имеется в виду султан Сулейман-Кануни («Законодатель») (1494—1566). В годы царствования Сулеймана-Кануни (1520—1566) Турция достигла наибольшего могущества.

²¹ Дизраэли, Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881) — английский государственный деятель и писатель; лидер консерваторов. В 1868 г. и в 1874—1880 гг. — премьер-министр.

Письма о Турции (Lettres sur la Turquie)

(опубликована в 1859 г.)

¹ См. прим. 10, стр. 224.

² В середине XIX в. английские капиталисты хотели на кабальных условиях для Турции получить концессию на строительство железной дороги Самсун — Сивас, но в результате конкуренции других стран, стремившихся также проникнуть в Турцию, осуществить этот проект не удалось. Действующая в настоящее время железная дорога Самсун — Сивас построена турецким государством в основном в республиканский период.

³ Ирис — древнее название реки Ешиль-Ирмак.

⁴ Шабхане-Карахисар — ныне Шебин-Карахисар.

⁵ В 1856 г. султан Абдул Меджид торжественно провозгласил воззвание о реформах («Хатти хумаюн») в Османской империи.

⁶ Имеется в виду Эрзурум, который в древние и средние века назывался Карином и был столицей Армении.

⁷ Ферде — старая единица измерения тканей в Иране и Турции, соответствует рулону (примерно 33 м).

⁸ Речь идет о подготовке к реформам, в частности об отмене крепостного права в царствование Александра II.

⁹ Кантар — мера веса, равная 100 кг.

¹⁰ Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг.

¹¹ Ибрагим — сын египетского правителя Мухаммеда Али (1805—1849), одержавший ряд побед над турецкими войсками.

¹² Имеется в виду Парижский мирный договор 1856 г.

Италия и Турция (Italie et Turquie)

(опубликована в 1858 г. в Париже)

¹ Конгресс (второй) европейских монархов, объединившихся после падения империи Наполеона в так называемый Священный союз.

В 1820 г. с целью подавления революционного движения в Неаполе, угрожавшего австрийскому владычеству в Ломбардии и Венеции, в Троппау (Силезия) был созван конгресс пяти держав: Австрии, России, Пруссии, Англии и Франции.

² Конгресс в Лайбахе (Любляне) явился продолжением Троппауского конгресса 1820 г. В январе 1821 г. участники Троппауского конгресса переехали в Лайбах для переговоров с итальянскими государями. Официально конгресс работал до начала марта.

³ В 1822 г. в Вероне (Италия) состоялся последний конгресс «Священного союза», на котором обсуждались итальянские дела, русско-турецкий конфликт, французская интервенция в Испанию и др. Страх перед испанской революцией обусловил единство России, Австрии и Пруссии в вопросе французской интервенции в Испанию, что шло вразрез с интересами Великобритании и США.

⁴ Одоакр — один из начальников наемных германских дружин, низложивший западноримского императора Ромула Августула и захвативший в 476 г. верховную власть в Италии. Был убит в 493 г.

⁵ Симонд де Сисмонди (1773—1842) — швейцарский буржуазный экономист и историк, критик буржуазной политической экономики. К. Маркс относит Сисмонди к экономистам классической школы политической экономии Франции.

Россия и Восточный вопрос (La Russie et la question d'Orient)

(опубликована в 1860 г. в Париже)

¹ В 50-х годах XIX в. в Сирии усилились волнения крестьян, направленные против гнета феодалов и иностранного капитала. В 1860 г. западные державы с целью направить эти волнения на путь межрелигиозных распр спроводировали в Дамаске христианский погром. Погром послужил причиной оккупации французскими войсками Сирии, что вызвало протест со стороны Австрии, Англии и России.

² См.: «Об англо-французской политике в Восточном вопросе».

³ Имеется в виду Парижский договор 1856 г.

⁴ Имеется в виду итальянская революция 1848 г.

⁵ Речь идет о поражении революции 1848—1849 гг. в Венгрии, в результате которой австрийские власти вновь установили в Венгрии режим жестокого террора.

⁶ Друзы — одна из многих шиитских сект, обитают главным образом в горных районах Сирии и Ливана. Они не признают для себя обязательным выполнение мусульманских обрядов (см.: Е. А. Беляев, Мусульманское сектанство, М., 1957).

⁷ «Завещание» Петра Великого — фальшивый документ, ложно приписываемый Петру I и используемый некоторыми зарубежными историками для антирусской пропаганды. Версия о «завещании» появилась в 1797 г. Во времена П. А. Чихачева она имела в Западной Европе широкое распространение и считалась многими подлинной. См.: Н. Ф. Яковлев, О так называемом завещании Петра Великого. — «Исторический журнал», 1941, № 12; Е. Н. Данилов, «Завещание» Петра Великого, — «Труды историко-архивного института», т. 2, 1946.

⁸ Абд-эль-Кадер — алжирский эмир, предводитель алжирских арабов в войнах против французов в Марокко и Алжире.

Турция в изображении Мирэ

(La Turquie — Mirés)

(опубликована в 1861 г. в Париже)

¹ В 1840 г. французский публицист Кабе (Cabet) опубликовал книгу «Путешествие в Икарию», в которой проповедуются утопический коммунизм, построенный в вымышленной стране Икарии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Об англо-французской политике в Восточном вопросе (пер. с франц. А. К. Сверчевской)	18
Прочен ли Парижский мир? (пер. с франц. В. В. Цыбульского)	51
Письма о Турции (пер. с франц. В. В. Цыбульского)	90
Италия и Турция (пер. с франц. В. В. Цыбульского)	143
Россия и Восточный вопрос (пер. с франц. А. К. Сверчевской)	168
Турция в изображении Мирэ (пер. с франц. В. В. Цыбульского)	189
Приложения	
Шестое путешествие П. А. Чихачева по Малой Азии (15 мая — 11 октября 1853 г.) (пер. с нем. В. В. Гордеева)	201
Примечания	218

ОПЕЧАТКА

Стр. 7. Подпись под портретом читать: П. А. Чихачев.